

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1638

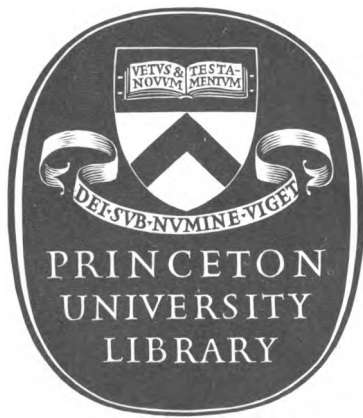
.72675

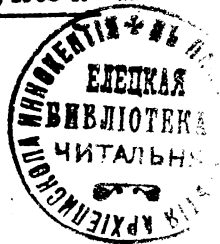
Princeton University Library

32101 074391523

По выпискам „Юной России“
1908г.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

94
1-4

Проф. А. Л. Погодина.

Со многими рисунками.

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 31.
1908.

Книгоиздательство Д. И. Тихомирова.

Москва, Б. Молчановка, д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ СКЛАДА:

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ *Бр. Башмаковъхъ*, Итальянская, 31. Въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ *Т-ва И. Д. Сытина*. Въ Вильнѣ, въ книжномъ магазинѣ *А. Г. Сыркина*. Въ Воронежѣ, въ книжномъ магазинѣ *М. И. Агафонова*. Въ Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ *Т-ва И. Д. Сытина*. Въ Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. В. Шаферманъ*. Въ Иркутскѣ, въ книжномъ магазинѣ *П. И. Макушина и Посохина*. Въ Казани, въ книжномъ магазинѣ *Бр. Башмаковъхъ*. Въ Киевѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. А. Розова*. На Нижегородской ярмаркѣ, въ книжномъ складѣ *Т-ва И. Д. Сытина*. Въ Одессѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. А. Розова*. Въ Ростовѣ на Дону, въ книжномъ магазинѣ *Т-ва И. Д. Сытина*. Въ Томскѣ, въ книжномъ магазинѣ *П. И. Макушина*. Въ Харьковѣ, въ книжномъ магазинѣ *Т-ва И. Д. Сытина*.

Изданія *Д. И. Тихомирова* продаются и во всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, книжныхъ магазинахъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

- АЛТАЕВЪ, Ал. Сынъ рудокопа.** Картины изъ жизни Мартина Лютера. Ц. 50 к.
- **Дѣти скорби.** Съ рисунками. Ц. 45 к.
- БРЕТЪ-ГАРТЪ.** *Счастье „Ревущаго стана“.*— *Компаньоны.* Рассказы. Переводъ подъ редакціей *Е. Н. Тихомировой*. Ц. 15 к.
- БЪЛОУСОВЪ, Ив.** *Иностранные народные поэты въ біографіяхъ и образцахъ.* 2-е изданіе. Ц. 35 к. *Допущена* въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки.
- ДРУЖИНИНЪ, Н. П. Ф. Лестеръ.** *Къ свободѣ и порядку.* Рассказъ о томъ, какъ одичавшій англичанинъ вернулся на родину и усвоилъ законы и обычай конституціонной страны. Переводъ съ англійскаго. Ц. 45 к.
- НОСИЛОВЪ, К. Д.** *Золотое время.* Очерки и рассказы. Волки.—Никифоровна.—За сараюшками.—Зося.—Сестра Оля.—Мои первыя путешествія.—На колокольнѣ. Ц. 45 к.
- **На дикомъ сѣверѣ.** Первый сборникъ рассказовъ. Яхурбетъ.—Птичій островъ.—Дѣдушка вогуль и его внуки. Ц. 40 к. *Допущена* въ учен. библ. низш. учл. и въ безпл. библ. и чит.
- **На дикомъ сѣверѣ.** Второй сборникъ рассказовъ. Счастливая ловля.— На родинѣ.— Ворона.— Наши инженеры.— Въ гостяхъ у остяка.— Судъ. Ц. 40 к. *Допущена* въ ученич. библ. низш. учл. и въ безпл. библ. и чит.

IV, 626,

A. L. Pogodin

Безплатное приложение къ журналу „ЮНАЯ РОССИЯ“, № 12 1908 г.

24
П-1

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

Проф. А. Л. Погодина.

1924

Со многими рисунками.

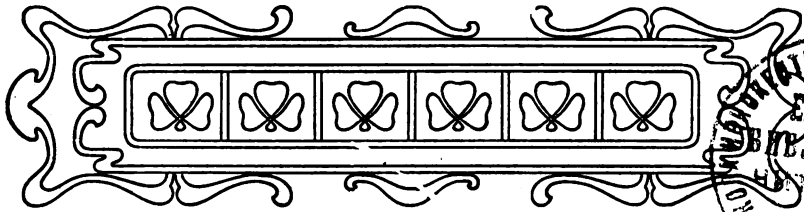
МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., л. № 31.
1908.

9504,

1638

172675

ГЛАВА I.

Какъ основалось и развилось польско-литовское государство?

Исторія Польши начинается немного позже русской: только во второй половинѣ X вѣка, когда у насъ княжили Свято-славъ и потомъ Владиміръ Святой, у поляковъ появляется первый историческій князь Лешко, который распространилъ

Типъ польской крестьянки.

въ своемъ государствѣ свѣтъ христіанства. До того времени о польскомъ народѣ и его князьяхъ ходили кое-какіе слухи, но достовѣрныхъ свѣдѣній было очень мало.

Попастъ въ Польшу было очень трудно уже вслѣдствіе

5-27-69 E

того, что рѣки имѣли иной характеръ, нежели теперь. Въ настоящее время тому, кто видѣлъ рѣку Одеръ, трудно себѣ представить, чему такъ радовался Фридрихъ Барбаросса, переправившись черезъ Одеръ; трудно себѣ представить, какъ онъ могъ ужасаться глубины этой рѣки и признать ее стѣной, отгораживающей Польшу отъ сосѣдей. А между тѣмъ, дѣйствительно, громадныя тогда рѣки, протекавшія среди болотъ по измѣнчивому руслу, наполненныя корягами и пло-

Типъ польскаго крестьянина.

вучими стволами деревьевъ, сильно преграждали путь войску завоевателя, охраняли страну, какъ стѣна.

Поляки заняли область между Одеромъ и Вислой съ Западнымъ Бугомъ; они доходили на сѣверѣ до Балтійскаго моря и на югѣ до Карпатъ.

Характеръ мѣстности въ этой области былъ различный, но преобладали болота и дѣвственные лѣса, голые торфяники. Въ Малопольшѣ, въ отрогахъ Карпатъ, у Кракова, болотъ было меньше, здѣсь лѣсами были покрыты вереницы холмовъ, а въ долинахъ бѣжали ручьи и рѣчки.

Въ лѣсахъ водились страшные дикіе звѣри: сѣрый туръ (быкъ), съ чернымъ пятномъ на спинѣ, длинногривый зубръ, кудлатый медвѣдь; на деревьяхъ поджидала свою добычу коварная рысь; въ лѣсу рыла корни дикая свинья, отъ клыковъ которой гибло не мало охотниковъ. На берегахъ рѣкъ строились свои высокіе домики бобръ, ловила рыбу выдра. Лосей, сернь, оленей было множество. Волки составляли настоящій бичъ для населенія. Въ болотахъ гнѣздились тучи водяной птицы. Нечего и упоминать о разной

Типъ польской крестьянки.

мошкарѣ и гадахъ, для которыхъ было такое раздолье среди болотъ и лѣсовъ Великопольши (у Познани) и Маровіи (по Вислѣ).

Населеніе, жившее въ этихъ условіяхъ, было обречено долгое время на незамѣтное существованіе среди пригорковъ, болотъ и лѣсовъ. Здѣсь не было ничего такого, что могло бы привлечь вниманіе римскихъ и греческихъ полководцевъ или купцовъ: янтарь, который во времена Нерона былъ въ большой модѣ у римскихъ богачей, добывался нѣмецкими племенами; а шкуры бобровъ, куницъ, соболей попадали

въ Римъ изъ славянскихъ земель, тоже черезъ нѣмецкихъ скупщиковъ. Поэтому польскіе славяне очень поздно выступаютъ на арену исторіи, еще позже, чѣмъ русскіе.

Типъ польскаго крестьянина^а.

Черезъ Русь шла дорога „изъ Варягъ въ Греки“, т. е. торговый путь по Волхову, Ильменю и Днѣпру отъ Финскаго залива въ Черное море и Царьградъ (Константинополь), тогда какъ польскіе славяне лишь на рѣкѣ Вислѣ соприкасались съ иноземнымъ и торговыми и культурными племенами, именно съ Готами. Эти Готы уже въ половинѣ III-го вѣка по Р. Х. пробрались съ Вислы на побережье Чернаго моря.

Много разъ было замѣчено, что соплеменники складываются въ народъ только подъ гнетомъ иностранцевъ: необходимость борьбы съ народомъ, чуждымъ

по языку и нравамъ, заставляетъ родственныя другъ другу племена, часто враждующія между собой, объединиться и создать у себя крѣпкую власть. Такъ случилось, кажется, и у польскихъ славянъ.

О первомъ князѣ у привислинскихъ племень мы узнаемъ въ половинѣ IX-го вѣка, изъ житія Св. Кирилла и Меѳодія. Потомъ цѣлыя сто лѣтъ мы ничего не слышимъ о полякахъ. За то недостатокъ исторіи восполняется легендами, записанными польскими лѣтописцами XII—XIII вѣковъ. Легенды эти очень похожи на сказки другихъ народовъ. Въ нихъ разска-

Типъ польскаго крестьянина изъ Прикарпатя.

зывается про царя Крака *), въ честь котораго былъ основанъ городъ Краковъ, про его дочь Ванду, нашедшую смерть въ водахъ Вислы, про царя Попеля, котораго съѣли мыши.

Основателемъ новой династіи, потомки котораго были уже историческими князьями Польши, легенды называютъ како-

*) Этотъ Кракъ называется также въ легендахъ Гракомъ, и къмъ-то высказано было предположеніе, не состоитъ-ли онъ «въ родствѣ» съ нашимъ царемъ Горохомъ.

то Пяста, сына бѣдныхъ родителей. Легенда повѣствуетъ, что апостолы, прогнанные Попелемъ, пришли къ отцу Пяста—Котышкѣ и попросили ѣсть. Какъ ни бѣдны были эти крестьяне, они выставили передъ стариками-нищими, подъ видомъ которыхъ ходили по землѣ апостолы Павелъ и Іоаннъ (или ангелы), все лучшее и еще извинялись, что не могутъ угостить ихъ поприличнѣе. Но едва гости сѣли за столъ, какъ кушанья начали умножаться, такъ что пищей и напитками наполнились всѣ сосуды. Котышко созвалъ [всѣхъ со-сѣдей, въ томъ числѣ и Попеля, а гости постригли Пяста, предсказавши тѣмъ его будущее избраніе въ короли.

Не напоминаетъ ли эта легенда нашу великорусскую былинку объ Ильѣ Муромцѣ, какъ онъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года, и какъ пришли къ нему въ село Карачарово три странника, калики перехожіе, попросившіе напиться и наградившіе Илью? Такихъ [легендъ о странствованіи по землѣ Христа и апостоловъ и иныхъ святыхъ для испытанія людской праведности и гостепрѣимства очень много, и преданіе о Пястѣ одно изъ нихъ. Но среди вымысла въ этомъ преданіи: о Пястѣ скрывается доля истины: Пястъ, вѣроятно, былъ исторической личностью; выбрали его въ князья послѣ паденія какого-то другого племенного князя.

Изъ потомковъ Пяста вышелъ и тотъ князь, съ котораго начинается уже не легендарная исторія Польши, именно — князь Мѣшко. Это было во второй половинѣ 10 вѣка, когда на польское племя со всѣхъ сторонъ надвигались враги: съ юга и востока русскіе славяне, уже успѣвшіе сложиться въ государство, а съ запада страшные враги — нѣмцы. Послѣ смерти Карла Великаго и его сына Людовика, нѣмецкое государство стало все болѣе передвигать свои границы на востокъ, за Эльбу къ Одеру. Нѣмецкіе рыцари видѣли святое дѣло въ истребленіи языческихъ славянъ. Сосѣди поляковъ—

чехи уже давно приняли христианство и ввели свое государство въ рядъ просвѣщенныхъ христианскихъ государствъ Запада. Ихъ примѣру должны были послѣдовать и поляки, если хотѣли быть такими же сильными, какъ чехи.

И вотъ, князь Мѣшко вступаетъ въ связь именно съ чехами, у ихъ князя беретъ себѣ жену Дубравку, а потомъ въ 906 году принимаетъ со всѣмъ своимъ родомъ христианство. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нѣмцевъ сразу отпалъ предлогъ для ихъ

Старый Краковскій замокъ (Вавель).

постоянныхъ походовъ въ польскую землю: пока князь ея былъ язычникомъ, всегда можно было ссылаться на борьбу съ язычествомъ, а теперь приходилось выставить новую отговорку, будто-бы за Мѣшкомъ, какъ новообращеннымъ княземъ, необходимъ внимательный надзоръ. По просту, нѣмецкіе герцоги хотѣли обращаться съ польскими князьями, какъ съ подвластными: одинъ изъ нихъ даже не позволилъ Мѣшку сѣсть въ своемъ присутствіи. Но тотъ объявилъ войну, разбилъ наголову нѣмецкую рать, и потомъ въ продолженіе тридцати лѣтъ въ его княжествѣ царилъ спокойствіе. А князь

сумѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и другія земли, занятыя поляками, т. е. къ Великой Польшѣ: Краковъ, Мазовію, побережье Вислы. Такимъ образомъ, объединенная подъ однимъ скипетромъ, просвѣщенная христіанствомъ Польша заняла мѣсто въ ряду европейскихъ католическихъ государствъ.

Это произошло въ концѣ 10 вѣка и, значить, въ продолженіе 8 столѣтій Польша переживала судьбы Европы, какъ равное и независимое государство, испытывала тѣ же стремленія къ освобожденію Гроба Господня отъ турокъ, которые

Краковъ.

волновали крестоносцевъ, отражала въ своей духовной жизни современные интересы къ философіи, рыцарской поэзіи, потомъ къ литературѣ классическихъ народовъ. Прошлое Польши съ ея своеобразнымъ бытомъ, представляющимъ иногда любопытное смѣшеніе западноевропейскихъ вкусовъ съ восточными азіатскими, сохраняется до сихъ поръ въ историческихъ музеяхъ, напр., въ великолѣпномъ музеѣ князей Черторыйскихъ въ Краковѣ; гробы королей до сихъ поръ покоятся въ старомъ замкѣ Вавелѣ...

Мѣшко смѣнило его потомство, которому предстояла большая историческая задача: удержать нѣмецкій потокъ, стремившійся занять польскія земли, создать сильное славянское государство среди польскихъ племенъ, связать его съ сосѣдними славянскими княжествами: поморянъ на Балтійскомъ морѣ, мораванъ и чеховъ, наконецъ, съ недавно образовавшимся государствомъ мадьяръ или венгровъ, пришедшихъ изъ сѣвернаго Кавказа и находившихся въ племенномъ родствѣ съ теперешними остяками. Такъ въ 10 вѣкѣ на востокѣ Европы развивается цѣлый рядъ новыхъ государствъ, новыхъ племенъ, о которыхъ ничего не знали еще такъ недавно ни гордые ромей-византійцы, ни римская церковь, ни германскіе герцоги. Это государства славянскія (Польша, Чехія, Моравія, Болгарія и Сербія, а еще восточнѣ Россія), полуславянскія, какъ Венгрія, или же подчинившіяся славянской культурѣ, какъ Молдавія, населенная потомками римскихъ солдатъ и древнихъ еракійскихъ племенъ, румынами.

Свѣжія молодыя племена, познакомившись съ христіанской культурой, начали быстро развиваться: съ удивительной быстротой собрали русскіе князья славянскія племена, раскинувшіяся на громадной восточно-европейской равнинѣ; чрезвычайно скоро усвоили себѣ греческую образованность болгары, латинскую-чехи и поляки.

Полякамъ принадлежитъ очень видная роль въ исторіи западнаго славянства. Не разъ короли ихъ объединяли подъ своей рукой чеховъ и поляковъ, но удержать не могли: сила, которая пріобрѣла такую мощь въ современномъ мірѣ, національное сознаніе, почти не существовала въ средніе вѣка; выше всего стояло господство церкви и ея представителя, преемника апостола Петра, папы римскаго; передъ нимъ были равны всѣ люди, отъ императора до нищаго, а внутренняя цѣнность жизни народа опредѣлялась не его внѣшнимъ

господствомъ, а чистотой его вѣры, готовностью послужить Богу и церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ мировоззрѣніи было много душевной высоты, которой теперь не замѣчается въ нашей исторіи. Но слѣпой фанатизмъ, который руководилъ дѣйствіями людей въ средніе вѣка, былъ опасной силой, если онъ направлялся на злыя дѣла.

Теперь, когда съ такимъ усиленіемъ высшіе классы маленькихъ народовъ поддерживаютъ среди низшихъ свое народное сознание, особенно страннымъ представляется, какъ это польскій князь могъ въ союзъ съ нѣмецкимъ государемъ истреблять мечемъ и огнемъ своихъ соплеменниковъ, поморскихъ славянъ, за то только, что они были язычниками и хотѣли по-прежнему поклоняться своему Святовиду. Но, повторяю, чувство народнаго единства было чуждо церкви, и самыя религіи такъ враждовали между собой въ лицѣ ихъ священниковъ, какъ это ужъ невысказуемо въ наше время, когда люди поняли, что насильно не навяжешь своей вѣры другому человѣку.

А сынъ Болеслава уже настолько проникся западной мудростью, что даже умѣлъ читать, а вѣдь немногіе изъ государей того времени были грамотны; это надо понимать, конечно, какъ умѣніе читать не по-польски, потому что о польской книгѣ никто тогда еще и не думалъ, а по-латыни. Отсутствие собственной азбуки сильно задержало развитие польской письменности: въ то время, какъ православные славяне имѣли уже въ 11 вѣкѣ отлично написанныя книги (напр., Остромирово Евангеліе 1054 г.), поляки еще въ концѣ 15 вѣка съ трудомъ передавали свои звуки буквами латинской азбуки, и еще едва начинались попытки выработать послѣдовательное правописаніе.

Болеславъ держалъ въ своихъ рукахъ все государство, а сынъ его уже не могъ въ этомъ отношеніи быть вѣрнымъ

продолжателемъ отцовскихъ завѣтовъ: въ Польшѣ стала развиваться удѣльная система, сопровождавшаяся, какъ и на Руси, сварами, а еще хуже этого—попытками обиженныхъ князей призывать себѣ на помощь иноземныя войска. Такія свары закончились для Польши въ 1031 году большой бѣдой. Нѣмцы отняли у нея всѣ завоеванныя Болеславомъ поэльбскія земли, датчане Поморье, чехи Мазовію, а Ярославъ Мудрый города Червонной Руси. А тутъ еще всѣ мелкіе польскіе князья подступили къ Мѣшку, сыну Болеслава, съ требованіями удѣловъ; удѣлы были даны, но безпорядки не прекратились; и самъ князь Мѣшко и удѣльные князья были перебиты, и скоро изъ всей династіи Пястовъ остался въ живыхъ только одинъ человекъ, да и тотъ былъ монахомъ, не имѣвшимъ правъ на престолъ.

Оказалось, такимъ образомъ, что государство, на созданіе котораго потратили столько труда Пясты, развалилось, его не было теперь, какъ лѣтъ сто тому назадъ, а у самого населенія не было замѣтно ни печали объ этомъ, ни заботы поправить дѣло. Происходило почти то же, что и у насъ, на Руси: князь со своей дружиной, въ которую вступалъ, кто хотѣлъ, очень мало былъ связанъ съ землей; онъ велъ войну, забиралъ толпы плѣнниковъ, которые становились рабами, судилъ въ своихъ городахъ населеніе, но въ жизни его принималъ самое незначительное участіе. Польша могла обходиться безъ князя, какъ и вѣче въ русскомъ городѣ „указывало дорогу“ князю, когда онъ становился ему не любъ.

Только необходимость собрать русскую землю противъ татаръ объединила Россію; и такая же бѣда помогла потомъ возстановить въ Польшѣ государство. Дѣло въ томъ, что враги не замедлили броситься на беззащитную землю, и здѣсь на первомъ мѣстѣ среди враговъ стоитъ опять-таки славянскій государь, чешскій князь. Нисколько не стѣняясь тѣмъ,

что онъ былъ христіаниномъ, онъ ограбилъ въ Гнѣзнѣ, столицѣ польскаго княжества, соборъ, увезъ оттуда всѣ сокровища, а всего повезъ домой сто возовъ добычи и толпы плѣнниковъ, т. е. захваченнаго по пути мирнаго населенія, цѣлое племя, которое онъ поселилъ въ Чехіи.

Великая и Малая Польша были опустошены, селенья въ развалинахъ, а жители двинулись въ глухую тишь мазовецкихъ лѣсовъ, какъ наши предки бѣжали отъ татаръ въ лѣса и болота Ростовской земли. Потребность въ созданіи сильной власти была настолько велика, что мазовшане сами для себя выбрали князя; но государство все еще было въ развалинахъ. Тогда мать молодого Казимира добилаь у римскаго папы, чтобы онъ разрѣшилъ ея сына отъ монашеской клятвы, и упросила нѣмецкаго императора помочь юношѣ добыть отцовскій престолъ,—дать ему войско: иначе, говорила она, займутъ Польшу чешскіе ремесловичи, и усилятся ихъ государство. Но Казимиру не пришлось добывать престолъ силой: всюду, куда онъ ни шелъ, въ Познани и въ Краковѣ, его встрѣчали съ радостью и ликованьемъ. Казимиръ Обновитель вернулъ въ скоромъ времени и Мазовію, и Силезію, и сталъ спокойно княжить до смерти своей, въ 1058 году.

Почти въ ту же пору на Руси умеръ Ярославъ Мудрый; въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, по смерти старшихъ князей начинается развитіе удѣльной системы. Того перехода изъ удѣла въ удѣлъ, вплоть до кіевскаго стола, который господствовалъ на Руси, въ Польшѣ не было: великимъ княземъ являлся здѣсь не старшій во всемъ родѣ, а старшій сынъ прежняго великаго князя; значить, каждый изъ князей долженъ былъ довольствоваться своимъ удѣломъ и, естественно, стремился передать его по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Этотъ процессъ развивался въ половинѣ 12 вѣка, т. е. какъ разъ въ то время, когда и русская земля начинаетъ распадаться на наслѣд-

ственные удѣлы. Впрочемъ, это было въ духѣ времени: по общепринятымъ воззрѣніямъ той эпохи, земля принадлежала всему княжескому роду, и каждый изъ членовъ его имѣлъ право на свою часть родовой земли. Такъ было и на Западѣ Европы, и у чеховъ, и у русскихъ, и у поляковъ.

При сынѣ Казимира Обновителя, Болеславѣ Смѣломъ, великому князю еще удавалось сдерживать стремленія своихъ братьевъ къ удѣльной независимости, хотя борьба съ нимъ была для Польши источникомъ великихъ несчастій. Но любопытно, что, умирая, сынъ этого князя раздѣлилъ свою землю между сыновьями, передавъ одному изъ нихъ краковскую землю, другому Силезію и Поморье, третьему Великоую Польшу и т. д. Такъ и въ Польшѣ установилась удѣльная система (съ 1138 года).

Но дальнѣйшая исторія Польши и Руси пошла совсѣмъ разными путями: нашествіе татаръ, переселеніе русскихъ обитателей степей на сѣверъ въ ростовскіе лѣса, образованіе городовъ „новыхъ“, какъ, напр., Владиміра, и другія причины содѣйствовали усиленію княжеской власти на сѣверѣ Руси, выдвинули на первый планъ московскаго князя, сдѣлали его „Собирателемъ“ русскихъ земель и уменьшили значеніе вѣчей и дружинъ, съ которыми когда-то, непременно, долженъ былъ совѣтоваться князь. Въ Польшѣ этихъ причинъ не было: напротивъ, въ постоянныхъ войнахъ съ западными народами, гдѣ развился рыцарскій классъ, князь долженъ былъ окружать себя избранными воинами, слушаться ихъ совѣта, поручать имъ отвѣтственные должности по устроенію своей земли. Когда князь былъ силенъ, сословіе воиновъ содержалось въ страхѣ и подчиненіи; но когда между князьями шла борьба, особенно же, когда Польша распалась на удѣлы, тогда начиналъ развиваться новый классъ, военное дворянство, усвоившее себѣ по образцу западно-европейскихъ собратьевъ

гербы, родословіе, рыцарское званіе и т. п. И въ то время, какъ на Руси исторія вела къ усилению княжеской власти, въ Польшѣ дѣло шло къ ея постепенному упадку, къ созданію очень оригинальнаго строя: республика съ королемъ во главѣ. Создался этотъ строй окончательно именно въ то время, когда Москва завершила процессъ образованія самодержавной царской власти при Иванѣ Грозномъ. Когда эти два государственныя начала столкнулись, оказалось, что польская республика не въ состояніи бороться съ самодержавіемъ царей, и уже съ половины 17 вѣка Польша перестаетъ быть опасной соперницей Россіи.

Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, едва намѣчались зародыши будущей шляхты (дворянства); власть князя еще не была ограничена никакими договорами, а войны были ему хорошими помощниками въ управленіи крестьянскимъ населеніемъ, которое распадалось на свободныхъ земледѣльцевъ и на княжескихъ или церковныхъ рабовъ. И во внутренней жизни династіи враждующимъ князьямъ приходилось заискивать передъ дружиной, привлекать ее на свою сторону. Такая зависимость обнаружилась уже вскорѣ послѣ смерти князя Болеслава Кривоустаго, раздѣлившаго свою землю на удѣлы; ни церковь, ни служилое военное дворянство, въ рукахъ котораго находились уже большія земли, не хотѣли подчиниться сильному князю. А потому, когда въ княжеской семьѣ началась рознь, они разжигали вражду и довели Польшу до того, что законный князь бѣжалъ къ нѣмецкому императору, а тотъ, воспользовавшись случаемъ для войны, перешелъ черезъ Одеръ и вступилъ въ Познань; другіе нѣмецкіе государи и князья покорили въ это время поморскихъ и полабскихъ славянъ.

Только въ концѣ 12 вѣка одному изъ князей, Казимиру Справедливому, опять удалось объединить Польшу; но ста-

раго не воротись, и отъ времени смуть князьямъ осталась власть, уже далеко не такая полная, какой пользовались первые Пясты. Прежде всего ушло изъ-подъ его власти духовенство, которое, опираясь на силу папы, давно уже требовало для себя большихъ льготъ. Теперь оно приобрѣло право имѣть собственное имущество и жить по собственнымъ законамъ. Въ то же время начинаютъ все возрастать льготы рыцарства: правда, оно еще не образуетъ замкнутаго въ себѣ сословія, но быстро идетъ къ этому. Короли даютъ то одному, то другому рыцарю большія привилегіи, освобождаютъ его имѣнія отъ надзора королевскихъ чиновниковъ, отъ всякихъ налоговъ.

Ослабленію королевской власти много содѣйствовала нѣмецкая колонизація, которая направилась на польскія земли въ концѣ 12 вѣка. Дѣло въ томъ, что нѣмцы-пришельцы не желали селиться на общихъ условіяхъ съ польскими крестьянами, а требовали, чтобы за ними были сохранены всѣ тѣ права, какими они пользовались по нѣмецкому закону: значить, каждому изъ рыцарей, который хотѣлъ поселить у себя нѣмцевъ, нужно было добиться особой грамоты. Но такихъ же освободительныхъ грамотъ хотѣлъ и каждый изъ рыцарей. Съ какой стати одинъ получилъ больше льготъ, чѣмъ другой? И вотъ королевской власти, разъ ужъ она вступила на этотъ путь, оставалось только раздавать льготы направо и налево, а потомъ утвердить ихъ и за всѣми рыцарями и тѣмъ создать привилегированное рыцарское или дворянское сословіе, обязанное по отношенію къ государству только военной службой. Такъ это и случилось въ 1374 году, т. е. спустя лѣтъ двѣсти послѣ первыхъ рыцарскихъ льготъ.

Нѣмецкая колонизація создала тоже много новаго и въ отношеніяхъ между рыцаремъ, владѣльцемъ земли, и земледѣльцами-крестьянами. Въ прежнее время эти отношенія не

были опредѣлены никакимъ закономъ, а теперь ихъ пришлось выяснитъ: иначе и нѣмцы, умѣвшіе обрабатывать землю лучше поляковъ, не хотѣли селиться на пустыхъ мѣстахъ, а вѣдь пустыхъ мѣсть было еще очень много; нужно было съ великимъ трудомъ осушать болота, рубить лѣса. Поселенцемъ, который брался за эту важную работу,

Типъ еврея въ Галиціи.

приходилось дорожить, значить, для обѣихъ сторонъ было выгодно точно опредѣлить взаимныя повинности. Рыцарь давалъ поселенцу землю, а тотъ платилъ ему подать въ видѣ разныхъ произведеній сельскаго хозяйства или денегъ, вырученныхъ отъ ихъ продажи. Въ трудѣ колониста рыцарь не нуждался, такъ что онъ былъ свободенъ, а въ своемъ правовомъ отношеніи къ владѣльцу земли, поселенецъ ставилъ условіемъ, чтобы за нимъ были сохранены всѣ права, какими онъ пользовался на родинѣ, т. е. прежде всего самоуправленіе деревни. До сихъ поръ всѣ связи, соединявшія жителей одного селенія, сводились или къ родственнымъ отношеніямъ, или къ зависимости отъ общаго господина, а

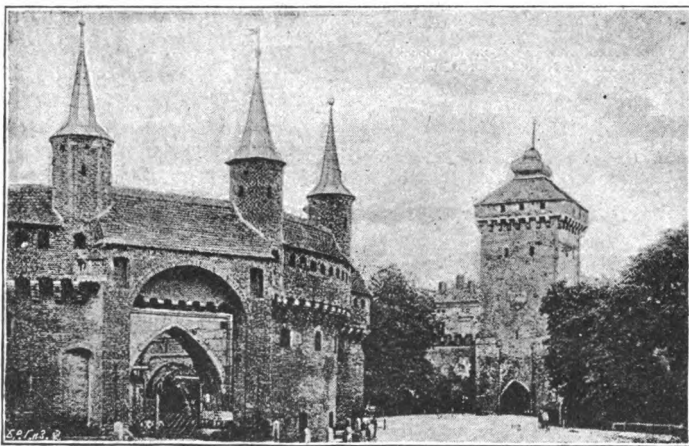
теперь такая община, гмина, была построена на соединении свободных людей. Это был очень большой шагъ впередъ, выгодный какъ для крестьянъ-колонистовъ, такъ и для землевладельца-рыцаря, которому было теперь на что жить и снаряжаться въ походъ. И вотъ въ Польшу устремились толпы нѣмцевъ, фландровъ и др., а вскорѣ и польскіе поселки получаютъ въ подраженіе нѣмецкимъ колоніямъ „нѣмецкое право“.

«Суккеница», древній гостинный дворъ въ Краковѣ, возобновленный въ 19 вѣкѣ.

Переживаютъ большую перемѣну въ своемъ внутреннемъ строѣ и города. Можно сказать даже такъ: города въ теперешнемъ значеніи этого слова совсѣмъ не существовали въ древней Польшѣ приблизительно до начала 13 вѣка. Здѣсь они не развились понемногу изъ поселковъ около рыцарскихъ замковъ, какъ было въ западной Европѣ, а были заведены нѣмецкими же и еврейскими колонистами по тому типу, какъ они сложились къ этому времени. Отводилось

мѣсто для площади, на нее выходили узкія улочки; каждый изъ колонистовъ получалъ опредѣленный участокъ земли вдоль улицы, застраивался, и городъ съ рынокомъ по срединѣ былъ готовъ, обводился стѣнами и даже получалъ тѣ же права, какими пользовались въ эту пору города въ Германіи, особенно Магдебургъ. Заключалось это „Магдебургское право“ въ томъ, что мѣщанинъ платилъ владѣльцу го-

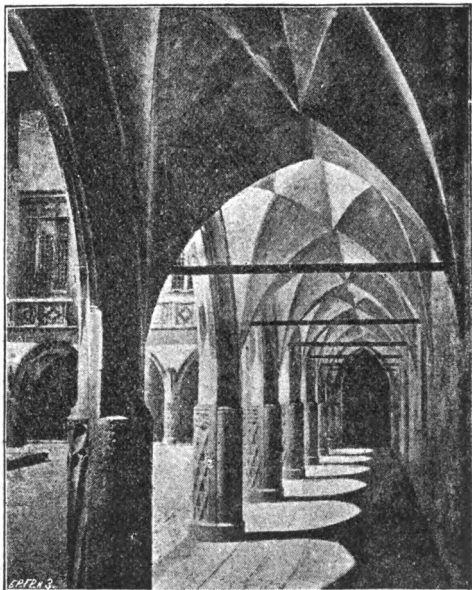

«Ротунда», древнее укрѣпленіе Кракова, лежащее теперь почти въ центрѣ города.

рода извѣстный налогъ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ совершенно независимъ отъ него, выбиралъ городского голову, войта, и городской совѣтъ.

Такъ измѣнялась фізіономія польскаго королевства. Западная цивилизація широкой струей вливалась въ жизнь польскаго народа, прививая высшимъ классамъ тѣ же интересы, какими жило рыцарство въ Германіи и другихъ евро-

пейскихъ странахъ, воспитывая горожанъ и крестьянъ на нѣмецкомъ правѣ. Духовенство прибрѣтало все новыя льготы, стояло во главѣ всѣхъ духовныхъ стремленій народа, но польской литературы еще не было, и польскій языкъ все еще не смѣлъ встать въ священной книгѣ рядомъ съ языкомъ церкви, латинскимъ, и не только въ священной книгѣ, но и въ судебныхъ и другихъ документахъ. А между тѣмъ понимали латынь очень немногіе, даже среди знати, такъ что въ проповѣди приходилось уже давно обращаться къ польскому языку, въ книгахъ ставить иногда надъ латинскими словами польскія, а въ судебныхъ показаніяхъ записывать важнѣйшіе отвѣты свидѣтелей на польскомъ языкѣ, хотя о приспособленіи латинской азбуки къ польскимъ звукамъ никто еще и не думалъ. Отсюда выходило, что одно и то же слово писалось на разные лады. вмѣстѣ съ латинской книгой, не только священнаго, но и свѣтскаго содержанія, какія тогда были въ ходу въ Европѣ, въ Польшѣ распространялось стремленіе украсить книгу картинкой, пестрой виньеткой, миниатюрой съ изображеніемъ диковинныхъ птицъ и звѣрей.

Древняя галлерія во дворѣ Краковскаго университета.

Въ концѣ 13 вѣка появляется и первая попытка написать цѣлую проповѣдь на родномъ языкѣ. Это было очень трудно, и, навѣрное, не мало поработалъ писецъ надъ тѣми нѣсколькими листками, которые недавно были найдены на переплетѣ одной старой книги и напечатаны въ началѣ 90-ыхъ годовъ. Потомъ такія польскія рукописи становятся все чаще, а въ 15 вѣкѣ онѣ становятся уже довольно обычнымъ явленіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ развивается литература, правда, на латинскомъ языкѣ, но выходящая изъ образованныхъ польскихъ классовъ, окружающихъ короля. Краковскій университетъ становится центромъ, въ которомъ процвѣтаетъ средневѣковая наука, прежде всего богословіе.

Такъ къ половинѣ 15 вѣка Польша стала однимъ изъ образованнѣйшихъ и сильнѣйшихъ государствъ католической Европы. Съ православной Русью, которая переживала свои судьбы, совсѣмъ не похожія на западноевропейскія, она давно уже не имѣла никакихъ дружескихъ сношеній, а только зачастую вела войны, отвоевывая ея западныя окраины.

Само собой разумѣется, что при тѣхъ громадныхъ внутреннихъ перемѣнахъ, которыя совершались въ Польшѣ, должны были сложиться по-новому отношенія между княземъ и народомъ. Какъ я уже говорилъ, княжеская власть попрежнему ничѣмъ не умалялась: только сами князья ограничивали себя, раздавая разныя привилегіи городамъ, рыцарямъ, духовенству. Удѣлы все еще самое обычное явленіе въ Польшѣ, и только подъ конецъ 13 вѣка князьямъ удается опять „собрать“ Польшу, и въ знакъ своей власти они коронуются, при чемъ части Польши еще такъ мало связаны между собой, что, будучи королемъ для Великой Польши, тотъ же государь оказывается въ Краковѣ только княземъ. Понятіе о государствѣ, какъ одномъ цѣломъ, создалось въ болѣе позднее время—въ 14 вѣкѣ.

Разными областями управляют княжескіе чиновники, которые стремятся сдѣлать свои должности наследственными, а это имѣло своимъ послѣдствіемъ фактическое уменьшеніе власти князей. Усиливаются наследственные земскіе сановники, уменьшается власть князей, все чаще имъ приходится созывать этихъ сановниковъ изъ разныхъ удѣловъ на общія собранія по удѣламъ, которые еще не сознаютъ своей принадлежности къ одному цѣлому. Потомъ изъ этихъ соборствованій вырастаютъ постоянные съѣзды дворянъ-шляхтичей, къ которымъ и переходитъ, собственно государственная власть. Но это произошло уже въ другую эпоху, о которой будетъ рѣчь ниже. Теперь же остановимся на личностяхъ нѣкоторыхъ изъ польскихъ князей, которые оставили глубокой слѣдъ въ исторіи своей родины.

Монгольское нашествіе въ первой половинѣ 13 вѣка создало для нихъ совсѣмъ особую задачу. Польша пострадала отъ него самымъ ужаснымъ образомъ: монголы сожгли много городовъ и деревень, плѣнили и избили толпы жителей; кто могъ, бѣжалъ въ горы, прятался въ лѣса. Польша опустѣла, и на пустыя земли двинулись колонисты изъ Германіи, которую Польша защитила своей грудью отъ тучи монголовъ. А эти тучи находили на Польшу не одинъ разъ, а нѣсколько, во все продолженіе второй половины 13 вѣка. Обезсилѣла Польша, и ей грозила гибель отъ нѣмецкихъ поселенцевъ, забиравшихъ польскія земли. Опасность увеличилась еще тѣмъ, что съ юго-востока польскія земли грабили войска русскаго галицкаго князя, въ Полѣсьѣ же хозяйничало литовское племя ятвяговъ, а въ самой Польшѣ происходили раздоры князей.

Неимовѣрно тяжелая борьба съ врагами предстояла польскому народу, когда во главѣ этой борьбы сталъ незамѣтный до того времени удѣльный князекъ Владиславъ, про-

званный за свой маленькій ростъ Локоткомъ. Этотъ князь долженъ былъ начать свою дѣятельность съ войны противъ нѣмцевъ, и ему удалось не только разбить ихъ, но и выгнать изъ Кракова князя Проба, которому нѣмцы покровительствовали. Локотокъ успѣшилъ укрѣпиться въ краковскомъ замкѣ, Вавелѣ, лежащемъ на высокой горѣ надъ Вислой; отсюда открывается очень широкій видъ, и Локотокъ могъ высматривать, не приближается ли откуда-нибудь врагъ. А врагъ не заставилъ долго ждать себя. Два раза Пробъ нападалъ на Краковъ, но уходилъ съ урономъ, и не будь у него большихъ богатствъ, не видать бы ему Вавеля. Но войска въ то время были у всѣхъ государей наемныя, и пока у князя были деньги, ему нечего было отчаиваться. Пробу удалось таки собрать новую рать, подкупить и коекого изъ краковянъ, которымъ, въ сущности, было все равно, какой изъ князей будетъ править ими. Одинъ разъ, когда Локотокъ осматривалъ сторожевые посты, ворота въ краковской стѣнѣ были измѣннически открыты, враги ворвались въ городъ черезъ тѣ самыя ворота, по которымъ теперь мирно проходитъ по столько разъ въ день электрической трамвай, а Владиславу пришлось бы худо, если бы онъ не переодѣлся монахомъ и не спустился по веревкѣ съ городской стѣны.

Что было дѣлать Локотку? Другой бы князь упалъ духомъ и укрылся въ какомъ-нибудь маленькомъ удѣлѣ, но недаромъ современники прозвали Владислава „Непреклоннымъ.“ Онъ не могъ допустить, чтобы въ Краковѣ княжилъ поставленный нѣмцами Пробъ, который, въ добавокъ, обѣщаль отдать его въ наслѣдство совѣмъ онѣмеченному чешскому королю. Если бы это случилось, то Польша, которая занимала въ Европѣ срединное положеніе, могла бы превратиться въ настоящее нѣмецкое королевство, а это грозило бы

большой бѣдой и для будущаго развитія возникавшаго Московскаго княжества. Такъ, Польша, спасшись отъ нѣмецкаго гнета, дала возможность окрѣпить сильному Московскому царству; также Польша, вынесши на своихъ плечахъ напоръ татаръ на Западную Европу, охранила эту послѣднюю отъ многихъ несчастій. Занимая срединное положеніе между двумя слагавшимися силами, западно-европейскими и русской монархіями, Польша терпѣла удары съ двухъ сторонъ; но, разъединивъ ихъ на время, она по волѣ судьбы оказала громадную услугу и Западу, и Востоку Европы.

Локотокъ не унывалъ. Когда, годъ спустя, на Польшу напали войска бранденбургскаго герцога, который вмѣстѣ съ чешскимъ королемъ отправился добывать польскія земли, на которыя онъ рассчитывалъ уже давно, Владиславъ нашель себя убѣжище среди польскаго духовенства, вѣрнаго народному дѣлу, и среди рыцарей. Въ самое это время, въ 1293—1294 году, на Малопольшу нахлынули новыя полчища монголовъ, другія земли грабили литовцы; даже братъ Локотка погибъ отъ ихъ оружія. Но въ этихъ испытаніяхъ крѣпло народное сознаніе поляковъ. Великопольша и Малопольша, которыя въ счастливые дни не сознавали своей племенной связи, почувствовали ее въ дни несчастія, и при громадномъ съѣздѣ рыцарей архіепископъ Яковъ короновалъ великопольскаго князя Премыслава въ городѣ Гнѣзнѣ польскимъ королемъ. На коронаціи были послы изъ Кракова, которые не обращали никакого вниманія на то, что на этотъ городъ претендовалъ чешскій король Вацлавъ, а вскорѣ послѣ этого Премыславу досталось и Поморье.

Особенность средневѣковыхъ государствъ,—это необычайная для нашихъ временъ легкость ихъ созданія, образованія и распадения. Такъ было не въ одной Польшѣ, но и во всей Европѣ. Происходило же это оттого, что между княземъ

и населеніемъ не было еще той связи, которая образовалась въ новое время: княжеская власть была, по-преимуществу, военная; города и деревни жили собственной жизнью, легко входили въ составъ то одного, то другого государства, потому что религія была одна, а о преслѣдованіи народности никто тогда и не думалъ.

Успѣхъ Премыслава взбѣсилъ бранденбургскихъ графовъ, и они рѣшили такъ или иначе покончить съ нимъ. И вотъ разыгралась кровавая сцена, которыхъ было такъ много въ исторіи среднихъ вѣковъ. Премыславъ со своими вельможами пріѣхалъ на масленицу въ маленькій городокъ Рогозно, лежавшій неподалеку отъ бранденбургской границы. Нѣмцы наняли убійцъ, и когда король со всей свитой, сильно упившись, легъ спать, отряды нѣмцевъ вошли въ городокъ и подступили къ самымъ княжескимъ палатамъ. Перебивъ стражу, убійцы подошли къ постели короля и уже собирались связать его, чтобы доставить живымъ за границу, какъ король проснулся, схватилъ мечъ и началъ обороняться. Но напрасны были его усилія: въ крѣпкой бронѣ были враги, а онъ, не одѣтый, получалъ рану за раной, пока не обезсиленъ. Тогда его схватили, посадили на коня между двумя всадниками и повезли въ нѣмецкую землю, но по дорогѣ король сталъ кончаться. Тогда наемные убійцы выбросили его на дорогу, а сами умчались за границу.

Послѣ смерти Премыслава въ бѣдной Польшѣ опять начался большой безпорядокъ: на опустѣвшій престолъ предъявили свои притязанія разные удѣльные, польскіе и силезскіе князьки, да къ тому же и чешскій король опять двинулся съ войскомъ добывать польскую корону. Народъ мечталъ видѣть на тронѣ Владислава Локотка, но, несмотря на смѣлость и быстроту, съ которой онъ вихремъ переносился съ вѣрнымъ отрядомъ изъ одного края польской земли

въ другой, у него не было силы для дѣйствительной борьбы съ богатыми и сильными претендентами на престоль. А города и веси сильно страдали тѣмъ временемъ отъ княжескихъ усобицъ: жителей брали въ неволю, дома грабили и разрушали; ни правосудія, ни какой-нибудь безопасности торговли въ Польшѣ не было. И опять всёмъ стало ясно, что только объединенный подъ одной властью народъ представить силу въ борьбѣ съ врагами.

А Владиславъ Локотокъ обдумалъ вмѣстѣ съ гнѣзненскимъ архіепископомъ очень умный планъ борьбы: они представили чешскому королю объединить польскія земли, а тамъ— что Богъ дастъ! Дѣло въ томъ, что король Вацлавъ чешскій не сумѣлъ привлечь на свою сторону папскую власть, которая въ средніе вѣка, особенно въ это именно время, обладала громаднымъ могуществомъ, а Локотокъ имѣлъ основаніе рассчитывать на помощь папы, ко двору котораго онъ поспѣшилъ поѣхать.

Надежда его не обманула. Разгнѣванный на Вацлава за его стремленіе захватить противъ воли папы и венгерскій престоль, Бонифацій VIII отрѣшилъ чешскаго короля отъ польской короны. Этого только и ждалъ Владиславъ Локотокъ. Онъ досталъ въ Венгріи вспомогательный отрядъ и съ нимъ неожиданно появился въ Краковской землѣ. По словамъ современной ему лѣтописи, онъ не имѣлъ ни днемъ, ни ночью ни минутки отдыха; кромѣ нѣсколькихъ закадычныхъ друзей, не могъ никому довѣриться; какъ змѣя, долженъ былъ скрываться отъ чеховъ. Не обращая вниманія на погоду, въ дождь, снѣгъ, туманъ онъ развѣзжалъ по землѣ, переносилъ, блуждая по лѣсамъ безъ всякихъ дорогъ, всевозможныя неудобства, а за нимъ по всюду гнались чешскіе полководцы. Но народъ поддержалъ Локотка; подъ знамена его собирався старъ и младъ, рыцари и простые крестьяне, но,

на счастье народа, судьба вдругъ перемѣнилась: Вацлавъ умеръ, черезъ годъ былъ убитъ его сынъ, а новый чешскій король, посаженный на престолъ нѣмцами, собирался было идти войной на Польшу, но былъ осторожнѣе Вацлава. Не обращая на него вниманія, изъ разныхъ польскихъ княжествъ пріѣхали послы, которые выбрали своимъ общимъ княземъ Локотка. Владиславъ короновался (въ 1320 году), но на этомъ важномъ событіи, вернувшемъ Польшѣ государственное единство, не окончились ея бѣды. По-прежнему опасностью грозили захваты нѣмецкихъ крестоносцевъ, рыцарскаго ордена, стремившагося создать непрерывный рядъ мелкихъ владѣній отъ Одера до Западной Двины. Они избивали тысячи славянъ на Поморьѣ (т. е. въ теперешней Помераніи), охотились на нихъ съ петлею въ рукахъ и вѣшали всѣхъ, кто попадался подъ руку. Папы изъ своего далекаго Рима отлучали ихъ отъ церкви, приказывали очистить занятая земли, но „кулачное право“ было единственное, которое признавали нѣмецкіе рыцари. И вотъ всю жизнь Владиславъ Локотокъ воюеть съ нѣмцами, но силы ихъ были не равны: нѣмцы были хорошо вооружены, а польское населеніе, гибнущее отъ постоянныхъ набѣговъ то монголовъ, то литовцевъ, то нѣмцевъ, уменьшилось въ численности, обѣднѣло и шло на нѣмцевъ съ плохимъ оружіемъ, хотя и при этихъ условіяхъ иногда одерживало побѣды. Такъ не удалось Локотку очистить своей земли отъ нѣмцевъ.

Горько призадумался Локотокъ, когда почувствовалъ приближеніе смерти. Сколько трудовъ и опасностей онъ перенесъ, чтобы утвердиться на престолѣ и собрать польскія земли, да и то не всё собралъ: осталась въ сторонѣ Мазовія, гдѣ былъ собственный князь. Боялся Локотокъ, что сынъ его не сумѣетъ удержать въ рукахъ королевство, разматаетъ прикованную отцомъ казну. И вотъ, обратившись къ вѣр-

нымъ вельможамъ, собравшимся у его ложа, Владиславъ сказалъ имъ: „Добрые и вѣрные мнѣ и поколѣнію моему мужи. Дай Богъ, чтобы мой сынъ, по примѣру моему, обращался съ вами, какъ я, и чтобы вы его любили, какъ меня. А если иначе будетъ, поручаю его вашей милости и вѣрности“.

Сыну же его Казимиру было въ эту пору 23 года, и воспитывался онъ у иностраннаго государя, венгерскаго короля. За этимъ королемъ была замужемъ любимая сестра Казимира, которая славилась красотой и обхожденіемъ. Да и вообще венгерскій дворъ считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ тогдашней Европѣ, и молодому Казимиру было очень полезно присмотрѣться къ быту королевской семьи, къ другимъ иностраннымъ государямъ, которые съѣзжались въ гостепріимный дворецъ. Такъ польскій князь съ молодыхъ лѣтъ приучился думать о вопросахъ, изъ-за которыхъ волновались и воевали европейскіе государи его времени; съ другой стороны, и они привыкли встрѣчаться съ Казимиромъ, относиться къ нему, какъ къ будущему королю, такъ сказать, ввели его въ свой царственный кругъ.

Нечего было Локотку опасаться за своего сына, и правъ было лѣтописецъ, что Владиславъ оставилъ Польшу деревянную, а Казимиръ каменную: такъ много крѣпостей онъ выстроилъ. Да [и не однѣхъ только крѣпостей. Съ какимъ восхищеніемъ современникъ короля рассказываетъ, что хоры краковскаго собора онъ обиль оловомъ, а своды хоровъ украсилъ золотистыми звѣздами.

Но важнѣе всего были заботы Казимира Великаго о правосудіи и просвѣщеніи народа. Хотя и ему не удалось присоединить Мазовію къ своему королевству, но именно этими мѣрами онъ воспиталъ въ польскомъ народѣ такое живое сознание своего единства, что послѣ Казимира Малая Польша

уже не отдѣлилась бы отъ Великой, а присоединеніе Мазовіи стало просто дѣломъ времени. Князь Мазовецкій самъ призналъ Казимира главою надъ собой. Не даромъ же Казимира прозвали „крестьянскимъ королемъ“. Въ этомъ—то и была его сила. Безъ крѣпкой опоры въ народѣ онъ не могъ бы отвоевать у Литвы русскія земли, не могъ бы успѣшно бороться съ нѣмецкими крестоносцами, которые захватили часть исконно-польскихъ земель. „При этомъ королѣ“, рассказываетъ тотъ же современникъ,—„было основано столько деревень и мѣстечекъ среди лѣсовъ, рощъ, дубравъ и зарослей, какъ никогда въ царствѣ польскомъ. Отлично онъ охранялъ свое государство“.

Но, чтобы народъ богатѣлъ, ему нужно было вести бойкую торговлю съ сосѣдями, а между тѣмъ выхода въ море у польскаго народа не было: при впаденіи Вислы въ море хозяйничали нѣмецкіе крестоносцы, обижавшіе польскихъ купцовъ; а на югѣ, у Чернаго моря, бродили татары, и они были еще болѣе лютыми врагами, чѣмъ нѣмцы; да къ тому же русскія земли—Галичъ, Подолія, Волынь, Холмщина,—находились въ рукахъ литовскихъ князей. По-прежнему, какъ при Локоткѣ, Польша была окружена врагами, а между тѣмъ она рвалась къ морю не меньше, чѣмъ Россія при Петрѣ Великомъ.

Русь тогда переживала печальное время. Уже давно сѣверная Россія собралась около Москвы, а Кіевъ былъ заброшенъ, подвергался постояннымъ нападеніямъ татаръ, наконецъ, былъ завоеванъ литовскимъ княземъ. Во Львовѣ удержался князь, но онъ едва могъ справляться со своими врагами, татарами, и съ собственными боярами, да къ тому же и князь этотъ былъ уже не русскій, а полякъ и католикъ Болеславъ Мазовецкій, котораго бояре посадили на престолъ, а потомъ сами же и отравили. Воспользовавшись его смертью,

Казимиръ осадилъ Львовъ, взялъ его и присоединилъ галицкое княжество къ своему королевству. Какъ онъ ни старался отнять у литовцевъ Волынь, однако это ему не удалось. Долгое время судьба Волынской земли была связана съ исторіей Литовскаго княжества, и только черезъ двѣсти лѣтъ она была окончательно присоединена къ Польшѣ.

Тѣмъ не менѣе, дорогу къ Черному морю, по рѣкѣ Днѣстру, Казимиръ приобрѣлъ, а во Львовѣ онъ поселилъ цѣлую колонію армянъ. Дѣло въ томъ, что армяне служили въ Средніе вѣка посредниками въ торговлѣ между Востокомъ и Западомъ: черезъ ихъ руки шли въ Европу перецъ, который тогда цѣнили прямо на вѣсъ золота, персидскіе ковры, шелкъ, разныя пряности. Армянамъ было всего удобнѣе везти свои товары по Черному морю, но берега Днѣпра были заняты татарскими наѣздниками,

и они предпочитали подниматься вверхъ по Днѣстру. Этимъ и воспользовался Казимиръ. Такъ своей ловкой политикой онъ сумѣлъ завязать постоянныя торговыя сношенія съ Востокомъ; сильно разбогатѣли его купцы и охотно жертвовали въ королевскую казну деньги.

Краковъ.

Судьба дала королю случай похвалиться передъ всей Европой богатствомъ своей столицы, Кракова, вѣрностью Казимиру ея именитыхъ жителей. И самъ Казимиръ выступилъ въ очень почетной роли, примирителя двухъ государей, самого императора Карла IV и венгерскаго короля Людовика, о матери котораго Карль позволилъ себѣ отозваться въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Это казалось достаточнымъ поводомъ для войны, но Казимиръ предложилъ свое посредничество, и вотъ въ Краковѣ съѣхалось самое избранное общество,—пять королей и десять владѣтельныхъ князей; пріѣхали короли даже изъ Даніи и съ острова Кипра. Потомъ, когда они съѣхались, отправились на встрѣчу императору. У всѣхъ государей были большія свиты, потому что безъ вооруженнаго конвоя путешествовать было не безопасно, да и на случай [измѣны своя дружина защитила бы князя отъ бѣды. До сихъ поръ въ Краковѣ сохранился домъ, въ которомъ краковскіе купцы угощали съѣхавшихся королей и вельможъ, а преданіе разукрасило этотъ съѣздъ любопытными подробностями.

Между прочимъ, сохранилось извѣстіе, что всѣмъ гостямъ поважнѣе были даны вилки и отдѣльныя тарелки,—роскошь, прямо неопишуемая для того времени. Теперь намъ это кажется забавнымъ, а вѣдь всего только лѣтъ за сто передъ тѣмъ были изобрѣтены вилки. Сперва ихъ ввели въ употребленіе итальянцы, а потомъ онѣ распространились и по сѣверной Европѣ, но очень медленно, такъ медленно, что еще и Шекспиръ,—знаменитый англійскій писатель конца 16 вѣка, врядъ-ли ѣлъ вилокъ. Новшествомъ были и отдѣльныя тарелки для гостей: обыкновенно же, гости брали изъ общаго котла прямо руками. А сколько стоилъ Казимиру каждый пиръ, можно судить уже по тому, что приборъ, стоявшій передъ гостемъ, отдавался ему въ подарокъ. Польскій

король показалъ свое богатство, ставя передъ королями и князьями серебряную и золотую посуду, а передъ рыцарями хоть и оловянную, но посеребренную. Правъ былъ его современникъ, когда говорилъ: „Какая роскошь, веселіе, прелесть господствовали на пирахъ, этого перомъ не описать. Достаточно сказать, что всякому давалось, чего только хотѣла его душа. Короли и князья сговорились и общались другъ другу взаимную дружбу, а потомъ вернулись домой, щедро одаренные великолѣпными, царскими подарками Казимира“.

А полгода спустя король сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ по пути обогащенія и просвѣщенія своего народа. Онъ задумалъ устроить въ своей столицѣ университетъ, чтобы литовцы и поляки могли изучать законы у себя на родинѣ, не отправляясь въ далекія страны. Въ ту же пору и чешскій король завелъ у себя, въ городѣ Прагѣ, университетъ, который скоро увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ знаменитаго проповѣдника, Яна Гуса.

Основанію Краковскаго университета очень сочувствовали не только поляки, но и западные государи, которые надѣялись, что отсюда выйдетъ свѣтъ „истинной“, католической науки для всего сѣвера Европы. А въ Европѣ это была пора увлеченія разными таинственными ученіями, мистикой. Ростъ молодого польскаго государства дѣйствовалъ такъ обаятельно на умы людей, настроенныхъ мистически, что даже появилось предсказаніе,

Исторія Польши.

Польскій гербъ начала 14-го вѣка.

сулившее большую славу Польшѣ. Здѣсь говорилось, что общій миръ на землѣ водворится тогда, когда все исчезнетъ, кромѣ сына человѣческаго и орла, а подъ орломъ разумѣлась Польша. Въ польскомъ гербѣ уже тогда былъ орелъ.

Университетъ получилъ въ Краковѣ такое - же устройство, какъ во всей Европѣ, т. е. слушатели дѣлились по народностямъ, имѣли особыя права, избирали себѣ большинствомъ голосовъ профессоровъ; цѣны жилищъ въ городѣ опредѣляли совмѣстно два студента и два мѣщанина. Пока, при Казимирѣ, въ университетѣ изучали только законы, римскіе и церковные; профессоровъ было восемь, а жалованье ихъ составляло 40 гривенъ, т. е. около 350 рублей въ годъ, — по - тогдашнему времени очень много. Въ самомъ концѣ 14 вѣка краковскій университетъ считался ужь однимъ изъ главныхъ университетовъ въ Европѣ.

Такъ стремился Казимиръ Великій ввести свой народъ въ семью европейскихъ образованныхъ народовъ. Но настоящаго порядка въ странѣ не можетъ быть, пока судьи не рѣшаютъ тяжбъ по точно установленнымъ законамъ, а за преступленіе не преслѣдуютъ виновныхъ, кто бы они ни были, — важный чиновникъ или даже родственникъ государя. О Казимирѣ же ходила слава, что онъ необыкновенно правосудный король: такъ, напр., онъ позволилъ крестьянамъ, которыхъ помѣщикъ обижалъ, оставлять его землю безъ всякаго призора и уходить къ лучшему; за эти мѣры, которыя клонились ко благу крестьянъ, его и прозвали „крестьянскимъ королемъ“. Не даромъ лѣтописецъ съ такимъ восхищеніемъ говоритъ, что Казимиръ былъ „самымъ заботливымъ опекуномъ и защитникомъ добрыхъ и справедливыхъ, а за то самымъ строгимъ преслѣдователемъ грабителей, обидчиковъ и обманщиковъ. Если кто-нибудь совершалъ кражу, то, будь онъ хоть дворяниномъ, онъ приказывалъ его казнить, то-

пить или морить голодомъ, но съ братьями и родственниками ихъ не прекращалъ вмѣстѣ пить и ѣсть.“

„Почитая своимъ помощникомъ Бога, онъ не опасался, что человекъ сдѣлаетъ ему какое-нибудь зло. Мошенниковъ же, которыхъ онъ находилъ, велѣлъ клеймить на лицѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Въ его время ни одинъ вельможа или дворянинъ не смѣлъ причинять обиды бѣдняку, но все, бывало, взвѣшивалось на вѣсахъ справедливости. А такъ какъ въ польскомъ королевствѣ судьи судили уже съ давнихъ временъ по прежнимъ приговорамъ, среди которыхъ было много злоупотребленій, то король, томимый жаждой справедливости, собралъ со всего королевства главныхъ священниковъ и благородныхъ бароновъ; съ ними онъ собралъ въ одно цѣлое всѣ обычаи, которые имѣли силу закона и соответствовали требованіямъ здраваго смысла; а собралъ онъ ихъ [для того, чтобы судъ былъ для всѣхъ одинаковый и правый; для сохраненія же ихъ на вѣчную память король велѣлъ законы записать, и съ этимъ единодушно согласились священники и бароны“.

Такъ хвалить Казимира его современникъ, участникъ его трудовъ. И въ потомствѣ сохранилась благодарная память о добромъ королѣ, который не позволялъ грабить казну, заботился о всѣхъ своихъ подданныхъ, собралъ польскія земли, сумѣлъ защитить ихъ отъ враговъ, а, главное, распространялъ въ своемъ государствѣ знаніе и справедливость; равенство всѣхъ передъ закономъ—необходимое условіе правильного развитія народа, и къ этой-то цѣли особенно стремился мудрый король.

Послѣ Казимира польская корона казалась драгоцѣнной для каждаго изъ европейскихъ королей, и потому венгерскій король Людвикъ, который былъ племянникомъ покойнаго Казимира и вмѣстѣ съ тѣмъ его наслѣдникомъ, очень

заботился о томъ, чтобы передать ее своимъ дѣтямъ. Правда, онъ мало тревожился за благополучіе Польши, но, тѣмъ не

Портретъ Казимира Великаго.

менѣе, далъ торжественное обѣщаніе съѣхавшимся польскимъ рыцарямъ, что не допуститъ умаленія ея границъ,

а будетъ защищать ее отъ враговъ. А больше всего Людвика преслѣдовала мысль, какъ-бы не задумали дочери Казимира (сыновей у него не было) заявить о своихъ правахъ на престолъ. Для этого онъ задумалъ ихъ скрыть отъ глазъ свѣта, увезъ изъ Польши въ Венгрію и тамъ держалъ въ недоступныхъ замкахъ. Но тѣмъ предпочтеніемъ, которое Людвикъ оказывалъ на всѣхъ должностяхъ въ Польшѣ венгерцамъ, онъ до такой степени вооружилъ противъ себя поляковъ, что послѣ неожиданной смерти Людвика никто не хотѣлъ поддерживать соединеніе Венгріи съ Польшей.

Тогда, по прежнему договору съ Людвикомъ, польскую корону предложили его дочери, Ядвигѣ. Ей было всего одиннадцать лѣтъ, но она была уже замужемъ. По средне-вѣковому обычаю, ее обвѣнчали, когда ей было семь лѣтъ, а жениху ея въ это время исполнилось лѣтъ десять; ихъ обвѣнчали совершенно серьезно и послѣ богослуженія имъ заявили, что они должны вернуться къ родителямъ. Когда же имъ будетъ 12 лѣтъ, то, если они захотятъ, они могутъ зажить вмѣстѣ, а если не захотятъ, разойтись; но тогда тотъ, кто пожелаетъ расторгнуть бракъ, обязанъ заплатить другой сторонѣ двѣсти тысячъ дукатовъ. Впослѣдствіи, дѣйствительно, этотъ бракъ Ядвиги не былъ признанъ, и ей пришлось, по волѣ польскихъ вельможъ, выйти замужъ за литовскаго князя Ягайло.

Въ глазахъ польскаго народа образъ милой и кроткой королевы Ядвиги окруженъ до сихъ поръ особымъ блескомъ. Это и понятно. Послѣ смерти Людвика въ Польшѣ два года кипѣли непрерывные раздоры; изъ края въ край по ея землямъ проходили, разбойничая и грабя, дружины иностранныхъ государей, которые протягивали жадныя руки къ драгоценной польской коронѣ; а когда наконецъ мать отпустила свою 13-лѣтнюю дочку изъ роскошнаго венгерскаго

дворца въ мрачный и угрюмый Вавель, дворець польскихъ королей, то раздоры сразу прекратились, вельможи примирились между собой, и все обѣщало долгіе годы благополучія. Такъ и вышло въ дѣйствительности.

Вотъ почему могила королевы Ядвиги въ кафедральномъ соборѣ Кракова до сихъ поръ засыпана свѣжими цвѣтами, перевита новыми лентами, а народъ вѣритъ въ чудеса, которыя на ней совершаются, и считаетъ Ядвигу святой. Но набожная и добродѣтельная королева не была счастлива. Она съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла считать своимъ будущимъ мужемъ принца Вильгельма, съ которымъ ее когда-то повѣнчали, продолжала любить его, а между тѣмъ государственныя соображенія заставляли вельможъ, управлявшихъ государствомъ, отдать ея руку могучему язычнику, литовскому князю.

Это былъ очень мудрый шагъ. Чтобы понять его, бросимъ взглядъ назадъ.

Лѣтъ двѣсти передъ тѣмъ мало кто зналъ о литовцахъ и жмудинахъ, которые жили въ лѣсистой и холмистой мѣстности между Балтійскимъ моремъ и Полѣсьемъ, по берегамъ Нѣмана и Вилии. Это удивительно живописная страна: куда ни поглядишь, вездѣ тянутся волнистыя цѣпи невысокихъ холмовъ, покрытыхъ на вершинѣ зеленымъ бархатомъ дубовыхъ или сосновыхъ лѣсовъ, а по склонамъ—золотомъ нивъ. Рожь, пшеница, разные фрукты, яблоки, груши, сливы,—родятся здѣсь отлично; земляники, грибовъ обиліе. Въ рѣкахъ, которыя красиво извиаются между высокими берегами, водится много раковъ, о которыхъ литовцы рассказываютъ препотѣшныя исторіи, издѣваясь надъ попятнымъ ходомъ этихъ животныхъ; въ болѣе значительныхъ рѣкахъ, напр., въ быстромъ, желтомъ Нѣманѣ, живутъ разныя породы рыбы. Приволья на Литвѣ и Жмуди, какъ называется сѣверно-

западная часть Литвы, гдѣ населеніе говоритъ на нарѣчьи, нѣсколько отличномъ отъ литовскаго, — приволья и средствъ къ безбѣдному существованію много.

Литовцы горячо любили свой край и крѣпко держались преданій старины. Въ ихъ народномъ характерѣ и теперь много упорства, настойчивости, рѣшительности; литовець далеко не такъ мягокъ, какъ славянинъ; долго помнить обиду и сумѣеть отомстить за нее, воспользовавшись удобнымъ случаемъ; теперь онъ усердный католикъ, такой же приверженный къ обрядамъ своей церкви, какъ нѣкогда былъ приверженъ къ своимъ языческимъ богамъ.

Славяне повсюду легко и безъ сопротивленія приняли христіанство, а, принявъ его, и въ будущемъ не отказывались подставить свое ухо проповѣдникамъ иныхъ толковъ: въ Болгаріи и Сербіи нѣкогда была распространена секта богумиловъ, по ученію которой дьяволъ не менѣе силенъ, чѣмъ Богъ; чехи пережили эпоху гуситизма, о которой расскажем въ другомъ мѣстѣ; поляки въ 16 вѣкѣ охотно переходили [въ лютеранство. О литовцахъ мы не слышимъ ничего подобнаго: принявъ католическую вѣру, они остались ей фанатически вѣрны до сихъ поръ.

Но тѣмъ труднѣе былъ переходъ. Литовцы были довольны своей грубой жизнью, своей языческой вѣрой, и они могли бы долго оставаться въ сторонѣ отъ течения исторіи, которое уже захватило польское племя. По всѣмъ описаніямъ, которыя сохранились о ихъ бытѣ, можно судить, какъ мало развита была жизнь литовцевъ. Писатель 16 вѣка, заставшій еще много старыхъ обычаевъ у литовцевъ, рассказываетъ, что они жили въ землянкахъ, крытыхъ дерномъ, дѣлали лодки изъ коры, а одѣвались въ звѣриныя шкуры.

Богъ знаетъ, какъ долго оставались бы литовцы въ своемъ затишьѣ, если бы и ихъ не вывели изъ него нѣмецкіе рыца-

ри-меченосцы, которые совершали опустошительные набѣги на литовскія земли. Предлогомъ для этихъ походовъ они выставили войны съ язычниками „во славу Божью“, а на самомъ дѣлѣ, ихъ тянула жадность къ легкой добычѣ и завоеваніямъ. Памятниками такихъ походовъ остались до сихъ поръ высокіе насыпные холмы въ формѣ сѣдла, разбросанные по всей Ковенской губерніи. На этихъ „пилькальнахъ“, какъ ихъ называютъ литовцы, зажигали высокіе костры при появленіи нѣмцевъ, такъ что вся земля узнавала о приближеніи врага и готовилась его отразить; иногда же они служили крѣпостями.

Постоянная борьба съ сильными и опасными врагами объединила литовцевъ. И у нихъ появились мелкіе удѣльные князьки, а потомъ и главный князь. Какъ это произошло, мы въ точности не знаемъ, но только уже въ половинѣ 13 вѣка литовцы такъ усилились, что ихъ князь Миндовгъ покорилъ нѣсколько сосѣднихъ земель, а потомъ рѣшилъ получить королевскую корону. Для этого онъ принялъ даже крещенье.

Но среди его приближенныхъ не было желанія отступить отъ язычества, и Миндовга убили. Только черезъ сто лѣтъ слишкомъ литовскій народъ сталъ переходить въ христіанство. Эти сто лѣтъ прошли не даромъ для его исторіи: литовскіе князья, Гедиминъ, Ольгердъ, Кейстутъ, завоевали русскія земли, которыя были обезсилены татарскими нашествіями, и окружили своими владѣніями съ сѣвера и востока земли польскаго короля. Кіевъ, Волынь, Полѣсье, Полоцкъ принадлежали литовскому князю. Среди его подданныхъ было много русскихъ, такъ что, естественнымъ образомъ, вліяніе русскаго языка и православной вѣры въ его княжествѣ было очень сильно. Къ этому присоединились и родственныя отношенія: литовскіе князья женились на русскихъ княжнахъ изъ Московскаго княжества.

Но, съ другой стороны, у Литвы и Польши было одно большое общее горе, общій врагъ,—нѣмецкіе рыцари, которые не давали покоя и Польшѣ и оставались ненавистниками литовцевъ. Чтобы побѣдить ихъ, надо было объединиться. За это и принялись сановники обоихъ государствъ.

Сначала дѣло пошло хорошо. Мать Ядвиги предпочитала выдать дочь замужъ за князя, у котораго было собственное государство, чѣмъ за принца, который могъ бы когда-нибудь заявить права на венгерскій престолъ. Но потомъ дѣло измѣнилось: приверженцы Вильгельма заставили королеву взять назадъ свое обѣщаніе. Она долго колебалась, пока наконецъ краковскіе вельможи не постановили попросту не пустить принца въ Краковъ, а Ягайлѣ дали знать, чтобы онъ поскорѣе ѣхалъ въ Польшу. Тѣмъ временемъ Вильгельмъ сумѣлъ предупредить польскихъ пословъ, возвращавшихся отъ королевы матери, и съ большой торжественностью въѣхалъ въ Краковъ. Онъ считалъ себя мужемъ Ядвиги, которая платила молодому принцу горячей любовью. Новый обрядъ бракосочетанія имъ не нужно было совершать, оставалось только поселиться вмѣстѣ съ молодой польской королевой въ ея замкѣ Вавелѣ.

И вотъ однажды утромъ Вильгельмъ въѣхалъ во дворецъ замка; герольдъ его затрубилъ во всѣ четыре стороны, оповѣщая народъ, что пріѣхалъ законный супругъ королевы. И гости отправились пировать въ самую большую залу. Ядвига не могла налюбоваться на своего жениха, радовалась своему счастью.

Но не дремали и польскіе вельможи. Они подоспѣли изъ-за границы еще до вечера; бросились въ замокъ. Что здѣсь произошло, объ этомъ ни одинъ польскій лѣтописецъ не говоритъ; но иностранные историки рассказываютъ, что принцу пришлось довольно-таки плохо: его съ позоромъ спустили на

веревкѣ изъ окна замка. Ядвига была въ полномъ отчаяніи. Она рѣшила бѣжать къ своему нареченному.

Но какъ было это сдѣлать? Крѣпко заперты были дубовыя ворота замка. Королева бросилась къ нимъ, схватила топоръ и хотѣла сама прорубить себѣ выходъ. Никто не смѣлъ мѣшать королевѣ; но ея ли слабымъ рукамъ было владѣть тяжелымъ топоромъ! Ударивъ нѣсколько разъ по дубу, королева убѣдилась, что ничего не сдѣлаетъ, бросила топоръ и горько заплакала. Тогда одинъ изъ вельможъ бросился передъ ней на колѣни и сталъ умолять ее пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ для блага государства. И у этой молодой дѣвушки, которой шелъ всего четырнадцатый годъ, нашлось столько мужества, что она сумѣла принести себя въ жертву новому своему отечеству.

Преданіе рассказываетъ, что, когда королева горячо молилась у чудотворнаго распятія, висѣвшаго на стѣнѣ придворной церкви, самъ Спаситель заговорилъ съ нею съ креста и внушилъ ей стойкость и спокойствіе. Теперь Ягайло могъ безпрепятственно вступить въ Краковъ и обручиться съ Ядвигой, а княжество Литовское со множествомъ русскихъ земель, въ него вошедшихъ, было соединено „на вѣчное время“ съ Польшей. При этомъ, однако, каждая изъ половинокъ сохранила самостоятельность, и поляки считались на Литвѣ чужестранцами.

Ядвига очень боялась свиданія съ Ягайлой. Ей думалось, что князь суровой языческой Литвы и на человѣка-то не похожъ, и вотъ она вздумала послать въ его лагерь одного изъ своихъ вельможъ, чтобы онъ посмотрѣлъ, не очень-ли отвратителенъ князь. Посоль вернулся и сказалъ Ядвигѣ: „князь ловокъ и строенъ, роста средняго, и нѣтъ въ немъ ничего отвратительнаго; обхожденіе его важное, достойное князя“.

Тогда королева успокоилась и отправила къ Ягайлѣ уже настоящихъ пословъ, чтобы переговорить съ нимъ о предстоящемъ крещеніи, вѣрнѣе, — о переходѣ изъ православія въ католичество; въ православіи онъ носилъ христіанское имя Яковъ, а теперь получилъ имя Владиславъ. Обрядъ перехода въ католичество былъ совершенъ съ великой пышностью; также торжественно была сыграна свадьба Ягаилы съ Ядвигой. Только молодая королева не была весела и продолжала считать грѣхомъ бракъ съ литовскимъ княземъ. Въ Краковѣ шло веселье: турниры, пиры, танцы, скоморохи; особенно были довольны вельможи, которымъ Ягайло отъ благодарнаго сердца далъ новыя льготы и права: теперь, напр., только дворяне, живущіе въ извѣстномъ округѣ, могли занимать въ немъ должности; только дворянству давались въ управленіи замки и крѣпости и т. д.

Такъ Ягайло сдѣлался королемъ польскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ княземъ литовскимъ, а въ рукахъ Литвы находились въ эту пору уже громадныя владѣнія въ южной и западной Россіи, земли, заселенныя бѣлоруссами и малороссами. Такимъ образомъ, изъ маленькаго государства, трепетавшаго постоянно за цѣлость своихъ владѣній, Польша сдѣлалась сразу однимъ изъ самыхъ сильныхъ королевствъ въ Европѣ. Правда, Ягайло не могъ выполнить своего обѣщанія, которое онъ далъ было польскимъ панамъ (вельможамъ) при его приглашеніи на престолъ: ему не удалось соединить Литву съ Польшей неразрывными узами въ лицѣ одного короля. Случилось совсѣмъ обратное: двоюродный братъ Ягайла, Витовтъ (или Витольдъ), заявилъ права на великое княжество литовское и до тѣхъ поръ враждовалъ съ братомъ, пока тотъ не призналъ его полновластнымъ повелителемъ Литвы.

Но несмотря на это, Литва оказалась присоединенной къ Польшѣ: не было подчиненія, но было соединеніе въ одной

религіи, въ одной образованности, наконецъ, въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. И именно эта борьба и оказалась особенно крѣпкимъ соединительнымъ звеномъ.

Среди литовцевъ до соединенія съ Польшей постепенно распространялось православіе; языкомъ, на которомъ велась переписка въ княжеской канцеляріи, служилъ русскій; среди вельможъ многіе находились въ дружескихъ или родственныхъ связяхъ съ русскими князьями; теперь этому русскому вліянію на литовскую образованность наступилъ конецъ. Если и не было еще прямого гоненія на людей, сочувствовавшихъ сближенію съ Москвой, то, во всякомъ случаѣ, симпатіи князя были на сторонѣ тѣхъ, кто отстаивалъ церковь католическую, языкъ латинскій, а на православіе смотрѣлъ, какъ на схизму, почти какъ на язычество.

Но жмудь, населявшая теперешнюю Ковенскую губернію, оставалась еще въ самомъ грубомъ язычествѣ. Князьямъ предстояло обратить ее въ католическую вѣру. Эта задача была выполнена съ полнымъ успѣхомъ Ягайломъ и Витовтомъ. Дѣло въ томъ, что на жмудь давно уже протягивалъ свои жадныя руки нѣмецкій орденъ, которому стоило только провозгласить священный походъ для обращенія язычниковъ, какъ къ нему начинали стекаться со всѣхъ сторонъ Европы денежныя средства и охочіе до ратныхъ подвиговъ рыцари. Конечно, это былъ чистый обманъ. О распространеніи христіанства орденъ заботился всего меньше, да оно ему было и не на руку: какъ бы онъ сталъ оправдывать передъ Европой и ея церковной главой, папой, свои завоеванія? Въ политикѣ часто случается, что цѣли, нехорошія и вредныя, прикрываются благородными предлогами. Это лицемѣріе составляло одну изъ главныхъ особенностей орденской политики. Изъ году въ годъ орденъ собиралъ своихъ заковананныхъ въ латы рыцарей и шелъ грабить, жечь, полонить бѣдную жмудь.

Поэтому, когда князь родственнаго литовскаго племени, Витовтъ, выступилъ защитникомъ за притѣняемыхъ соплеменниковъ, эти послѣдніе начали принимать христіанскую вѣру и сближаться съ Литвою. Но особенно успѣшно шло крещеніе самихъ литовцевъ, въ которомъ принялъ горячее личное участіе Ягайло. Онъ училъ народъ истинамъ новой вѣры, стоялъ около рѣки, гдѣ крестили народъ, и раздавалъ новокрещеннымъ бѣлыя суконныя одежды. При крещеніи, какъ извѣстно, дается христіанское имя, и для ускоренія дѣла мужчинъ и женщинъ раздѣлили на группы, и каждой группѣ давали отдѣльное имя. Одежды производили на бѣдныхъ литовцевъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, такое чарующее впечатлѣніе, что были охотники креститься два и три раза. Съ боярами князь тоже сумѣлъ обойтись очень искусно: онъ общалъ имъ такія же права и льготы, какими пользовались польскіе шляхтичи.

Такъ, старый историческій споръ, кому удастся привлечь на свою сторону молодую, все крѣпчавшую Литву, разрѣшался съ выгодой для Польши. А какъ сильна была Литва, видно было уже изъ русскихъ владѣній литовскаго князя: Смоленскъ, Бѣлоруссія, Воынь, Холмская земля были въ рукахъ литовцевъ; войска ихъ подходили къ Рязани, не разъ угрожали Московскому князю, который былъ въ близкомъ родствѣ съ Витовтомъ, и раза два литовскіе полки уже сошлись съ московскими, но до битвы дѣло не доходило: постоявъ другъ противъ друга, полки расходились. Съ другой же стороны, Витовтъ вовсе не хотѣлъ считать себя подчиненнымъ Ягайлѣ: онъ враждовалъ съ нимъ изъ-за русскихъ земель, на которыя засматривался и польскій король, потому что эти земли, Воынь, Подолія, чудныя земли, съ роскошной землей и климатомъ, составляли истинный кладъ для всякаго государя.

Честолюбіе разъединяло братьевъ, общій врагъ ихъ соединилъ. Этотъ врагъ былъ исконнымъ недругомъ славянства и Литвы, — нѣмецкій орденъ. Когда всѣ переговоры съ нимъ окончились ничѣмъ, когда даже не удалась попытка римскаго главы церкви, папы, внушить ордену справедливость и законность, оставалось одно средство разрѣшить старый споръ — помѣряться оружіемъ. Прежде это было для Польши „споръ неравный“. Каковъ-то онъ сталъ теперь, послѣ соединенія ея съ Литвой? Отъ того или иного разрѣшенія этого вопроса зависѣло для Польши такъ же много, какъ для крѣпчавшей русской мощи бой при Куликовомъ полѣ, на которомъ Дмитрій Донской разбилъ татаръ.

15 іюля 1410 года на поляхъ между маленькими пограничными деревнями Танненбергъ и Грунвальдъ встрѣтились враги. Оба войска были очень сильны. Численность ихъ доходила до 100,000 человекъ съ обѣихъ сторонъ, что было для того времени необычнымъ: въ ту пору какая-нибудь тысяча вооруженныхъ всадниковъ представляла рать, съ которой можно было пройти изъ конца въ конецъ по Жмуди или Поморью. И такъ сошлись польское и нѣмецкое войско, и произошла знаменитая битва. Польскій писатель Сенкевичъ описалъ ее въ одномъ изъ своихъ романовъ, откуда мы и заимствуемъ нѣсколько картинъ.

„Сердца въ обоихъ лагеряхъ давно уже трепетно бились, а трубы все еще не давали сигнала къ бою. Наступила минута ожиданія, можетъ быть, болѣе тяжелая, чѣмъ весь ужасъ самой битвы. На полѣ, между нѣмцами и королевской арміею, поближе къ Танненбергу, росло нѣсколько вѣковыхъ дубовъ, и мѣстные крестьяне вскарабкались на нихъ, чтобы присутствовать при борьбѣ войскъ, настолько огромныхъ, что равныхъ имъ міръ не видалъ съ незапамятныхъ временъ. Но, кромѣ одной этой кущи, все поле было пусто, сѣро, уныло,

подобно замершей степи. По нему ходилъ только вѣтеръ, а надъ нимъ носилась смерть. Очи рыцарей невольно обращались на эту зловѣщую, молчаливую равнину. Тучи, пролетающія по небу, отъ времени до времени закрывали солнце, и тогда на равнину падалъ какой-то гробовой мракъ.

„Вдругъ поднялся вихрь. Онъ зашумѣлъ въ лѣсу, оборвалъ тысячи листьевъ, потомъ ринулся въ поле, поднялъ тучи пыли и понесъ ихъ въ глаза орденскихъ войскъ. И въ эту же минуту воздухъ дрогнулъ отъ пронзительнаго рева роговъ, пищалокъ, и все литовское крыло сорвалось на подобіе неисчислимой стаи птицъ, готовящихся къ полету. Литвины, по своему обычаю, пошли сразу въ скокъ. Кони, вытянувъ шеи и прижавъ уши, изо всѣхъ силъ рвались впередъ; всадники, размахивая мечами и сулицами, съ ужасающимъ крикомъ неслись на правое крыло крестonosцевъ. А магистръ (ихъ начальникъ) какъ разъ находился тамъ. И мановеніемъ правой руки онъ двинулъ четырнадцать полковъ желѣзнаго рыцарства. Полки, наклонивъ копья, сначала пошли шагомъ. Но, какъ скала, столкнутая съ горы, падая, набираетъ все больше и больше размаху, такъ и крестonosцы съ шага перешли на рысь, потомъ на галопъ, и шли страшные, неустойчивые, точно лавина, которая должна стереть въ прахъ и раздробить все, что встрѣтится на ея пути.

„Двинулись въ битву и польскіе рыцари, но они еще не успѣли достигнуть нѣмецкихъ рядовъ, какъ Литва погнулась подъ страшнымъ напоромъ нѣмцевъ. Первые ряды, лучше всѣхъ вооруженные и состоящіе изъ болѣе зажиточныхъ бояръ, словно помостомъ устлали землю. Слѣдующіе за ними бѣшено сцѣпились съ крестonosцами; но никакое мужество, никакая стойкость, никакая человѣческая сила не могли спасти ихъ отъ гибели и пораженія. И какъ же могло быть иначе, когда съ одной стороны сражались рыцари, сплошь

закованные въ сталь, и на коняхъ, тоже защищенныхъ сталью, а съ другой—людь, пожалуй, рослый и сильный, но на малорослыхъ лошадакъ и покрытый только звѣриными шкурами? И напрасно упорный литвинъ искалъ, какъ бы добраться до нѣмца. Сулицы, сабли, наконечники копій, палки, насаженные кремнями или гвоздями, отражались отъ стальныхъ панцырей, какъ отъ скалы или отъ крѣпостной стѣны. Масса людей и коней давила несчастные полки Витовта; мечи и топоры разсѣкали ихъ; бердыши мозжили ихъ кости; конскія копыта втапывали ихъ въ землю. Князь Витольдъ напрасно бросалъ въ эту пасть смерти все новыя и новыя ватаги, напрасно было упорство, напрасно было свирѣбое бѣшенство, напрасны презрѣнія къ смерти и рѣки крови. Сначала дрогнули татары, бессарабцы и валахи, а вскорѣ потомъ треснула литовская стѣна, и дикое смятеніе охватило всѣхъ воиновъ. Большая часть литовскихъ войскъ бѣжала по направленію къ озеру, а за нею погнались главныя нѣмецкія силы, и все побережье, покрытое трупами, напоминало какой-то страшный покосъ“.

Другіе полки, бывшіе съ литовцами, сражались упорно и не отступали. Съ неудержимой силой бросились въ разгаръ битвы польскіе рыцари. „Съ обѣихъ сторонъ пали сначала сотни, потомъ тысячи рыцарей, наконецъ, подъ ударами ожесточенныхъ поляковъ нѣмецкая рать начала колебаться; но тутъ произошло нѣчто такое, что могло въ одну минуту рѣшить участь всей битвы. Случалось такъ, что возвращающіеся съ погони за литовцами и упоенные побѣдой нѣмецкіе полки ударили въ бокъ польскаго крыла. Думая, что всѣ королевскія войска уже разбиты и битва окончательно выиграна, они возвращались большими безпорядочными массами, съ криками и пѣніемъ, какъ вдругъ увидали передъ собою жестокою рѣзню и побѣдоносныхъ поляковъ, кольцомъ

охватывающихъ нѣмецкіе отряды. И крестоносцы, склонивъ головы съ удивленіемъ смотрѣли сквозь рѣшетки забралъ на то, что творится, а потомъ каждый тутъ же прищпоривалъ лошадь и бросался въ самый разгаръ свалки. Толпы наплывали за толпами, и вскорѣ тысячи крестоносцевъ обрушились на истомленные борьбой польскія хоругви (отряды съ отдѣльными знаменами, хоругвями). Нѣмцы радостно крикнули, видя приближающуюся помощь, и съ новымъ ожесточеніемъ начали ударять на поляковъ. По всей линіи закипѣла страшная битва, земля обогрилась потоками крови, небо омрачилось, и послышались глухіе раскаты грома, какъ будто само небо хотѣло вмѣшаться между сражающимися. И побѣда начала склоняться на сторону нѣмцевъ. Вотъ въ польскихъ рядахъ началось замѣшательство; вотъ орденскія рати въ одинъ голосъ запѣли пѣснь торжества: „Христось Воскресе“!

„А въ это время произошло нѣчто еще болѣе ужасное. Одинъ крестоносецъ, поверженный на землю, распоролъ ножомъ брюхо лошади, на которой сидѣлъ польскій рыцарь, державшій великое, святое для всѣхъ польскихъ войскъ краковское знамя съ орломъ, увѣнчаннымъ короною. Конь и всадникъ свалились во мгновение ока, а вмѣстѣ съ ними заколебалось и пало знамя. И тотчасъ же тысячи желѣзныхъ рукъ потянулись за нимъ, и изъ груди всѣхъ нѣмцевъ вырвалось радостное рычаніе. Имъ представилось, что это конецъ, что страхъ и смятеніе теперь охватятъ всѣхъ поляковъ, что наступаетъ время пораженія, бойни и рѣзни, что имъ придется только преслѣдовать и уничтожать бѣгущихъ.

„Но тутъ собственно и ждало кровавое разочарованіе. Правда, и польскія войска крикнули въ отчаяніи, какъ одинъ человекъ при видѣ падающаго знамени, но въ этомъ крикѣ и отчаяніи слышался не страхъ, а бѣшенство. Скажешь, точно молнія опалила ихъ панцыри. Наистрашнѣйшіе рыцари обѣ-

ихъ армій, какъ разъяренные львы бросились къ одному мѣсту, и можно было подумать, что вокругъ знамени разгралась буря. Люди и кони слились въ одинъ ужасающій круговоротъ, и въ этомъ круговоротѣ мелькали руки, сверкали мечи, топоры со свистомъ разсѣкали воздухъ, слышались стоны, дикіе крики на смерть раненыхъ мужей, и все это соединилось въ одинъ отчаянный хоръ, какъ будто-бы всѣ грѣшники сразу отозвались изъ глубины ада. Поднялась пыль, а изъ нея выскакивали только ослѣпленные отъ ужаса кони, безъ всадниковъ, съ налитыми кровью глазами и дико развѣвающейся гривой. Но длилось это недолго. Ни одинъ нѣмецъ не вышелъ живымъ изъ этой бури, и знамя вскорѣ вновь возвышалось надъ польскими полчищами. Вѣтеръ игралъ имъ, развертывалъ его, и оно вновь расцвѣло, во всемъ великолѣпіи, какъ знакъ надежды, какъ знакъ гнѣва Божьяго на нѣмцевъ и побѣды для польскихъ рыцарей“.

Съ помощью ободрившихся литовцевъ, вернувшихся на поле битвы, поляки одержали блестящую побѣду надъ нѣмцами, убили ихъ вождя, магистра, взяли ихъ лагерь и въ немъ несмѣтная сокровища. Однако, Ягайло не двинулся сейчасъ же въ походъ въ нѣмецкую землю: онъ упустилъ время, далъ нѣмцамъ оправиться, и послѣдствія грюнвальденской битвы оказались не такъ велики, какъ можно было ожидать. Но важно было нравственное значеніе этой побѣды.

Послѣдствія грюнвальденской битвы не заставили себя долго ждать. Она объединила Польшу съ Литвой такими крѣпкими нравственными узами, что оставалось только подтвердить устанавливавшуюся внутреннюю связь какимъ-нибудь договоромъ. Этотъ послѣдній, дѣйствительно, состоялся въ 1413 году: въ маленькое мѣстечко Городлю, близъ Бѣлостока, съѣхались Ягайло и Витовтъ, литовскіе и польскіе вельможи. Литва приняла польскіе обычаи: при князѣ былъ образованъ

такой же совѣтъ изъ рыцарей, какой былъ и въ Польшѣ, и литовскимъ рыцарямъ были даны польскіе гербы. Такъ, вскорѣ послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ, началось государственное объединеніе частей, связанныхъ до тѣхъ поръ только узами родства, соединявшими ихъ государей. Русское вліяніе въ Литвѣ было осуждено послѣ этого уже силою вещей на гибель; Литва получила католичество, польскую культуру, а польскій языкъ сдѣлался современемъ языкомъ литовскаго дворянства. Произошло это не сразу, но началось со времени Городельскаго съѣзда.

Послѣ долгаго царствованія Ягайло скончался. Ядвига умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода замужъ за литовскаго князя, не оставивъ дѣтей. Но отъ другой жены у Ягайлы былъ сынъ, Владиславъ, который и вступилъ на престолъ послѣ смерти отца. Однако дѣло не обошлось безъ смуть, потому что послѣ смерти Ягайло точно изъ-подъ земли выросли претенденты на его престолъ: Польша манила къ себѣ уже многихъ государей. И вотъ началась борьба партій, въ которой взялъ верхъ старый сотрудникъ Ягайло, архіепископъ Збигнѣвъ Олесницкій. Съ его помощью маленькій Владиславъ попалъ таки на отцовскій престолъ. Но чего это стоило?

Пришлось торжественно обѣщать дворянству сохранить за нимъ всѣ старыя льготы и преимущества и дать еще новыя, а договоръ скрѣпить особаго рода правомъ, по которому рыцари избавлялись отъ повиновенія королю, если бы онъ захотѣлъ нарушить свои обѣщанія.

Выходило такъ, что король вступалъ на престолъ уже какъ бы съ завязанными руками: власть дворянства все усиливалась, а соотвѣтственно этому уменьшалась королевская. Да иначе и быть не могло: Владиславу едва исполнилось 15 лѣтъ, какъ онъ вѣнчался на царство.

А десять лѣтъ спустя, молодого короля уже не стало. Онъ увлекся широкими планами и погибъ. Дѣло въ томъ, что венгерская знать во главѣ съ королевой обратилась къ Владиславу съ просьбой принять корону: старый король умеръ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, а на Балканскомъ полуостровѣ все усиливалась и росла мощь турокъ—османовъ. Древняя столица православія, Царьградъ (Константинополь), еще держался, но доживалъ послѣдніе годы своего существованія; славянскія царства, Сербія и Болгарія, уже давно пали подъ натискомъ турокъ. Казалось, что та же участь грозитъ сосѣдкѣ этихъ царствъ, Венгріи, а въ ней къ тому же наступила смутная пора безкоролевья.

Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что въ соединеніи съ Польшей Венгрія уйдетъ отъ грозившей ей опасности, и Владиславъ принялъ предложенную ему корону, и сейчасъ же началъ походы противъ турокъ. Вмѣстѣ со своимъ полководцемъ, венгерцемъ Яномъ Гуніади, молодой король проникъ въ самую турецкую землю и побѣдоносно прошелъ до Балканскихъ горъ.

Успѣхъ былъ необыкновенный: въ лагерь побѣдителя спѣшили подкрѣпленія и денежныя средства, слава его загремѣла во всѣхъ уголкахъ Европы, и самъ султанъ обратился къ Владиславу съ просьбой о мирѣ на десять лѣтъ; онъ отступился отъ Сербіи и Албаніи, соглашался отпустить христіанскихъ плѣнниковъ. Лучшихъ условій нельзя было и ожидать, и опытный Гуніади совѣтовалъ королю принять ихъ и подобру-поздорову вернуться домой. Но тотъ внялъ настояніямъ папскихъ кардиналовъ и мольбамъ царьградскаго императора, который возлагалъ на поляковъ всѣ свои надежды, какъ утопающій хватается за соломинку. Тщеславіе плохой совѣтникъ, а именно своему тщеславію поддался Владиславъ, когда съ маленькимъ войскомъ въ

20,000 человекъ двинулся по берегу Чернаго моря въ глубину Турціи. Здѣсь его ждала гибель. При Варнѣ громаднаыя турецкія полчища окружили польскую рать и истребили ее: здѣсь пали и Гуниади, и самъ Владиславъ.

Послѣ этого наступило долголѣтнее царствованіе его брата Казимира, который въ это время былъ еще очень юнъ и жилъ въ Литвѣ, считаясь литовскимъ княземъ. Сильно ему не хотѣлось ѣхать въ Польшу, да это и понятно: гдѣ было мальчику взять на себя разрѣшеніе мудреныхъ задачъ, которыя исторія задала тогдашнему польскому государству. Задачи эти были трудныя и разнообразныя: на сѣверо-западъ все еще нужно было разобраться, кому принадлежитъ будущее въ поморскихъ земляхъ: Нѣмецкому рыцарскому ордену или Польшѣ, кому владѣть устьемъ Вислы; на югъ поднималась грозная турецкая рать, на востокъ усиливался Московскій князь, а на западъ, въ Европу, тянули Польшу расчеты на короны чешскихъ и венгерскихъ королей, изъ-за которыхъ шла долгая и упорная борьба. Не было спокойствія и внутри государства: духовенство, сильное поддержкой изъ Рима, которымъ владѣлъ глава католическаго міра, папа, не захотѣло повиноваться королю; мало слушалось его и дворянство (шляхта), которое враждовало между собой, требовало отъ королей все новыхъ правъ и очень скупилось, когда приходилось давать деньги на войну.

Всѣ эти задачи достались молодому королю отъ его предшественниковъ, и не мудрено, что онъ долго колебался, принять-ли послѣ брата престоль. Бываютъ въ исторіи народовъ такія времена, когда какъ-бы рѣшается ихъ дальнѣйшая судьба. Какъ въ нашихъ сказкахъ стоитъ удалъ богатырь передъ камнемъ на рѣзтани и не знаетъ, на какую дорогу свернуть, потому что на выбранномъ пути рѣшится его судьба,—какъ бы останавливаются такъ и народы въ разду-

ми и потомъ рѣшительно вступають на путь, гдѣ ихъ ждутъ сила и слава или упадокъ и гибель.

Царствованіе Казимира, продолжавшееся 45 лѣтъ (1447—1492), было рѣшающей эпохой въ исторіи Польши. Поэтому, мы должны внимательно рассмотреть, какъ онъ справился съ задачами, упавшими на его неокрѣпшія плечи.

Первой изъ нихъ, которую пришлось рѣшать сейчасъ же, были важныя привиллегіи, которыхъ добивалась шляхта. Вскорѣ послѣ коронаціи король собралъ въ Петроковѣ сеймъ (сѣздъ). Народъ уже давно жаловался на несправедливость въ судахъ, на неправильный сборъ податей и наплывъ поддѣльной монеты изъ-за границы, а король и самъ видѣлъ, что многое въ Польшѣ требуетъ исправленія. Шляхта, присутствовавшая на сеймѣ, оказалась удивительно податливой и даже щедрой, потому что надѣялась, что король поспѣшитъ утвердить всѣ громадныя привиллегіи, дарованныя ей прежними королями.

Но не тутъ-то было. Какъ только всѣ дѣла были рѣшены, Казимиръ торопливо уѣхалъ къ себѣ въ Литву и не показывался оттуда почти два года. А если бы онъ поступилъ иначе, то польско-литовская унія, на которой опиралась вся сила династіи Ягеллоновъ, могла бы распасться: вѣдь литовскіе бояре смотрѣли съ большимъ неудовольствіемъ на то, что короли заботились больше о могуществѣ Польши, чѣмъ о своемъ родовомъ княжествѣ.

Такъ Казимиру пришлось лавировать между польской шляхтой и литовскимъ боярствомъ, а, значитъ, нужно было избѣгнуть пока рѣшительнаго шага. На это онъ и направилъ теперь весь свой умъ. Пять лѣтъ онъ тянулъ вопросъ, и однажды на сеймѣ упалъ на колѣни передъ окружающими его разсерженными панами и сталъ просить, чтобы они дали ему еще одинъ годъ отсрочки, а пока попробовали сами сго-

вориться съ литовскими боярами. Сопротивленіе нѣсколько смягчилось; паны согласились еще подождать, если только Казимиръ дасть имъ грамоту, что черезъ годъ онъ уже, не-

Казимиръ Ягеллончикъ.

премѣнно, утвердитъ шляхетскія привиллегіи. Но и въ слѣдующемъ году король попытался отдѣлаться обѣщаніями.

Однако на этотъ разъ неудачно: возмущеніе противъ него было такъ велико, что Казимиръ не рѣшился медлить и принесъ присягу на соблюденіе старыхъ дворянскихъ привиллегій.

Но шляхетство уже начинало связывать короля по рукамъ—по ногамъ. Сколько важныхъ предпріятій, имѣвшихъ для государства величайшее значеніе, окончилось полной неудачей только потому, что дворянство не хотѣло поддерживать короля. А тамъ, гдѣ оно соглашалось идти вмѣстѣ съ королемъ, оно требовало за это новыхъ и новыхъ льготъ. Не трудно указать нѣсколько такихъ случаевъ.

Лѣтъ семь спустя послѣ вступленія Казимира на престоль, польскія области, находившіяся въ рукахъ Нѣмецкаго ордена, рѣшили освободиться отъ него и завели тайные переговоры съ польскимъ королемъ. Наконецъ, выждавъ удобную минуту, заговорщики отказали гроссмейстеру ордена въ повиновеніи и просили Казимира принять эти провинціи въ свое подданство. Тутъ-то бы, казалось, слѣдовало и польской шляхтѣ поддержать народное дѣло силою оружія и денежными пожертвованіями. И дѣйствительно, шляхта согласилась обложить свои земли единовременнымъ налогомъ, но за это потребовала отъ короля торжественнаго заявленія, что „духовенство, вельможи и дворянство согласились на упомянутый сборъ по доброй, собственной и свободной волѣ, и что и на будущее время никакой законъ не будетъ ихъ принуждать выплачивать его. Напротивъ, ихъ права, свободы, привиллегіи и дарованныя имъ милости должны остаться неприкосновенными“.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Пришлось объявить нѣмцамъ войну, собрать войско и идти въ Пруссію. Но что же сдѣлала шляхта, изъ которой и состояло королевское войско? Она воспользовалась минутой, когда король особенно въ ней нуждался, для того, чтобы предъявить ему рядъ новыхъ

требованій. И чувство государственнаго единства было еще такъ мало развито, что великопольская шляхта выступила въ своихъ требованіяхъ прямо противъ малопольской (т. е. Краковской). Она заявила королю, что въ государствѣ все идетъ худо, а для того, чтобы „на будущее время королевство управлялось разумнѣе“, потребовала, чтобы впредь каждый военный походъ рѣшался на „сеймикахъ“ (т. е. областныхъ собраніяхъ всего дворянства), чтобы впредь даже самый бѣдный шляхтичъ не терпѣлъ обиды на судѣ, и чтобы придворныя должности раздавались какъ малополякамъ, такъ и велико-полякамъ.

Короля застигли врасплохъ, и онъ подтвердилъ требованія шляхты. Оказалось однако, что въ бою эта шляхта, которая такъ умѣла добиваться своихъ привиллегій, менѣе смѣла, чѣмъ въ мирной бесѣдѣ. Передъ битвой она хвалилась, что разгонитъ нѣмцевъ кнутами, а на дѣлѣ оно вышло такъ, что королевское войско потерпѣло позорное пораженіе, и даже два польскіе воеводы попали въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Прусскія области стали одна за другой сдаваться Ордену.

Казимиръ долженъ былъ спѣшить, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, чтобы его союзники на прусскихъ земляхъ не потеряли въ него окончательно вѣры. Приходилось звать на помощь и малопольскую шляхту. А та по обыкновенію заторговалась, точно дѣло заключалось въ личныхъ прихотяхъ короля. Опять Казимиръ уступилъ.

А между тѣмъ по этой новой грамотѣ (такъ называемымъ Нишавскимъ привиллегіямъ) королевская власть ослаблялась еще болѣе, бѣдность государственной казны еще увеличилась потому, что шляхта была свободна отъ всякихъ налоговъ и податей, кромѣ ничтожнаго взноса съ земли. И это-то въ эпоху, когда событія втягивали Польшу все въ новыя войны, требовавшія большихъ расходовъ, когда въ Западной

Европѣ королевская власть усиливалась, а Москва справи- лась съ послѣднимъ препятствіемъ, стоявшимъ на пути ея развитія, т. е. окончательно свергла татарское иго. Бѣдная же Польша все еще не объединилась; областные сеймики поддерживали въ дворянствѣ сознание своей обособленности отъ остального государства; власть короля, которому прихо- дилось воевать и воевать, становилась настолько ничтожна, что онъ не могъ даже защитить слабыхъ въ своемъ госу- дарствѣ.

Особенно ярко это сказалось, когда, нѣсколько лѣтъ спу- стя, въ Краковѣ произошло событіе, всколыхнувшее весь шляхетскій мірокъ. Случилось это такъ.

Въ Краковѣ жилъ гордый и чванный шляхтичъ, Тенчин- скій, братъ краковского воеводы, полагавшій, что ему все дозволено. Собираясь на войну, онъ отдалъ починить свое оружіе одному мастеру, а, когда оно было готово, заплатилъ въ четыре раза меньше того, что требовалъ оружейникъ, да вдобавокъ еще прибилъ его и пошелъ жаловаться на него же въ городскую думу. Оттуда отправили служителя, чтобы ра- зобрать дѣло и для этого привести мастера, а Тенчинскій прогуливался между тѣмъ по городской площади, окружен- ный слугами и пріятелями.

Оружейникъ, увидѣвъ своего обидчика, закричалъ: „ты же меня побилъ въ собственномъ моемъ домѣ, а теперь тре- буешь на судъ. Ну, ужъ не будешь больше бить“. Этого было достаточно для того, чтобы надменный панъ бросился на бѣднаго мастера съ саблей, изранилъ его и прибилъ до такой степени, что его еле живого отнесли домой. Толпа, все это видѣвшая, пришла въ ярость. Городскіе совѣтники пере- пугались и побѣжали къ королевѣ съ просьбой, чтобы она велѣла Тенчинскому поскорѣе укрыться въ ея замкъ. Она такъ и сдѣлала, но панъ не послушался и королевы, заперся

въ трактирѣ, гдѣ онъ обыкновенно пьянствовалъ, и велѣлъ слугамъ сносить камни и приготовляться къ защитѣ. А народъ все больше сбѣгался на площадь, волновался, какъ море, и уже начиналъ угрожать. Уговоры городскихъ совѣтниковъ не подѣйствовали. „Посмотрите“, кричали изъ толпы, — „какъ нами гнушаются; сколько разъ мы жаловались вамъ на такія обиды. Почему вы насъ не защищали?“

А Тенчинскій, точно на зло, выпелъ изъ своей крѣпости и прогуливался по рынку. Ярость народа еще возросла. „Вы отдѣльваетесь отъ насъ пустыми словами“, раздавались возмущенные голоса, — „а онъ между тѣмъ издѣвается надъ нами и рассказываетъ тутъ же; такъ-то вы насъ всегда защищаете. Но если ужъ вы не хотите исполнять свою обязанность, мы сумѣемъ сами себя защитить“. Народъ сталъ хватать оружіе, на башнѣ одной церкви забили въ набатъ. Тенчинскій увидѣлъ, что онъ надѣлалъ своею наглостью, испугался и поспѣшилъ скрыться. Толпа бросилась его искать, перерыла все въ нѣсколькихъ мѣстахъ и добѣжала до францисканскаго монастыря, гдѣ, дѣйствительно, спрятался злополучный герой на лѣстницѣ, ведущей на хоры. Здѣсь его увидѣлъ варшавянинъ Дойсвонъ. Тенчинскій поманилъ къ себѣ Дойсвона и обѣщалъ ему много денегъ, если тотъ спасетъ ему жизнь. Дойсвонъ вывелъ рыцаря къ толпѣ и сказалъ: „вотъ, панъ Андрей отдается въ ваши руки, проситъ безопасности для своей особы и обѣщаетъ стать передъ судомъ городскихъ совѣтниковъ“.

Однако, появленіе ненавистнаго человѣка было достаточно, чтобы гнѣвъ толпы сдѣлался неудержимымъ. Тенчинскій это почувствовалъ, сталъ умолять, чтобы его не убивали, наконецъ, бросился бѣжать въ церковь, надѣясь найти спасеніе около алтаря. Но въ это время одинъ изъ окружающихъ сильнымъ ударомъ кулака раздробилъ ему черепъ,

и освирѣпѣвшій народъ еще долго волочилъ по землѣ трупъ убитаго.

Трудно себѣ представить, какое возмущеніе среди шляхты вызвалъ этотъ случай. Нѣтъ сомнѣнія, что Тенчинскій ушелъ бы совершенно безнаказанно изъ суда, если бы его дѣло дошло до него. Жестокая народная расправа была вызвана годами разочарованія и убѣжденіемъ, что на шляхту все равно правды не найдешь.

Для Казимира все это было особенно неприятно: онъ только что началъ новую войну все изъ-за тѣхъ же прусскихъ земель, шляхта лѣнливо и не охотно сѣзжалась въ его войско, а тутъ какъ разъ еще она почувствовала себя оскорбленной и потребовала, чтобы король строжайшимъ образомъ наказалъ краковскихъ мѣщанъ. Пришлось дать это обѣщаніе, не разбирая, насколько оно справедливо.

По возвращеніи съ похода, Казимиръ назначилъ судъ. Отъ краковскихъ мѣщанъ пріѣхалъ шляхтичъ Орачовскій, но, едва онъ заговорилъ, какъ необузданная шляхта бросилась на него, стала его бить и таскать за волосы и, не схватись онъ за королевскій плащъ, ему пришлось бы проститься съ жизнью. Дѣло кончилось очень суровымъ приговоромъ: къ смертной казни было приговорено семь городскихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ, однако, трехъ сынъ убитаго помиловалъ. Такъ хозяйничала шляхта.

Подъ конецъ своего царствованія Казимиръ пытался показать шляхтѣ силу королевской власти, но было уже поздно: она создала для себя такое выгодное положеніе, что дальнѣйшій ходъ ея усиленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ умаленія королевской власти, былъ неизбѣженъ. Значить, одну изъ задачъ, которую исторія возложила на плечи короля Казимира, онъ не могъ выполнить благопріятно для развитія могущества польскаго государства. А это была важнѣйшая задача.

Удачнѣе сложилась политика Казимира по отношенію къ иностраннымъ государствамъ. Польскія земли, которыми уже давно владѣлъ Нѣмецкій орденъ рыцарей, перешли послѣ долгой борьбы опять къ Польшѣ; на чешскій престолъ король посадилъ своего сына, который и удержался на тронѣ, несмотря на сопротивленіе венгерскаго короля. Все это показывало, что въ тогдашней Европѣ, потрясенной недавнимъ паденіемъ Царьграда (1453), возбужденной раздорами на почвѣ церковныхъ несогласій и уже начавшейся борьбы нѣкоторыхъ смѣлыхъ проповѣдниковъ съ испорченностью тогдашней католической церкви,—въ Европѣ Польша играла видную и почетную роль. Союзомъ съ ней дорожили самые славные государи; папа старался вовлечь Польшу въ Крестовый походъ, который замышлялъ противъ турокъ.

Но все это было лишь одной стороной дѣятельности Казимира. Оставалась другая: сосѣдомъ его государства было возвышавшееся княжество Московское, на престолѣ котораго сидѣлъ умный и осторожный великій князь Иванъ III Васильевичъ. Онъ считалъ себя прямымъ наслѣдникомъ Византійскихъ царей, женился на родственницѣ одного изъ нихъ, принялъ для Россіи старыи Византійскій гербъ, двуглаваго орла. Онъ сокрушилъ могущество древняго Новгорода, уничтожилъ его самостоятельность и присоединилъ къ своему государству. Казимиръ видѣлъ ростъ своего сосѣда, но ничего не могъ сдѣлать. Повидимому, ему и въ голову не приходило, что опасность его королевству грозитъ именно съ этой стороны, а не съ запада, и что наибольшая опасность соединена съ тѣмъ, что польское, католическое государство владѣетъ многими землями, населенными русскимъ, православнымъ людомъ.

На югѣ тоже не все обстояло благополучно: господарь молдавскій (въ теперешней Румыніи) держался по от-

ношенію къ Польшѣ враждебно, на югѣ Россіи кочевали татарскія орды, а, значить, выходъ въ Черное море былъ прегражденъ или, по крайней мѣрѣ, затрудненъ. Это доставляло Польшѣ много хлопотъ и непріятностей.

Наконецъ, и въ Венгріи короля постигла полная неудача: своего сына, Яна Альбрехта, онъ хотѣлъ посадить на венгерскій престолъ. Для этого онъ собралъ съ величайшими усиліями, съ помощью даже заклада платья королевы (атласнаго, вышитаго жемчугомъ), нѣкоторую сумму денегъ, нанялъ на нее войско и отправилъ его въ Венгрію. Но тутъ дѣло едва не дошло до братоубійственнаго раздора. Венгерскіе вельможи раздѣлились на двѣ партіи: одна выбрала королемъ Яна Альбрехта, а другая его брата, чешскаго короля Владислава.

Братья готовились къ сраженію, когда изъ Кракова пріѣхали послы Казимира и устроили миръ между ними. Но миръ продолжался недолго: уже въ слѣдующемъ году отношенія испортились, дѣло дошло до войны, и Янъ Альбрехтъ былъ на голову разбитъ. А тутъ, отъ огорченія и усталости, заболѣлъ и старый король, и Янъ поспѣшилъ домой, чтобы въ скоромъ времени принять польскую корону.

Такимъ образомъ, если мы окинемъ взоромъ долготѣнее царствованіе Казимира Ягеллончика (1447—1492), то должны будемъ сказать, что онъ оставилъ Польшу въ очень опасномъ состояніи: средствъ у государства становилось все меньше, а враговъ все больше; единственное сословіе, которое могло вести войны, не чувствовало своего государственнаго единства и не понимало нужды въ тѣхъ замыслахъ, которыми руководились короли. Оно жалѣло денегъ, не охотно покидало свои дома, торопилось поскорѣе вернуться въ свои усадьбы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Польша стремилась сравняться въ

просвѣщеніи съ образованнѣйшими государствами своего времени. Изученіе латинскихъ и греческихъ писателей, которое раскрыло передъ Европой Среднихъ вѣковъ совсѣмъ забытый міръ и вызвало въ умахъ громадный переворотъ, распространялось и въ Польшѣ. Чувствовалась уже необходимость направить государственную жизнь по новому руслу.

Такимъ человѣкомъ, смѣло выступившимъ со своими взглядами на неприспособленность строя Польши къ ея задачамъ, былъ одинъ изъ шляхтичей, Остророгъ, который предложилъ на обсужденіе сейма докладъ объ исправленіи государства. Въ этомъ докладѣ встрѣчаются мысли, совсѣмъ свѣжія для того времени. Такъ, напр., Остророгъ заявляетъ, что почитать папу нужно, но повиноваться ему во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ слѣпо. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы высшій судъ для горожанъ, пользовавшихся, такъ называемымъ, нѣмецкимъ правомъ, происходилъ не за границей, а въ предѣлахъ самого государства. Онъ идетъ еще дальше: требуетъ, чтобы судъ былъ равный для всѣхъ, безъ различія сословій. И это въ ту пору, когда за убійство шляхтича Тенчинскаго потеряло голову четверо ни въ чемъ не повинныхъ краковскихъ горожанъ!

Отъ шляхты Остророгъ требуетъ обязанностей: онъ готовъ признать за ней цѣлый рядъ особыхъ важныхъ правъ, но требуетъ, чтобы и она, въ свою очередь, всегда была готова защищать отечество, а на войнѣ повиновалась воеводѣ. Особенно же его возмущаетъ, что „Польша своей неумѣлостью обогащаетъ другіе народы, а свою казну умаляетъ“, и онъ предлагаетъ свои соображенія, какъ поправить дѣло. Уже изъ этихъ замѣчаній видно, что Остророгъ понималъ недостатки государственнаго строя и обращалъ вниманіе шляхты какъ разъ на самыя существенныя слабыя стороны его. Но ходъ вещей былъ такъ выгоденъ именно для шляхты,

которой Остророгъ предлагалъ извѣстное самоотреченіе, а угроза паденія государства такъ далека, что все осталось попрежнему.

Полагаютъ, что взгляды Остророга были взглядами и самого короля Казимира Ягеллончика, который оказался, впрочемъ, такъ же безсиленъ въ этомъ отношеніи, какъ и его рыцари. Наступало новое царство. Что-то оно должно было принести?

Но прежде всего возникалъ вопросъ: кому теперь царствовать. Вѣдь у стараго короля осталось нѣсколько взрослыхъ сыновей, и только одинъ изъ нихъ, Владиславъ, былъ уже самъ королемъ (Чешскимъ), но и онъ, какъ и другіе, могъ заявлять притязаніе на польскій тронъ. Другого своего сына Казимиръ тоже устранилъ отъ престола, но отъ этого пострадало единство государства, которое стоило такихъ усилий и Ягайлу, и самому Казимиру. Дѣло въ томъ, что своего сына Александра онъ назначилъ отдѣльно великимъ княземъ Литовскимъ: значить, самъ же и нарушилъ единство, а литовцы были этому рады и даже отказались участвовать въ избраніи польскаго короля.

Наступала критическая минута. Кому быть преемникомъ Казимира? Владиславъ внушалъ къ себѣ уваженіе, какъ король чешскій и венгерскій, но потому-то приверженцы Яна Альбрехта и поторопились устроить выборы короля. Пришло извѣстіе, что ѣдетъ венгерское посольство. Партія Альбрехта испугалась и поторопилась избрать его въ короли.

Вотъ какъ это произошло. Утромъ была отслужена обѣдня, а потомъ избиратели собрались въ залѣ дворца: здѣсь было главное духовенство, воеводы, уполномоченные отъ городовъ и небольшое число земскихъ людей, число избирателей не превосходило сорока, голосовали устно, и всѣ выборы продолжались съ часъ. Для этой поспѣшности были свои

причины: потомъ разсказывали, будто бы въ ту минуту, когда подняла голосъ партія, враждебная Яну Альбрехту, въ залу вошли его офицеры съ угрожающимъ видомъ, который припугнулъ всѣхъ недовольныхъ. Послѣ окончанія выборовъ къ собравшейся простой шляхтѣ вышелъ одинъ изъ вельможъ. Онъ оповѣстилъ о результатахъ выборовъ и трижды спросилъ, соглашается-ли на него шляхта. Громовое *да* было отвѣтомъ на его вопросъ, и такъ Янъ Альбрехтъ сдѣлался польскимъ королемъ.

Повидимому, трудно было сдѣлать выборъ удачнѣе: король былъ въ расцвѣтѣ силъ, получилъ отличное образованіе, уже отличился и военными подвигами. Народъ надѣялся, что онъ положитъ предѣлъ злоупотребленіямъ, возникшимъ подъ конецъ царствованія Казимира, остановитъ татарскіе набѣги, приведетъ въ порядокъ государственную казну. Но какъ бы искренно ни хотѣлъ этого и самъ король, эта задача превосходила его силы. Между частями государства не было сознанія своего единства, а Литва такъ и совсѣмъ стала отдѣляться; власть короля была связана всякими привиллегіями, дарованными шляхтѣ, духовенству и горожанамъ. А съ вельможами молодой король сразу оказался въ дурныхъ отношеніяхъ, такъ какъ они хотѣли выбрать на тронъ не его, а его брата.

Значить, силою вещей Янъ Альбрехтъ былъ принужденъ искать поддержки въ той же самой шляхтѣ, которая и безъ того уже приобрѣла такое значеніе при его отцѣ. А онъ оказался въ еще худшемъ положеніи: денегъ у него было такъ мало, что всего черезъ мѣсяцъ послѣ коронаціи король закладываетъ одному купцу свою деревеньку за 500 золотыхъ. Приходится просить у шляхты денегъ уже просто на прокормленіе двора; отъ отца же своего Янъ Альбрехтъ получилъ „только непомѣрные долги“, какъ онъ самъ жалуется шляхтѣ.

Еще Казимиръ могъ торговаться со шляхтой и не утверждать долгое время ея привиллегій; новый король, напротивъ, готовъ былъ дать ей, что угодно: до такой [уже степени упало значеніе королевской власти.

Какъ разъ въ эту пору московскій великій князь поднялся на вершину самодержавной власти, покоривъ послѣдній русскій городъ, не признававшій его господства, старый вольный Новгородъ.

Эти двѣ силы, польская и русская, были вынуждены столкнуться рано или поздно: первая]стремялась расширить свои владѣнія на востокъ, а вторая искала приобрѣтеній на западѣ и на югѣ. Русская сила была собрана въ рукахъ одного человѣка, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи и средства, и войско; но зато другая сила, польская, стояла на высотѣ тогдашней европейской образованности, была въ родствѣ или старыхъ связяхъ съ самыми могущественными европейскими государями. Только послѣ того, какъ русскій великанъ усвоилъ себѣ ту образованность, какой была сильна Польша, онъ ее и одолѣлъ.

Этотъ перевѣсъ Россіи надъ Польшей сказывается ясно уже незадолго до Петра Великаго; но еще раньше, за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, Москва становится уже опасной силой для Польши. Казимиръ Ягеллончикъ просмотрѣлъ происки московскаго князя въ Молдавіи, которая съ юга преграждала Польшѣ выходъ въ Черное море, а при Янѣ Альбрехтѣ московскій князь заключилъ даже союзъ съ Австріей съ цѣлью получить подъ свою руку прусскія земли. Король польскій испугался и поспѣшилъ заключить тайный договоръ съ братомъ, чешскимъ королемъ, чтобы взаимно помогать другъ другу.

И вотъ, чтобы какъ-нибудь поддержать въ глазахъ шляхты значеніе королевской власти, Янъ Альбрехтъ, человѣкъ често-

любивый и смѣлый, бросается въ различныя военныя предпріятія: шляхта оградилась отъ всѣхъ другихъ сословій важными льготами, окончательно закрѣпостила крестьянъ и устранила горожанъ отъ участія въ государственной жизни. Только военными подвигами, только завоеваніями король могъ подняться въ глазахъ разнузданной шляхты на такую высоту, что она стала бы ему повиноваться. И за эти подвиги берется Янъ Альбрехтъ.

Но раньше ему удается мирнымъ путемъ договоровъ и купли пріобрѣсти нѣсколько городовъ для Польши, и этимъ онъ сильно возвышаетъ свое значеніе въ государствѣ. Между королемъ и шляхтой установились на время самыя лучшія отношенія, и Янъ Альбрехтъ воспользовался ими для того, чтобы выполнить свой давнишній планъ. А этотъ планъ состоялъ въ новой войнѣ съ Турціей, которая не переставала набѣгами своихъ шаекъ беспокоить южнорусскія земли польскаго государства.

И вотъ молодой король обнаруживаетъ необыкновенную дѣятельность: онъ развѣзжаетъ изъ края въ край польской земли, выманивая новыми обѣщаніями и убѣжденіями у скупой шляхты деньги и воиновъ: при этомъ онъ распускаетъ слухъ, будто бы 700,000 турокъ идутъ изъ - за Дуная на Польшу. На этотъ разъ слухи подѣйствовали: Польша наполняется военнымъ шумомъ, ко Львову идутъ отряды изъ-подъ Познани и изъ-подъ Кракова, но идутъ, какъ всегда, лѣниво и вяло; въ войскѣ обнаруживаются недостатокъ дисциплины, неумѣніе сосредоточивать свои силы, раздоръ между начальниками; шляхтичи начинаютъ подозрѣвать, что Янъ Альбрехтъ повелъ ихъ на войну съ турками обманнымъ образомъ, а, на самомъ дѣлѣ, задумалъ завоевать Молдавію (часть нынѣшней Румыніи) и отдать ее во владѣніе своему брату, а ради этого кому-же изъ шляхтичей хотѣлось поки-

нуть насиженное родное гнѣздо и свободную привольную живань среди полей и лѣсовъ!

Этого слуха было довольно, чтобы молдавскій господарь (князь) перекинулся на сторону турокъ и вмѣстѣ съ ихъ отрядами сдѣлать нѣсколько набѣговъ на галицкую землю. А между тѣмъ именно для спасенія этого князя отъ турецкаго завоеванія польскій король и предпринялъ свой походъ. Что ему оставалось дѣлать? Наказать измѣнника, заключить союзъ съ сосѣдями венгерцами и идти въ Турцію. Но нерѣшительность Яна Альбрехта испортила все дѣло: ему не удалось привлечь венгерцевъ на свою сторону, не удалось даже взять ни одного молдаванскаго города, а пришлось съ позоромъ возвращаться во-свояси, а было у него по тогдашнему громадное войско,—80,000 человекъ.

Да и возвращеніе не обошлось безъ бѣды: въ лѣсахъ Буковины на польское войско напали враги—румыны, венгерцы и турки,—и нанесли ему страшное пораженіе; восемь дней поляки продирались черезъ лѣса, обстрѣливаемые врагами. Если дѣйствительныя потери войска были не такъ ужъ велики, какъ старались это потомъ раздуть, то нравственное пораженіе было громадно: шляхта просто-напросто обвинила короля, что онъ задумалъ ее погубить и для этого заключилъ тайный заговоръ съ молдавскимъ господаремъ.

Конечно, это была не правда; но правдой было то, что король страшно возмутился поведеніемъ шляхты и рѣшилъ хорошенько проучить ее. А провинностей за шляхтой было много: она самовольно покидала въ бою назначенныя ей мѣста, не повиновалась приказаніямъ, уѣзжала домой съ похода. И вотъ король отбираетъ сотни, тысячи имѣній у провинившихся и отдаетъ ихъ заслуженнымъ воинамъ. Не даромъ Яна Альбрехта такъ ненавидѣла шляхта: онъ мстилъ ей за послѣднія надежды, которыя теперь погибли. Когда нѣ-

сколько лѣтъ спустя онъ умеръ, лѣтописецъ не нашелъ нужнымъ сказать ничего, кромѣ нѣсколькихъ словъ: „скончался король, до послѣдней степени ненавидимый подданными“.

Но турки не теряли времени: уже въ слѣдующемъ за этимъ походомъ году (1498) они опустошили огнемъ и мечемъ галицкую землю, и въ городѣ Петроковѣ король собралъ сеймъ со всего государства для „спасенія республики“, какъ говоритъ современный писатель. И дѣйствительно, въ поведеніи короля и собравшейся шляхты видна необыкновенная тревога: она налагаетъ на себя земельную подать, торопится укрѣпить Краковъ и Люблинъ, а король выжимаетъ дань изъ горожанъ. Плохо въ эту пору приходится Польшѣ отъ ежегодныхъ нападеній турокъ, румынъ и южнорусскихъ татаръ. Но не хорошо и Литвѣ: ее донимаютъ все усиливающейся Московскій князь и тѣ же татары. Общая бѣда опять сблизила Литву съ Польшей.

Кромѣ того, новыя завоеванія турокъ опять напугали Европу, опять возникли разговоры о Крестовомъ походѣ противъ нихъ, а для этого Польшѣ нужно было усилиться. Наконецъ, удалось восстановить связь между Польшей и Литвой, которая едва было не порвалась: снова съѣхались польскіе и литовскіе вельможи и постановили не выбирать польскаго короля безъ согласія литовцевъ, а литовскаго князя безъ согласія поляковъ. Но этотъ союзъ не избавилъ ни Польшу, ни Литву отъ новыхъ потрясеній.

Съ востока на литовскія земли, занятыя бѣло-русскимъ племенемъ, все болѣе напиралъ могучій великій князь московскій, Иванъ III, который уже сталъ титуловать себя княземъ „всѣя Руси“; а на западѣ Польшу втянули въ борьбу съ нѣмецкимъ императоромъ. Въ самый 1500 годъ Альбрехтъ заключилъ торжественный договоръ съ Франціей и Венгріей,

по которому эти государства соединялись узами „самой искренней дружбы и вѣчнаго союза какъ противъ турокъ, такъ и противъ всѣхъ своихъ враговъ, настоящихъ и будущихъ.“ Однако никакой выгоды Польшѣ этотъ договоръ не далъ. Даже прусскія земли, недавно къ ней присоединенныя, обнаруживали самое очевидное намѣреніе оторваться отъ Польши.

А Польша была въ эту пору уже такъ бессильна, что татары могли дѣлать набѣги въ самое сердце польской земли. Пока еще соберется шляхта отразить набѣгъ, пока король думаетъ, гдѣ бы добыть денегъ, и какъ бы созвать войско, а отъ татаръ ужъ и слѣдъ простылъ: они давно уже вернулись въ Крымъ съ большой добычей, съ толпами рабовъ. Всѣмъ дѣлалось ясно, что Польша нуждается или въ постоянномъ войскѣ, или въ такой рати, которую король можетъ собрать безъ особаго разрѣшенія сейма. Наконецъ, это право и было дано Альбрехту. Но, опять-таки, цѣной новыхъ уступокъ шляхтѣ, новыхъ униженій городского сословія, отъ котораго и зависѣло, главнымъ образомъ, богатство государства. А кромѣ того, шляхта окончательно завершила прикрѣпленіе крестьянства къ землѣ, окончательно лишила его всякихъ человѣческихъ правъ.

Зато она готова была поддержать короля въ войнѣ съ нѣмецкимъ орденомъ, который отказывалъ Альбрехту въ повиновеніи. Война уже началась, и все предсказывало королю побѣду, когда онъ неожиданно умеръ отъ удара.

И вотъ опять начались переговоры, кого выбрать его преемникомъ: осталось послѣ Альбрехта четыре брата, но одинъ былъ краковскимъ архіепископомъ и не могъ сдѣлаться королемъ. Король венгерскій Владиславъ, князь литовскій Александръ и мелкій силезскій князь Сигизмундъ: всѣ они заявляли претензіи на польскій тронъ.

На этотъ разъ верхъ одержалъ государственный смыслъ:

литовцы сговорились съ поляками и совмѣстно выбрали въ короли своего князя. Съ этихъ поръ Литва соединилась съ Польшей очень крѣпкими узами, которыя не были нарушены до самаго паденія польскаго государства.

Это было выгодно и полезно для государства, но совсѣмъ не хорошо было для него то, что за свое избраніе Александру пришлось много заплатить, на этотъ разъ уже не обыкновенной шляхтѣ, а вельможамъ, „сенату“. Дѣло въ томъ, что Альбрехтъ попробоваль было обходиться безъ его помощи и совѣта, а вельможи испугались за свое вліяніе и воспользовались минутой, когда въ нихъ нуждались, чтобы завоевать себѣ новыя льготы. И дѣйствительно, они добивались громадной привиллегіи: судить ихъ могъ отнынѣ только „сенатъ“, а не король, а если бы послѣдній вздумаль повліять на судъ, то вельможи освобождались отъ присяги на вѣрность королю и могли бороться съ нимъ, какъ съ „тираномъ“. Правда, на этотъ разъ сеймъ не подтвердилъ требованій вельможъ, но худо то, что эти послѣдніе выработали себѣ программу, ради которой они и вели борьбу, пока не взяли верха.

А тутъ присоединилось еще новое затрудненіе: король Александръ былъ женатъ на дочери московскаго князя Ивана III, Еленѣ; по взглядамъ же тогдашняго времени, она была для католика „раскольницей“, и папа римскій не хотѣлъ и слышать объ ея коронаціи. И пришлось Александру короноваться одному, безъ жены.

Безъ денегъ, безъ знакомства съ положеніемъ вещей въ королевствѣ, наконецъ, безъ особенныхъ государственныхъ способностей, молодой польскій король вступилъ на отцовскій престоль только для того, чтобы еще больше распатать его. А въ то время, какъ его власть дѣлалась почти только номинальной, на московскомъ престолѣ сидѣлъ Иванъ III. Хитрый и искусный политикъ, онъ сумѣлъ сблизиться съ

главнымъ врагомъ Польши, ханомъ крымской орды, переманивалъ на свою службу литовскихъ вельможъ и открыто выражалъ притязанія на Кіевъ и Смоленскъ, принадлежавшіе въ ту пору польскому королю.— Уже тогда можно было предвидѣть, что эти города рано или поздно вернутся къ московскому государю, но пока Польшѣ удалось ихъ отстоять. Въ важную минуту, когда предстояла новая война съ королемъ, Иванъ III умеръ, а набѣгъ крымскаго хана подь самое Вильно окончился для него очень печально: весь его лагерь достался въ руки поляковъ и литовцевъ.

Были у Польши еще другіе враги: не даромъ ягеллоны засѣли на венгерскомъ престолѣ, не могла имъ простить этого династія Габсбурговъ, которая тогда уже царствовала въ Австріи и теперь какъ разъ сѣла на престолъ имперіи. Она поспѣшила снестись и съ московскимъ княземъ, и съ крымскимъ ханомъ, и какъ желѣзное кольцо, все ту же обхватывала обѣдую Польшу. А внутри ея шли раздоры вельможъ съ низшимъ дворянствомъ, дворянства съ городами, и ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ королемъ. Не то удивительно, что польское государство пало, а то, что оно смогло просуществовать еще триста лѣтъ, и притомъ создать высокую литературу, художество и науку. Видно, много природныхъ силъ скрывалось въ этомъ тѣлѣ, которое было такъ исковеркано воспитаніемъ и развивалось, окруженное и тѣснимое врагами.

Безъ руля и безъ вѣтриль носилось судно польскаго государства по взбаламученному морю тогдашней европейской жизни. „Гибнетъ государство“, вопить король въ своихъ обращеніяхъ къ сеймамъ, но оно еще не гбгло. Одинъ изъ послѣднихъ въ его царствованіе сеймовъ серьезно взялся за исправленіе государственнаго дѣла. Прежде всего казалось необходимымъ лишить короля всякой возможности вредить государству.

Такъ, напримѣръ, въ трудную минуту король закладывалъ имѣнія, которыя принадлежали не ему лично, но „коронѣ“, т. е. тому, кто въ настоящую минуту былъ королемъ. И вотъ сеймъ приговариваетъ, что отнынѣ король не долженъ закладывать такихъ имѣній безъ согласія своего совѣта, сената. А чтобы съ дѣйствіемъ короля прямо-таки не спускать глазъ, было рѣшено, что при немъ будутъ постоянно состоять четыре сенатора, „у бока его“, какъ сказано въ документѣ. Даже въ назначеніи чиновниковъ власть короля сильно урѣзали, и, наконецъ, постановили, что „отнынѣ впредь, на будущія времена, ни мы, ни наши потомки не должны вводить въ законъ ничего новаго, безъ общаго согласія сенаторовъ и земскихъ пословъ, что могло бы принести ущербъ и тяжесть государству, что клонилось бы къ обидѣ кого-либо или имѣло въ виду перемѣну въ общемъ законѣ и стѣсненіе общественной свободы“.

Все это было полезно для данной минуты, потому что ужъ очень плохимъ королемъ былъ Александръ. Но на будущее время этотъ законъ сдѣлался источникомъ полнаго упадка королевской власти и привелъ къ совершенному безначалію. Самого же Александра онъ ограничилъ не на долго: два года спустя (1506), давно хворавшій король скончался. Рассказываютъ, что къ занемогшему королю призвали какого-то чудеснаго знахаря, и онъ принялся лѣчить его съ помощью бани и вина; отъ этого лѣченія Александръ окончательно слегъ и вскорѣ умеръ.

Такъ закончился 15-ый вѣкъ. Польша стояла на распутьи, и слѣдующее столѣтіе увидѣло восходы тѣхъ сѣмянъ, которыя были заброшены въ ея почву государственнымъ правленіемъ первыхъ Ягеллоновъ. Въ этомъ вѣкѣ расцвѣла литература на родномъ языкѣ поэтовъ, закипѣла веселая жизнь въ усадьбахъ свободныхъ дворянъ, но зрѣли и тѣ внѣшнія

и внутреннія силы, которыя погубили Польшу. А главной изъ нихъ была вражда между мужикомъ, „хлопомъ“, и шляхтичемъ, „паномъ“. Уже къ концу сейчасъ разсмотрѣннаго 15-го вѣка относится пѣсенка на польскомъ языкѣ о работающихъ крестьянахъ. Она такъ интересна и характерна и для будущей польской исторіи, что мы приведемъ ее цѣликомъ:

„Хитро поступаютъ съ панами мужики; много у нихъ на

Польскій гербъ начала 16 вѣка.

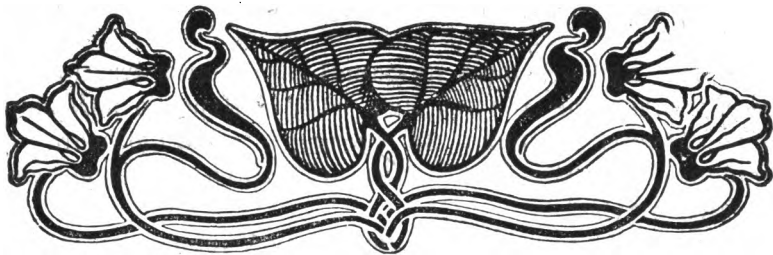
Литовскій гербъ начала 16 вѣка.

душѣ коварства. Когда они должны отработать день пану, они часто отдыхаютъ, а многое дѣлаютъ обманно; едва выйдутъ на работу около полудня, а ужъ на дорогѣ останавливаются, будто бы поправляютъ плуги. Желѣзный лемешъ оставляютъ дома, а деревянный вставляютъ въ плугъ; впрягаютъ большую скотину, желая пролѣнтяничать весь этотъ день. Они нарочно все дѣлаютъ такъ, чтобы у пана былъ плохой урожай. Когда панъ придетъ, хлопь пашеть хорошо, а когда уйдетъ,

какъ можно хуже. Стоить на пашнѣ, уставится глазами въ лемешъ: видно, не хочется ему пахать. Нарочно потерять клинья, бѣжить за ними въ кусты, а когда доберется до кустарника, заляжетъ себѣ тамъ и лежитъ, не скоро ужъ выберется оттуда“.

Съ такимъ отчужденіемъ [между рабочими и высшими классами не могла и развиваться правильная государственная жизнь въ Польшѣ.

Г Л А В А II.

Золотой вѣкъ въ Польшѣ.

Послѣ того, о чемъ разсказано въ концѣ предшествующей главы, какъ будто странно говорить о „золотомъ вѣкѣ“ въ Польшѣ. Между тѣмъ 16-ый вѣкъ является, дѣйствительно, временемъ особенно блестящаго развитія польскаго государства: въ эту именно пору Польша выдвигаетъ рядъ замѣчательныхъ писателей, которые пишутъ не на латинскомъ, а уже на родномъ языкѣ; въ этомъ столѣтїи совершается окончательное соединеніе Польши съ Литвой, а внѣшнее могущество ея грозитъ очень сильно и Москвѣ. Съ другой же стороны, тѣ недостатки въ строѣ государства, которые привели это послѣднее, лѣтъ двѣсти спустя, къ полному упадку, еще не успѣли принести вредныхъ плодовъ, не были даже особенно видны, а напротивъ: на той свободѣ, которой пользовалась шляхта, выросла высокая и разносторонняя культура.

Вотъ почему справедливо можно назвать 16-ый вѣкъ въ исторїи польскаго государства золотымъ. Съ самаго начала своего онъ былъ удаченъ. Рано умеръ неспособный Александръ, и замѣнилъ его даровитый и энергичный братъ Сигизмундъ. Онъ не былъ уже молодъ и передъ тѣмъ про-

шелъ трудную школу жизни. Старшіе братья дали ему въ удѣлъ маленькое, бѣдное, полуонѣмеченное княжество въ Силезіи, а онъ сумѣлъ и увеличить свои владѣнія и хорошо устроить ихъ. Не даромъ одинъ изъ современныхъ поэтовъ восхвалялъ за это князя въ слѣдующихъ словахъ:

„Ты намъ вернулъ, величайшій изъ Ягеллоновъ, спокойствіе и безопасность. Тебѣ обязанъ купецъ, что можетъ безъ тревоги спокойно заснуть со своимъ богатымъ товаромъ, гдѣ бы ни застали его закатъ солнца или полдневный зной. Не обращая вниманія ни на знатность, ни на могущество обидчика, ты принялся мстить всѣмъ чудовищамъ, которыя пили нашу кровь. Господинъ и слуга, дѣлившіе между собой плоды преступленья, висятъ по твоему приговору на одномъ крюкѣ. Первый разъ при тебѣ задрожалъ передъ позорнымъ столбомъ могущественный злодѣй.“

Выборы Сигизмунда произошли съ необычной быстротой; медлить было невозможно: московскій князь Василій Ивановичъ уже подготовлялъ переходъ Литвы къ Россіи. Поэтому уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Александра выбрали и короновали новаго короля. Народъ привѣтствовалъ его очень любовно, выходилъ на встрѣчу Сигизмунду, а въ одной деревнѣ передъ королемъ шелъ крестьянинъ и пѣлъ „Богородицу“, за что и получилъ въ подарокъ шесть грошей.

Отъ Александра новый король получилъ въ наслѣдство очень запутанныя отношенія съ сосѣдями и несмѣтные долги. Дѣло дошло до того, что была заложена за шесть золотыхъ даже кухонная посуда короля. Но Сигизмунда знали, ему довѣряли, и шляхта добровольно согласилась возложить на себя новый взносъ, который далъ казнѣ 70,000 золотыхъ. Съ этими деньгами уже можно было говорить и о наймѣ войскъ, и о разныхъ предпріятіяхъ, которыя дали королю крупныя денежныя суммы. На нихъ Сигизмундъ нанялъ два войска,

по нашему теперешнему взгляду, очень маленькія, но по тогдашнему—значительныя; въ одномъ изъ нихъ было 500 всадниковъ и 200 пѣхотинцевъ, а въ другомъ 663 конныхъ и 1900 пѣшихъ солдатъ.

Приходилось прежде всего умирять бунтъ, поднятый однимъ изъ вельможъ, Глинскимъ. Этотъ гордый литовскій князь завязалъ сношенія съ Москвой, назвалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и предложилъ Московскому князю два города, Кіевъ и Смоленскъ, а Московскій великій князь Василій Ивановичъ заявилъ свои права на всѣ западныя области, занятыя православнымъ русскимъ населеніемъ.

Такъ началась борьба изъ-за Малороссіи и Бѣлоруссіи, которая продолжалась почти триста лѣтъ и закончилась только съ полнымъ распадомъ польскаго государства. На этотъ разъ перевѣсъ оказался еще на сторонѣ Польши, и Глинскому пришлось искать спасенія у московскаго князя. Впрочемъ, все-таки Сигизмундъ долженъ былъ уступить Василю Ивановичу нѣсколько литовскихъ городовъ, которые завоевалъ его отецъ, Иванъ III. Дѣло въ томъ, что польскому королю опять грозила опасность со стороны молдавскаго господаря.

По поговоркѣ: „хвостъ вытащить (куликъ {изъ болота}, носъ увязнетъ; носъ вытащить, хвостъ увязнетъ“, —польскій король никакъ не могъ раздѣлаться со всѣми своими врагами. На этотъ разъ ему пришлось заключить поскорѣе миръ съ московскимъ княземъ и идти въ Галицію защищать Львовъ отъ хитраго полуазіата, молдавскаго господаря, который то прикидывался другомъ Польши, то вдругъ выступалъ противъ нея. На этотъ разъ ему не было большой удачи. Львова онъ не взялъ, но зато разгромилъ другіе русскіе города и съ большой добычей вернулся въ Молдавію. Но слѣдомъ за нимъ поспѣшилъ туда же польскій полководецъ: и онъ разграбилъ нѣсколько городовъ, только ужъ молдавскихъ, взялъ

тоже большую добычу и направился домой. По дорогѣ на его войско напали волохи, въ соединеніи съ татарами и турками, но только неудачно: поляки одержали полную побѣду и съ торжествомъ вернулись на родину.

Если мы спросимъ, что изъ всего этого похода вышло, то отвѣтъ будетъ довольно печальный: груды развалинъ на мѣстѣ прежнихъ сель и городковъ, тысячи испорченныхъ жизней, калѣкъ и сиротъ, и для чего все это? Вѣдь ни польскій король, ни молдавскій господарь не приобрѣли въ концѣ концовъ ни пяди новой земли, а имущество, которое они награбили у мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ жителей, вовсе не было ихъ избыткомъ. Это было то необходимое, что было надобно для поддержанія извѣстной культурной жизни, какъ въ Галичѣ, такъ и въ Молдавіи. Такъ, вражда государей и ихъ жажда приключеній и легкой славы падаетъ тяжелымъ бременемъ на населеніе, которое съ великимъ трудомъ идетъ по пути развитія своихъ умственныхъ силъ и богатствъ.

И вотъ послѣ такого блестящаго похода, когда, казалось бы, сокровища короля были несмѣтны, въ его казнѣ нашлось всего 69 золотыхъ. Достойный результатъ военныхъ подвиговъ! А какія же средства принужденія были въ рукахъ у короля, если кто-нибудь изъ сильныхъ людей не хотѣлъ платить подать? Разумѣется, никакихъ. Достаточно сказать, что послѣ молдавскаго похода духовенство обязалось внести въ пустую казну государства свыше 200 тысячъ золотыхъ, а заплатило едва шесть тысячъ. Да и то еще было хорошо! Говорятъ, что король Сигизмундъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ шляхты, и она помогала ему въ денежныхъ дѣлахъ. Что же было съ другими королями!

А Сигизмунду очень нужны были деньги и уже не для какого-нибудь похода, а просто для обороны государства.

Едва закончилась война съ Молдавіей, какъ новыя тучи поднялись на Польшу: московскій князь дѣятельно готовился къ войнѣ и заключилъ союзъ съ нѣкоторыми европейскими государями. Но не дремалъ и польскій король. Онъ твердо рѣшилъ преобразовать государственное хозяйство и завести постоянное войско: ополченіе всей шляхты, которое производилось раньше въ случаѣ войны, оказалось слишкомъ неудобнымъ и хлопотливымъ дѣломъ. Уже большая часть западно-европейскихъ государей предпочитала не поднимать своихъ рыцарей на войну, а собирать съ нихъ деньги и на эти деньги нанимать специалистовъ ратнаго дѣла, т. е. разныхъ свободныхъ людей, которые сдѣлали своимъ обычнымъ занятіемъ войну.

Для этого же Сигизмундъ былъ принужденъ преобразовать и самую систему налоговъ. Дѣло въ томъ, что шляхта платила со своихъ имѣній одинаковый для всѣхъ и незначительный налогъ; но имѣнія были разныя по величинѣ и плодородію, и нужно было придумать болѣе справедливую и равную подать. Планъ такого преобразованія предложилъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Польши 16-го вѣка, гнѣзненскій архіепископъ Ласкій. По его плану слѣдовало создать государственную казну изъ налога съ доходовъ, получаемыхъ не только шляхтой, но и духовенствомъ.

Однако, и на этотъ разъ корыстолюбіе духовенства разрушило полезный планъ: оно обязалось внести 40,000 золотыхъ, дало же и на этотъ разъ всего 7 тысячъ.

Враждовала между собой и шляхта, сводя личные счета и всего менѣе думая о благѣ отечества. Правъ былъ Сигизмундъ, когда въ огорченіи писалъ: „Лишнее работать для добра тѣхъ, которые не желаютъ своего добра, гнушаются имъ.“ Такимъ образомъ, планъ созданія крѣпкаго постояннаго войска въ Польшѣ совершенно разбился о себялюбіе и ко-

рыстность высшихъ сословій. Доходы государственной казны едва покрывали половину того, чего требовали неизбѣжные расходы; другую половину король долженъ былъ добывать, гдѣ и какъ могъ.

А между тѣмъ время было такое, когда, казалось, было бы пора подумать и о государствѣ. Начиналась новая война съ московскимъ княземъ, который уже успѣлъ взять Смоленскъ. Сигизмунду пришлось прибѣгнуть къ старому способу веденія войны, объявить ополченіе и двинуться поскорѣе подъ Смоленскъ. На этотъ разъ ему была удача: московское войско, полагаясь на свой громадный численный перевѣсъ, никакъ не ожидало, что нѣсколько тысячъ поляковъ и литовцевъ нападутъ на него. А тѣ напали на разсвѣтъ, когда москвичи крѣпко спали. Съ перепугу никто и не думалъ защищаться.

Польская конница гнала передъ собой московское войско, и многіе изъ него полегли въ чистомъ полѣ или утонули въ рѣчкѣ. Польскій король отобралъ Смоленскъ. Эта побѣда сразу подняла его въ глазахъ сосѣдей, и недавніе враги становятся въ скоромъ времени предупредительными и преданными друзьями.

А произошло это оттого, что нѣмецкій императоръ давно ужъ зарился на корону Венгріи и Чехи, которая принадлежала брату Сигизмунда, Владиславу. Обстоятельства сложились такъ, что съ помощью брачныхъ узъ можно было надѣяться присоединить эти короны къ Австріи, т. е. къ владѣніямъ императора, и вотъ онъ усердно принялся ухаживать за обоими Ягеллонами. О старой распрѣ, о союзѣ съ Москвой противъ Польши не было уже и рѣчи.

Въ это время польская королева Варвара разболѣлась и умерла. Какъ ни любилъ ее уже старѣющійся Сигизмундъ, но въ обычаяхъ эпохи не было, чтобы король оставался вдовымъ. Надо было искать новую жену, и императоръ предло-

жилъ посватать короля къ итальянской принцессѣ Бонѣ, которая славилась красотой и богатствомъ. Сохранился списокъ ея приданого: мы находимъ здѣсь массу дорогихъ парчевыхъ и бархатныхъ платьевъ, но всего двѣ-три рубашки, да двѣ простыни. Это очень ярко рисуеть время. Страсть къ чистотѣ, опрятности для себя, а не на показъ, создается только извѣстнымъ развитіемъ образованности. Въ старыя времена люди ѣли жирную говядину прямо руками, не имѣли носовыхъ платковъ, спали на грязныхъ простыняхъ, но зато одѣвались въ шелковыя одежды, украшенныя звоночками и погремушками. Мы, современные люди, одѣваемся просто, но чисто, и потому, какъ народъ дорожить чистотой своихъ одеждъ и жилищъ, можно судить объ уровнѣ его образованности.

Какъ бы то ни было, съ королевой Боной въ Польшу пришло много новаго. Въ Италіи поэты, ученые и художники только и мечтали о томъ, чтобы „возродить“ на новой почвѣ старую латинскую и греческую жизнь съ ея литературой, искусствомъ, а, пожалуй, и язычествомъ. Особенностью же этого возрожденія было то вниманіе, которое удѣлялось личности человѣка. Средніе вѣка видѣли задачу человѣческой жизни въ отказѣ отъ земныхъ удовольствій, отъ требованій „тѣла“: только отрeksiсь отъ нихъ, можно спасти душу.

Совсѣмъ иначе смотрѣла на задачу человѣка новая пора. Заимствуя у древнихъ грековъ и римлянъ ихъ пониманіе жизни, итальянскіе поэты 15-го вѣка заявляли, что жить слѣдуетъ уже для наслажденія тѣми красотами, которыя окружаютъ человѣка въ природѣ, тѣми радостями, которыя даютъ любовь и поклоненіе поэзіи. Внутреннія сокровища человѣческаго духа только теперь становились понятны людямъ, проникшимся ученіемъ „гуманизма“, *) и потому всюду, куда

*) Отъ латинскаго слова *homo*, человѣческій.

онъ ни проникать, зарождалась чудная поэзія. Такъ отъ дыханія животворящаго вѣтерка распускаются цвѣты на почвѣ, которая еще вчера казалась бесплодной.

Вліянія „гуманизма“ приходили въ Польшу и раньше, но со всей силой они устремились въ нее лишь тогда, когда вмѣстѣ съ королевой Боной въ Краковъ отправились и ея придворные. Королева привезла съ [собою новые вкусы, новыя требованія, и, угождая имъ, Сигизмундъ перестраиваетъ старый Краковскій замокъ, окружаетъ себя пѣвцами и поэтами, а шляхта соперничаетъ въ желаніи показаться пре-красной королевѣ не хуже итальянцевъ.

И самъ король былъ поклонникомъ новыхъ взглядовъ на жизнь. Вообще, это былъ человѣкъ чрезвычайно умный, осторожный и дальнзоркій. Только этими качествами можно объяснить его поведеніе по отношенію къ турецкому султану. Онъ отлично понималъ, что съ турками Польша должна ладить, и что европейскіе государи кричатъ о Крестовомъ походѣ противъ турокъ только для отвода глазъ, а на самомъ дѣлѣ преслѣдуютъ собственныя, совсѣмъ не возвышенныя цѣли. И вотъ на всѣ эти подговариванія Сигизмундъ отвѣчаетъ тѣмъ, что заключаетъ дружескій миръ съ турецкимъ султаномъ.

Значить, съ этой стороны Польша могла на нѣкоторое время успокоиться; бракъ Сигизмунда съ итальянской королевой, посватанной ему императоромъ, расположилъ въ его пользу и этого послѣдняго. Оставался еще одинъ сильный врагъ, московскій князь, который не переставалъ тревожить Литву ежегодными нападеніями; но полководцы Сигизмунда ихъ отбивали, и, наконецъ, князь прислалъ въ Польшу посольство съ предложеніемъ мира.

Такъ искусной и умной политикой Сигизмунду удалось доставить своему королевству покой, въ которомъ оно давно

уже нуждалось. Къ сожалѣнію, не на долго: политика, построенная на личныхъ отношеніяхъ, рушилась очень легко. Умеръ императоръ Максимилианъ, и опять польскому королю приходилось изворачиваться между союзниками и врагами. А въ казнѣ было пусто, и войска постоянного не было; значить, оставались слова и обѣщанія.

И такъ во все время царствованія Сигизмунда одинъ врагъ поднимался на Польшу за другимъ: то отказывался отъ повиновенія ему генераль нѣмецкихъ рыцарей, скинувшій съ себя монашескій плащъ и объявившій себя свѣтскимъ государемъ, то страшное пораженіе польскимъ войскамъ наносилъ турецкій султанъ, то задиралъ опять молдавскій господарь, или шель войною на Литву великій князь Московскій. Король метался во всѣ стороны, созывалъ шляхетскія ополченія, посылалъ своихъ пословъ, грозилъ или одаривалъ. Такъ, скрипя во всѣхъ своихъ частяхъ, медленно тащился по рывтинамъ и ухабамъ тяжелый рыдванъ польскаго королевства.

А внутри государства происходили такіе раздоры, что старый король рѣшилъ еще при жизни своей короновать сына, десятилѣтняго мальчика, такъ что въ Польшѣ было одновременно два короля, но правилъ только одинъ. Вторая жена Сигизмунда, итальянка Бона, была умная и даровитая женщина, но очень жадная на деньги. Пользуясь своимъ вліяніемъ на мужа, она продавала должности, и не только свѣтскія, но и духовныя; это было однимъ изъ источниковъ непрерывной вражды между знатными родами и королевой. Все какъ-то валилось изъ рукъ. Внутри государства шли раздоры, извнѣ грозили противники, которые все усиливались: возникла Пруссія, росла и мужала Москва. А король былъ ужъ очень старъ; подъ конецъ жизни онъ страшно растолстѣлъ, и, наконецъ, въ 1548 году умеръ отъ апоплексическаго удара.

Незадолго до его смерти Польша обогатилась молодымъ литературнымъ талантомъ. Это былъ поэтъ Рей, человекъ, выпешій изъ шляхетской среды и отлично отражающій ея вкусы и требованія. Посмотримъ же, какъ онъ рисуетъ себѣ привольную шляхетскую жизнь въ помѣстьѣ, гдѣ дворянинъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ, не уступающимъ, пожалуй, самому королю.

Какъ, напр., хорошо ему осенью. Вотъ онъ ѣдетъ съ гончими на охоту, выѣзжаетъ на поле, а тамъ перекликаются, словно флейты, дикіе фазаны, и охотникъ трубитъ и покрикиваетъ, преслѣдуя ихъ. А то выѣжитъ зайчикъ. Развѣ не наслажденіе погоняться за бѣднымъ звѣркомъ, — и какъ пріятно поймать его живымъ и принести домой. Какъ растеть послѣ такой охоты жизнерадостность, сколько прибавится доброй крови въ тѣлѣ, „и все здорово, все мило“, восклицаетъ пѣвецъ шляхетскихъ радостей.

„Приѣдешь домой голодный-преголодный, а тамъ ужъ все ждетъ тебя: на столѣ наставлены грибки, рыжики, наловлена птица. И это не малая исторія, и баринъ (панъ) иногда охотно засиживается дома. Выглянетъ на минутку, а въ усадьбѣ вынимаютъ медъ, или стригутъ овечекъ, или собираютъ фрукты, прячутъ, а иные сушатъ; рѣпку, капусту складываютъ въ погреба, укладываютъ, а кое-что и сушатъ, и такъ все это мило, все смѣется, всего вдоволь; остается только досмотрѣть, чтобы все было сдѣлано въ порядкѣ“.

„Придетъ зима. Малое-ли удовольствіе тому, у кого есть лѣса или уголья со всякимъ звѣремъ, поохотиться за нимъ, а если удастся убить, подарить пріятелю или сохранить для себя. Плохое-ли дѣло серночка или волчекъ, плохо-ли ихъ ловить капканомъ? Развѣ не весело поѣздить съ борзыми на охоту, разставить сѣть на тетерева или покрыть сѣткой куропатку? А поѣздивъ, поохотившись, вернуться домой; ком-

ната теплая, печка топится, хозяйка уже наготовила разныхъ кушаній, а въ великолѣпной чашѣ пива плаваютъ греночки, точно караси. Послѣ обѣда надо пройти на гумно, посмотрѣть, хорошо-ли трусятъ колось, правильно-ли кладутъ солону, старательно-ли прячутъ мякину. А такъ и вино, и мясо, и пиво зажиточный человѣкъ можетъ имѣть даромъ. А если еще Господь Богъ далъ дѣтокъ, то эти разбойники шалятъ, жена съ барышнямп пьетъ; онѣ между собой разговариваютъ, или кто-нибудь рассказываетъ. И чего тебѣ нужно еще? Чего тебѣ не достаетъ, чтобы чувствовать себя счастливымъ и честнымъ человѣкомъ?“

Такъ Рей описываетъ привольное и счастливое житье помѣщиковъ-дворянъ. Онъ нисколько не задумывается надъ вопросомъ, такъ-ли хорошо живется и крестьянамъ, которые доставляютъ пану возможность устроить себѣ изъ жизни сплошной праздникъ. Однако и легкомысленный шутникъ Рей иногда останавливается надъ вопросомъ, къ чему приведетъ Польшу весь этотъ разгулъ шляхты, и тогда изъ-подъ пера его выходятъ совсѣмъ другія мысли.

Такъ, въ одномъ стихотвореніи онъ восклицаетъ: „Что это съ нами дѣлается, что мы ни на что не обращаемъ должнаго вниманія? Мы могли бы быть страшны людямъ, а между тѣмъ боимся своей тѣни; знаемъ, что это произошло отъ плохихъ порядковъ, а какъ пособить, не знаемъ. Но вѣрь мнѣ, что можно назвать полоумнымъ того хозяина, который не тушитъ огня, пока онъ тлѣетъ, а начинаетъ заливать, когда ужъ разгорѣлся пожаръ“.

Еще серьезнѣе смотритъ на дѣло другой писатель, которому принадлежитъ почетное мѣсто въ польской литературѣ. Это Фричъ Моджевскій, написавшій замѣчательное сочиненіе объ „Исправленіи государства“. Онъ вѣрно понялъ, въ чемъ заключается большое мѣсто польскаго государственнаго

строю. Рей восхищается положеніемъ шляхтича, тѣмъ, что надъ нимъ, можно сказать, и закона не было; а Моджевскій справедливо указываетъ на опасность, которая грозитъ Польшѣ отъ этого неравенства сословій. Онъ прямо-таки совѣтуетъ уничтожить право помѣщика судить своего крестьянина и требуетъ учрежденія одинаковыхъ судовъ для всѣхъ. Это была прекрасная и справедливая мысль, но, къ сожалѣнію, она не встрѣтила сочувствія среди шляхты, которая отстаивала прежде всего свои права.

Мало было людей, которые хотѣли вывести государство изъ затрудненій, но много такихъ, которые легкомысліемъ или отсутствіемъ патріотизма причиняли ему новыя бѣды. Такимъ былъ, напр., умный и ловкій священникъ Ожеховскій.

На западѣ въ это время распространялось лютеранство. Оно нашло поклонниковъ и въ Польшѣ; самъ поэтъ Рей сильно клонился въ сторону новой религіи, да и вообще среди шляхты было не мало людей, очень ей сочувствовавшихъ. Отъ этого нелады еще возросли. Прежде хоть церковь соединяла въ одно цѣлое пеструю шляхту, а теперь не стало и этой сдержки. Понятно, что каждый воленъ вѣрить въ Бога такъ, какъ велитъ ему совѣсть. Но худо, если человѣкъ руководится при этомъ житейскими расчетами на выгоду. Тогда онъ все будетъ вихляться съ одной стороны на другую, а если онъ при томъ человѣкъ умный и вліятельный, то вредъ, который онъ принесетъ, будетъ очень великъ.

Такъ случилось и съ Ожеховскимъ. Онъ задумалъ жениться, а такъ какъ католическая церковь не позволяетъ своимъ священникамъ вступать въ бракъ, то онъ поступилъ противъ ея предписаній, а потомъ сталъ грозить переходомъ въ новую вѣру. Его интриги и хитрости были большимъ соблазномъ для простодушныхъ людей, которые прежде крѣпко держались родной вѣры.

Такъ, и во внутренней, и во внѣшней своей жизни Польша сильно страдала отъ неурядиць. Но то же переживали и сосѣднія государства, и это пока спасало Польшу. Во всякомъ случаѣ, она сравнилась съ ними своей культурой, а это было большимъ шагомъ впередъ.

Но международное положеніе Польши все-таки было не высокое. „Не будемъ удивляться, что нами пренебрегаютъ, что насъ презираютъ, что надъ нами смѣются, потому что большая часть кормчихъ нашего корабля спитъ, другіе не умѣютъ справиться съ рулемъ, а третьи не въ силахъ бороться съ противными вѣтрами“. Такъ восклицалъ незадолго до смерти Сигизмунда I одинъ изъ краковскихъ канониковъ.

При такихъ условіяхъ вступилъ на потрясенный польскій престолъ новый король, Сигизмундъ Августъ, умный и осторожный государь. По сравненію съ отцомъ, еще при жизни котораго онъ короновался, онъ производитъ впечатлѣніе чело-вѣка совсѣмъ другой эпохи, чѣмъ старый Сигизмундъ. Тотъ еще чело-вѣкъ среднихъ вѣковъ, хотя и интересующійся новыми вѣяніями, но тѣснѣе связанный съ эпохой Казимира и Ягайлы, чѣмъ съ ними. Совсѣмъ другое дѣло его сынъ. Мать его, итальянка Бона, привезла въ Польшу и приемы хитрой итальянской политики, и вкусы итальянскихъ принцессъ съ ихъ изнѣженной роскошью и, что гораздо важнѣе, съ ихъ новымъ пониманіемъ чело-вѣка.

И Сигизмундъ Августъ намъ гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ его отецъ. Онъ дитя тѣхъ стремленій и тѣхъ взглядовъ, которые, пожалуй, не отжили до нашихъ дней. Это обнаруживается уже въ его отношеніи къ женѣ. Гуманизмъ создалъ новое пониманіе любви, которое было чуждо среднимъ вѣкамъ, онъ очень высоко поставилъ женщину и обязанности мужчины по отношенію къ ней. Въ душѣ средневѣкового чело-вѣка глубоко таилось убѣжденіе, что женщина существо

низшее. Рыцарское уваженіе къ дамѣ отличалось всегда отвлеченнымъ, условнымъ характеромъ, и не было тѣсно связано съ постояннымъ, житейскимъ уваженіемъ мужа къ личности и правамъ жены.

Гуманизмъ создалъ это уваженіе, и король Сигизмундъ Августъ стоитъ на высотѣ его требованій. Еще до вступленія на престолъ послѣ смерти отца онъ женился тайно на княжнѣ Радзивилль. Вельможи короля чувствовали себя оскорбленными этимъ бракомъ, который давалъ одной дворянской семьѣ преимущества передъ другими. И вотъ на сеймахъ короля засыпаютъ грубыми упреками; вельможи довольно ясно указываютъ, что не согласятся признать его королемъ, если онъ не разведется съ Варварой; мать короля, Бона, интригуетъ противъ молодой королевы. Но все напрасно. Рѣшительно и сурово Сигизмундъ объявляетъ, что скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ отъ жены, съ которой его соединилъ Богъ, и вельможи уступаютъ, а мелкая шляхта встаетъ на сторону короля. Духовенство вынуждено короновать Варвару королевской короной, и сама старуха Бона присылаетъ пословъ съ поздравленіями и выраженіями готовности помириться.

Къ сожалѣнію, милая и кроткая королева жила недолго. У нея сдѣлалась страшная болѣзнь (вѣроятно, ракъ), которой тогдашніе врачи не могли понять, и она угасла на рукахъ мужа, который не отлучался отъ нея ни на минуту. По желанію Варвары, ее похоронили не въ Краковѣ, а въ Вильнѣ, и весь длинный путь между этими городами король проѣхалъ верхомъ вслѣдъ за гробомъ, а черную одежду онъ носилъ до самой своей смерти.

Новымъ человѣкомъ Сигизмундъ Августъ представляется и въ дѣлахъ вѣры. Польша переживала вмѣстѣ со всей Западной Европой періодъ сильнѣйшаго религіознаго броженія. Въ Швейцаріи возникла новая религіозная секта Кальвина,

въ Германіи крѣпко утвердилось лютеранство, въ Италіи Социнъ задумалъ воскресить арианскую ересь. Всѣ эти ученія проникли въ Польшу и здѣсь нашли отличную почву для своего распространенія.

Дѣло въ томъ, что и въ Польшѣ недовольство католическимъ духовенствомъ давно уже готовилось въ тиши. Съ прїѣздомъ Боны испорченность духовенства начала быстро расти: ея излюбленными средствами были подкупъ и хитрость, къ которымъ издавна прибѣгали итальянскіе политики. На эту удочку королева ловила себѣ приверженцевъ и среди польскаго духовенства и ими замѣщала епископскія кафедры.

При такомъ положеніи вещей нравы духовенства не могли не испортиться, а еще болѣе этому содѣйствовало то обстоятельство, что въ рукахъ его оказались громадныя богатства, тысячи деревень и имѣній. Римъ былъ далеко, власть духовнаго владыки католическаго міра, папы, давно уже утратила свою силу и обаяніе, а въ Польшѣ, гдѣ свободолюбивая шляхта добилась чуть не полной независимости отъ всякой свѣтской и духовной власти, наступило безначаліе и въ жизни церкви.

Одинъ изъ современниковъ этой эпохи писалъ, что „безсиліе духовенства дошло до того, что теперь братья безнаказанно женятся на сестрахъ, дяди на племянницахъ и т. п.; есть и такіе, что имѣютъ по двѣ жены или вступаютъ въ бракъ съ чужими женами“. Нѣкоторые по нѣскольку разъ переходили изъ одной вѣры въ другую, въ зависимости отъ того, какъ имъ было выгодно въ настоящую минуту. Дѣвушки изъ хорошихъ семей безъ колебанія выходили замужъ за ксендзовъ, нарушавшихъ обѣтъ безбрачія. Приходы раздавались нерѣдко, въ видѣ доходной статьи, несовершеннолѣтнимъ или даже дѣтямъ, родители которыхъ нанимали отъ себя для

совершенія таинствъ и обрядовъ какого-нибудь бѣднаго и невѣжественнаго священника.

Не въ лучшемъ состояніи находилось и высшее духовенство. Епископы жили по своимъ помѣстьямъ, хозяйничали, а доходы отдавали не церкви, а собственной роднѣ; священныя книгъ у нихъ не было, а обряды они совершали такъ небрежно и неумѣло, точно въ первый разъ отправляли богослуженіе. Такъ жалуется на духовенство одинъ изъ официальныхъ документовъ 1554 года.

Изъ всего этого вытекала необходимость привести прежде всего въ порядокъ церковныя дѣла. Король Сигизмундъ Августъ, сговорившись на сеймѣ 1555 года со шляхтой и вельможами, отправилъ въ Римъ посольство, которое должно было просить у папы согласіе на слѣдующія важнѣйшія реформы: 1) богослуженіе на польскомъ языкѣ, 2) причастіе тѣломъ и кровію Христовыми, 3) разрѣшеніе священникамъ жениться и 4) созывъ всенароднаго собора для устройства дѣлъ церкви.

Эти реформы должны были сблизить католическое вѣроисповѣданіе съ православнымъ, и уже потому Римъ никакъ не могъ бы пойти на нихъ. Естественнымъ образомъ, папа увидѣлъ въ самомъ стремленіи къ нимъ бунтъ и рѣшилъ бороться противъ него.

На этотъ разъ папа отправилъ въ Польшу грубаго и жестокаго кардинала, который славился своей враждой ко всякимъ еретикамъ. Однако, въ Польшѣ сознаніе своей независимости отъ церкви было такъ развито у шляхты, что кардиналъ уѣхалъ, ничего не добившись, а только вызвавъ страшное ожесточеніе противъ себя. „Вотъ исчадіе змѣиное!“ кричали дворяне, увидя на сеймѣ ненавистнаго кардинала. Такъ папѣ и пришлось вернуть его въ Римъ, и подумать о другихъ средствахъ борьбы. О нихъ мы скажемъ немного ниже.

Между тѣмъ въ Польшѣ готовились очень важныя событія, которыя въ значительной степени отразились на дальнѣйшемъ развитіи какъ Польши, такъ и Россіи. Завязывалась борьба изъ-за Балтійскаго моря. Раньше между двумя славянскими государствами была одна спорная земля, русскія земли, входившія въ составъ Литовскаго княжества. На нихъ изъясняли справедливыя притязанія и московскіе государи, которые со времени Ивана Грознаго стали называть себя уже не великими князьями, а царями. Титуль *царь* значить совершенно то же, что *императоръ*, и такимъ образомъ Московскій царь признавалъ себя равнымъ свѣтскому главѣ католическаго міра, императору Римской имперіи. А это указывало, какую силу чувствовалъ у себя новый царь.

И вотъ теперь возникало новое яблоко раздора. Имъ послужило побережье Балтійскаго моря, заселенное латышами и эстонцами и занятое нѣмецкими рыцарями, которые съ крайнею жестокостію поработили туземцевъ. Когда Нѣмецкій орденъ, на поморскихъ земляхъ, сталъ терять свое политическое значеніе, то прибалтійскіе рыцари оказались вынуждены отдаться покровительству одного изъ своихъ сильныхъ сосѣдей, т.-е. Польши или Москвы. Они предпочли первое, и такъ между Польшей и Россіей должна была начаться новая война.

Благодаря этому, Польша приобрѣла очень значительныя земли, черезъ которыя направлялась вся торговля изъ Восточной Европы въ Германію и Англію, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей пришлось начать войну съ Иваномъ Грознымъ, которая тянулась девять лѣтъ и кончилась, собственно, ничѣмъ. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ тогда находилась Польша, самыя побѣды падали тяжелымъ бременемъ на разоренное государство, которое постоянно должно было опасаться и другихъ своихъ враговъ, Австріи, Пруссіи, Турціи, Молдавіи.

Поэтому, Сигизмундъ Августъ давно уже задумалъ внести нѣкоторыя важныя преобразованія въ строй своего государства. Несмотря на всѣ помѣхи, онъ добился своей цѣли. Одинъ отъ современниковъ этого умнаго государя увѣряетъ, что онъ поразительно хорошо управлялъ своимъ народомъ, отлично зналъ обо всемъ, что дѣлается въ государствѣ. Пользуясь этимъ своимъ знакомствомъ съ правящими классами народа, Сигизмундъ Августъ рѣшилъ перемѣнить политику: до сихъ поръ онъ опирался на вельможъ, а теперь сталъ прибѣгать, прежде всего, къ содѣйствию мелкаго дворянства, шляхты.

Съ помощью ея королю удалось отобрать въ казну имѣнія, принадлежавшія государству, но захваченныя вельможами и духовенствомъ. Эта мѣра сразу дала государству большія суммы денегъ. Но оставалось еще объединить двѣ части государства, Корону (какъ называлась Польша) и Литву. До того времени онѣ имѣли разные сенаты, разные сеймы; наконецъ, и самое ихъ отношеніе къ династіи было различное: потомки Ягайлы считались прямыми владѣльцами Литвы, гдѣ и бояре иначе смотрѣли на короля, чѣмъ польская шляхта.

Между тѣмъ долго оставаться такъ не могло. Сигизмундъ Августъ былъ бездѣтенъ. Новый бракъ съ австрійской принцессой, сестрой первой его жены, оказался опять-таки неудачнымъ: король умеръ бездѣтнымъ.

Естественно было поэтому, что, умирая безъ прямыхъ наслѣдниковъ, заканчивая собой династію Ягеллоновъ, король хотѣлъ передать государство своимъ преемникамъ крѣпкимъ и объединеннымъ. Этого требовали и новыя земельныя приобрѣтенія, такъ назыв. Инфлянты, т.-е. восточное побережье Балтійскаго моря, Рига и къ ней прилегающія земли. Онѣ были присоединены, собственно, къ Литвѣ, тогда какъ король

давно уже чувствовалъ себя государемъ, прежде всего польскимъ.

Сигизмундъ Августъ подготовлялъ въ продолженіе десяти лѣтъ окончательное соединеніе Литвы съ Польшей, которое было завершено на сеймѣ въ Люблинѣ въ 1569 году. Литовскіе вельможи были противъ этого соединенія; они чувствовали больше влеченія къ православной Москвѣ, и не будь Иванъ Грозный страшнымъ для своихъ подданныхъ, Литва склонилась бы, можетъ быть, къ соединенію съ Россіей. Болѣе того: въ самой Польшѣ была сильная партія, желавшая поставить московскаго царя польскимъ королемъ послѣ смерти Сигизмунда Августа. Литовцы боялись, что съ окончательнымъ соединеніемъ ихъ родины съ Польшей, они утратятъ свою народную культуру, что поляки нахлынутъ въ Литву и составятъ здѣсь вліятельный классъ богатой и свободной шляхты. Все это и случилось въ дѣйствительности.

Для того, чтобы не допустить до Уніи, послы Литвы уѣхали изъ Люблина, но тогда король своей властью великаго князя Литовскаго присоединилъ Волынь, Украину и Полѣсье къ Коронѣ. Увидя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, литовцы вернулись въ Люблинъ и согласились подписать Унію. По этому документу, „Польская Корона и Великое Княжество Литовское составляютъ одно нераздѣльное и неразлучимое тѣло; такъ же не разная, а одна Республика *), которая спаялась и связалась изъ двухъ государствъ въ одинъ народъ“.

Три года спустя, король скончался, завѣщая недавно соединившимся частямъ отнынѣ единого государства „любовь и единство“. „А который изъ этихъ двухъ народовъ“, пишетъ

*) Польша называлась Рѣчью Посполитой или Республикой (т. е. Общее дѣло).

король, „принявши отъ насъ съ благодарностью унію, будетъ крѣпко держаться ея, тому мы даемъ благословеніе“. А тѣмъ, кто станеть стремиться къ разрыву заключенной связи, король грозилъ проклятіемъ и Божьимъ гнѣвомъ.

Такъ, при Сигизмундѣ Августѣ предѣлы Рѣчи Посполитой расширились: она подходила на сѣверъ почти къ самому Финскому заливу, а на югѣ ея границы едва не касались Чернаго моря. Вся Бѣлоруссія, половина Малороссіи, Литва, Эстонія и Латыши, а также Брандербургъ входили въ составъ этого обширнаго государства, которое могло бы быть очень богато и сильно, если бы не недостатки въ его внутреннемъ строѣ.

Польша нуждалась въ сильной государственной власти, которая могла бы подчинить мощной рукой интересамъ государства противорѣчивые и мелкіе интересы двухъ главныхъ сословій, вельможъ (магнатовъ) и простой шляхты. Но, къ сожалѣнію, этого не было: только имѣя преданность себѣ въ сенатѣ, совѣтѣ вельможъ, и на сеймахъ, сѣздахъ шляхты, король могъ съ грѣхомъ пополамъ проводить самыя необходимыя дѣла. Но сколько при этомъ приходилось тратить энергіи на пустяки, сколько нужно было хитрости, уговоровъ, борьбы.

А между тѣмъ становилось все болѣе ясно, что дворянство хлопочетъ только о себѣ, и что дѣйствительныя нужды государства не найдутъ у него отклика. Достаточно сказать, что оно собственными руками разбило источникъ, изъ котораго Польша, вѣчно нуждавшаяся въ деньгахъ, получала свои главныя средства. Именно, на сеймѣ 1565 года выработано запрещеніе вывозить товары за границу; впрочемъ, это не позволялось только польскимъ купцамъ, а купцы иностранные и шляхта могли, сколько угодно, вывозить товары изъ глубины Польши. Не довольствуясь этой мѣрой, сеймъ отдалъ города въ управленіе вельможамъ — старостамъ.

Послѣдствіемъ этихъ неразумныхъ мѣръ былъ совершенный упадокъ торговли въ Польшѣ. Города запустѣли, обѣднѣли, городское сословіе потеряло прежнюю независимость и охоту къ развитію промышленности и торговли. А между тѣмъ, именно отъ него Польша могла ждать для себя пользы.

Дѣло въ томъ, что молодое дворянство, нѣкогда наполнявшее Краковскій университетъ, облѣнилось и предпочитало сидѣть не за скучными лекціями магистровъ (учителей), а за кубками съ душистымъ венгерскимъ виномъ, за столами богатыхъ пановъ. Установился обычай, что шляхетская молодежь съѣзжалась ко дворамъ магнатовъ и здѣсь пріобрѣтала свѣтскій лоскъ, охоту къ политикѣ, привычку покричать изъ-за какого-нибудь пустого вопроса. Это развивало извѣстную несерьезность въ важныхъ дѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянскую спѣсь и болтливость. Еще хуже было то, что обѣдная шляхта пріучалась тереться около богачей, прислуживаться къ нимъ, продавать свой голосъ на сеймѣ за подарокъ, расположеніе, улыбку магната.

Тѣ, кто былъ побогаче и развитѣе, стремились за границу, въ какой-нибудь нѣмецкій или итальянскій университетъ или въ Парижъ. Здѣсь польская молодежь пріобрѣтала и новѣйшія направленія мысли, и самые современные вкусы въ искусствѣ и литературѣ. Это послѣднее было, конечно, очень полезно для Польши: благодаря наплыву европейскихъ поэтовъ въ Краковъ и постояннымъ связямъ съ Западной Европой, Польша заняла почетное мѣсто среди другихъ католическихъ государствъ и гораздо раньше Россіи пріобщилась къ западноевропейской культурѣ. А эта послѣдняя оказалась культурой общечеловѣческой. Лишь два славянскіе народа, польскій и чешскій, стояли тогда на уровнѣ европейскихъ народовъ, тогда какъ сербы и болгары томилась подъ игомъ турокъ, а Россія была занята своимъ осо-

бымъ, важнымъ дѣломъ,—преобразованиемъ стараго государства въ новое.

Впречемъ, это можно сказать про Польшу лишь съ известнымъ ограниченіемъ: въ чешскомъ народѣ къ культурному движенію приобщались все классы народа, въ польскомъ только самый верхній, а простой народъ оставался въ полномъ пренебреженіи; никто не заботился объ его правахъ, никто не думалъ и о поднятіи знаній въ народной массѣ. Краковскій университетъ, который еще въ 15 вѣкѣ былъ главнымъ разсадникомъ знаній въ Польшѣ, совсѣмъ опустился: богатая шляхта ѣздила учиться не въ Краковъ, а въ Парижъ, Германію или Италію, откуда привозила и новые вкусы, и новыя направленія, въ разработкѣ наукъ. Между тѣмъ къ своему родному университету она относилась съ полнымъ пренебреженіемъ: немудрено, что учителя въ немъ были плохи, а среди студентовъ преобладали „плебеи“, какъ выражались тогда, т. е. дѣти мѣщанъ. Иначе не могло и быть при тѣхъ мизерныхъ суммахъ, которыя отпускались на университетъ.

Одинъ изъ профессоровъ этого послѣдняго обратился на сеймъ 1563 года съ просьбой объ увеличеніи жалованья профессорамъ. „Обративъ вниманіе на наше скудное вознагражденіе“, говоритъ онъ: „вы бы должны были, скорѣе, удивляться, что между нами еще находятся люди, которые могутъ сносно преподавать хотя бы начатки наукъ. Назначьте намъ такое-же жалованіе, какое получаютъ профессора иностранныхъ университетовъ. Вы же требуете отъ насъ такихъ же знаній, а не хотите подуматъ о лучшемъ вознагражденіи насъ; болѣе того: вы отнимаете отъ насъ и то, что было назначено вашими предками, лишаете насъ всякаго почета, а празднымъ людямъ не отказываете ни въ чемъ“. Однако и этотъ сеймъ не далъ денегъ на университетъ.

Тѣмъ не менѣе, польская литература дѣлаетъ громадныя успѣхи именно въ 16 вѣкѣ. Рей былъ только родоначальникомъ новой польской поэзіи, судьба дала ему возможность отмѣтить восходъ новой блестящей звѣзды, Кохановскаго, привѣтствовать его и оставить ему поэтическое завѣщаніе:

„Его я въ наукѣ верхъ признаю,
Пѣснь музы славянской ему отдаю.“

Дѣйствительно, Кохановскій былъ однимъ изъ тѣхъ первоклассныхъ поэтовъ, которые создаютъ литературный языкъ народовъ. Какъ у насъ послѣ Пушкина, русская поэзія не могла уже возвратиться къ наивной или высокопарной поэзіи Державина или Ломоносова, такъ и Кохановскій своими изящными стихами, стоявшими и по содержанію на высотѣ тогдашнихъ требованій передовыхъ литературъ, сдѣлалъ невозможнымъ возвратъ къ простодушнымъ шуткамъ, грубоватымъ совѣтамъ и простымъ взглядамъ Рея.

Кохановскій былъ сыномъ небогатаго шляхтича, выросъ въ обстановкѣ помѣщичьяго быта, воспѣтаго Реемъ, потомъ поѣхалъ учиться за границу; въ Парижѣ онъ проникся современными воззрѣніями на поэзію личнаго чувства. Вернувшись на родину, поэтъ повелъ тихую жизнь шляхтича: онъ хозяйничалъ въ своей деревенькѣ, ѣздилъ по временамъ къ знатымъ знакомымъ, гостилъ порою и при королевскомъ дворцѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истинный поэтъ, онъ отзывался своими стихами и на всѣ крупныя событія, происходившія въ жизни государства, оплакивалъ и свои собственныя бѣды, радовался красотѣ природы и т. п. Послѣ этого множество другихъ польскихъ поэтовъ говорило о тѣхъ же чувствахъ, описывало тѣ же картины природы, что и Кохановскій, но, именно, онъ проложилъ имъ дорогу. Какой новостью должно было казаться, хотя бы такое описаніе весны:

Янъ Кохановскій.

„Сердце какъ-то растеть, когда смотришь на такую картину: еще недавно лѣса стояли голые, снѣгъ выше аршина покрывалъ луга, а по рѣкѣ могъ проѣхать самый тяжелый возъ. Теперь деревья одѣлись листьями, прекрасно зацвѣли полевые луга, ледъ прошель, и по чистой водѣ идутъ суда и плаваютъ тесанья лодки. Теперь, по истинѣ, весь свѣтъ смѣется; встали хлѣба, вѣетъ западный вѣтеръ; птицы устраиваютъ себѣ гнѣзда, а завтра начинаютъ уже пѣть. Но настоящая радость можетъ быть только тогда, когда у человѣка чистая совѣсть, и онъ не чувствуетъ у себя на душѣ никакого порока, котораго ему слѣдовало бы стыдиться. Такому человѣку не нужно подливать вина, или играть на лютнѣ, или пѣть; онъ и такъ веселъ, съ кружкой воды, потому что онъ чувствуетъ себя дѣйствительно свободнымъ. Но тому, кого грызеть червякъ совѣсти, не будетъ вкусенъ самый обильный обѣдъ; не развеселитъ его никакая пѣсня, никакой голосъ, все разнесется по вѣтру мимо его ушей. Хорошая мысль, которой не заманишь ничѣмъ: хоть шелкомъ обей свои стѣны, добрая мысль, не пренебрегай моимъ шалашемъ и будь со мной всегда!“

Это стихотвореніе Кохановскаго очень напоминаетъ своимъ тономъ оды римскаго поэта Горація; да и въ другихъ своихъ произведеніяхъ польскій поэтъ подражаетъ римской и греческой литературамъ, идеалами которыхъ онъ до того проникся, что сталъ какъ бы продолжателемъ Горація или Овидія на польской почвѣ, среди вишневыхъ садиковъ польской деревеньки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кохановскій набожный христианинъ, часто обращается къ Богу, и твердо хранить преданія родной церкви и своего сословія.

Одновременно съ этимъ поэтомъ, стремившимся пересадить въ польскую литературу изящныя формы и мысли классической поэзіи, работалъ другой писатель, Гурницкій. Онъ

задумалъ привить польской шляхтѣ идеалы западно-европейскаго, особенно итальянскаго дворянина, и для этой цѣли перевелъ и передѣлалъ сочиненіе одного итальянца. Вотъ какъ онъ понимаетъ этотъ идеаль дворянина.

Прежде всего, онъ долженъ быть благороднымъ и честнымъ шляхтичемъ, потому что не такъ постыдно, когда неблагородно поступаетъ простой человѣкъ, а не дворянинъ. Шляхтичь, сходя со стези добродѣтели, оставляетъ пятно на всемъ своемъ родѣ. Гурницкій сравниваетъ шляхетское достоинство съ факеломъ, который ярко освѣщаетъ добрые и злые поступки людей, и побуждаетъ, поджигаетъ къ добродѣтели, какъ страхомъ безславія, такъ и надеждой на честь и славу. „А такъ какъ этотъ факель не освѣщаетъ поступковъ людей низкаго происхожденія (подлыхъ), то они и не имѣютъ ни побужденія къ добродѣтели, ни страха безславія“.

Такимъ образомъ, и для Гурницкаго настоящіе люди, собственно говоря, только дворяне: они лишь должны стремиться къ славѣ и чести, они лишь имѣютъ право участвовать въ разрѣшеніи судебъ родины.

Между тѣмъ дѣйствительность была очень далека отъ идеаловъ поэта. Въмѣсто того, чтобы подавать примѣръ безкорыстія и благородства, шляхта позорила свое сословіе самымъ грубымъ эгоизмомъ и жадностью. Дошло до того, что, когда Сигизмундъ Августъ умеръ, его приближенные поспѣшили разворовать всѣ его сокровища: тѣло короля, который славился своими богатствами, нечѣмъ было украсить, и его врачъ, устыдившись за короля, возложилъ на его шею золотую цѣпь, которую онъ снялъ съ себя.

Умеръ король, и снова поднялся вопросъ о престолонаслѣдіи.

Давно Польша не переживала такой смуты, какая наступила теперь. Въдъ прежде во главѣ народа становилось въ

случаѣ безкоролья сословіе вельможъ, которое и вершило дѣло, считаясь прежде всего со своими интересами. Теперь рядомъ съ нимъ стояло другое враждебное ему сословіе, шляхта, и дѣло еще усложнилось тѣмъ, что шляхтичь терпѣлъ надъ собой власть короля; но когда короля не было, отказывался признавать какую бы то ни было власть. И вотъ Польша опять разбилась на Малую и Великую, и шляхта изъ каждой части сѣвѣжалась особо, какъ будто не сознавая единства государства, созданнаго Ягеллонами. Беспорядки, всяческой произволъ, взаимная вражда достигли такихъ размѣровъ, что, наконецъ, стала для всѣхъ ясна необходимость организовать какую-нибудь власть до времени избранія короля. Такой властью могъ быть лишь сеймъ, составленный изъ представителей всѣхъ частей Польши: его рѣшенія должны были принять значеніе, обязующее всѣхъ жителей Польши.

Между тѣмъ, разные иностранные принцы выступали претендентами на польскій престолъ. Прежде всего, задумала увеличить свои владѣнія династія Габсбурговъ, сидѣвшая на императорскомъ тронѣ. Она искусно присоединила къ своимъ родовымъ землямъ и Чехію, и Венгрію. Искусными интригами послы Габсбурговъ сумѣли привлечь на свою сторону литовскихъ вельможъ, и теперь они могли рассчитывать, что за ихъ кандидата будетъ голосовать вся литовская шляхта. Въ самой же Польшѣ къ нимъ относилось сочувственно духовенство, а это была очень большая сила въ ту пору.

Нѣтъ сомнѣнія, что, выбравъ нѣмецкаго принца на польскій престолъ, шляхта сдѣлала бы большой промахъ: нѣмцы, исконные враги славянства, воспользовались бы только лишь этимъ случаемъ для онѣмеченія польскаго народа. Но въ этомъ послѣднемъ пробудился здоровый инстинктъ самосохраненія: шляхта видѣла, какъ австрійцы преслѣдуютъ маленькій голландскій народъ за то, что онъ отказался отъ

католической вѣры, да и вообще мало довѣряла Габсбургамъ. Что ни дѣлали ихъ послы, „гласъ народа“ былъ рѣшительно противъ нихъ, и въ скоромъ времени австрійская династія потеряла всякую надежду увидать одного изъ своихъ на польскомъ престолѣ.

Теперь выступилъ другой претендентъ, выдвинутый Литвой. Это былъ московскій царь Иванъ Грозный. Литовская шляхта надѣялась выборомъ его сына въ польскіе короли обезпечить свою землю отъ нападеній русскихъ войскъ, а въ Польшѣ вспоминали времена Ягайлы и были увѣрены, что московскій царевичъ, сдѣлавшись польскимъ королемъ, такъ же измѣнится, какъ измѣнился литовскій князь-язычникъ. Но за избраніе старшаго сына Грознаго, царевича Ивана, Польша требовала уступки ей Смоленска, Пскова и Новгорода. Кое-кто, восхищенный могуществомъ Московскаго царя, предлагалъ выбрать не кого иного, какъ самого Грознаго: „онъ-де сердцемъ великъ и ведетъ войну съ большимъ достаткомъ“. Но и эта кандидатура разбилась: очень жестокъ былъ Иванъ, да и поняла шляхта, что московское государство въ своемъ стремленіи къ морю пріобрѣтетъ только новый поводъ отгиснуть Польшу отъ береговъ его.

Но въ это время появляется третій претендентъ, сынъ французской королевы, принцъ Генрихъ. Умная и коварная королева, Екатерина Медичи, которая незадолго до того устроила въ Парижѣ рѣзню гугенотовъ, знаменитую Варееоломеевскую ночь, отправила въ Польшу чрезвычайно ловкаго человѣка; онъ прибѣгъ къ самому сильному средству, какое имѣлось въ то время, т. е. къ подкупу, и не пожалѣлъ большихъ денегъ, чтобы привлечь на свою сторону вліятельныхъ людей. Когда рѣчь заходила о Варееоломеевской ночи, онъ давалъ объясненіе, соотвѣтствующее тому, съ кѣмъ бесѣдовалъ: католикамъ онъ давалъ понять, что въ

рѣзнѣ замѣшано и правительство, а протестантовъ увѣрялъ, что такое возмутительное дѣло, какъ рѣзня иновѣрцевъ, была произведена чернью, ненавидящею гугенотовъ, не смотря на всю терпимость правительства.

Благодаря всему этому, выборъ Генриха Валуа былъ обезпеченъ. Онъ долженъ былъ произойти въ Варшавѣ, которая за послѣднія десятилѣтія начала превращаться изъ маленькаго поселка въ большой городъ, а въ 1573 году украсилась мостомъ черезъ Вислу.

На поляхъ около Варшавы и въ самой Варшавѣ расположились, кто какъ могъ, пріѣхавшіе избиратели. Ихъ было до сорока тысячъ человѣкъ, а со слугами свыше ста тысячъ; разумѣется, маленькій городокъ не могъ вмѣстить всѣхъ нуждавшихся въ кровѣ, и значительной части ихъ пришлось искать пріюта въ окрестныхъ деревняхъ или даже стать лагеремъ, въ палаткахъ. Среди шляхты было много бѣдныхъ людей, которые скоро начали нуждаться. Послы принялись за работу, но усилія австрійскаго посла не имѣли уснѣха, его скучныхъ доказательствъ не хотѣли и слушать.

Иначе повелъ дѣло хитрый французскій дипломатъ. Онъ сумѣлъ повліять на тщеславіе шляхты, постоянно сравнивая ее съ французскимъ дворянствомъ, вельможъ онъ склонилъ на свою сторону обѣщаніями и подарками. Но все-таки за нимъ пошла лишь часть избирателей: другіе хотѣли выбрать потомка Пястовъ; нѣкоторые стояли за Габсбурга. Во всякомъ случаѣ, было рѣшено такъ урѣзать на будущее время власть короля, чтобы даже неудачный выборъ не могъ отразиться на вольностяхъ шляхты.

Для этого были выработаны новыя условія, принять которыя обязывался будущій король. Эти условія окончательно вводили въ Польшу періодъ смуть и анархіи, и историки ея признають, что разложеніе польскаго государства очень

быстро пошло именно съ этой поры. По этимъ „артикуламъ“, какъ ихъ называли тогда, король уже не передавалъ свою власть по наслѣдству сыновьямъ, а каждый разъ избирался заново; жениться или разводиться онъ имѣлъ право только съ согласія сенаторовъ. Чтобы помѣшать королю затѣвать войны, было постановлено, что онъ не можетъ выводить ополченіе за предѣлы государства иначе, какъ съ разрѣшенія шляхты, и то не больше, чѣмъ на три мѣсяца. Наконецъ, это было самымъ опаснымъ, при королѣ состоялъ совѣтъ изъ сенаторовъ, которыхъ выбиралъ сеймъ на два года. На обязанности этого совѣта лежалъ надзоръ за дѣйствіями короля. Оказалось, такимъ образомъ, что Польша превратилась въ республику, въ которой однако рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ составляло право немногихъ, самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей. Однимъ словомъ, въ Польшѣ водворилась самая вредная форма правленія, *олигархія* *).

Въ своей слѣпотѣ шляхта была въ такомъ восторгѣ отъ „артикуловъ“, что въ смѣломъ указаніи на весь ихъ вредъ для государства она видѣла настоящее преступленіе, и когда одинъ изъ патріотовъ рѣшился разъяснить народу, къ чему приведутъ артикулы, то издатель его статьи былъ привлеченъ къ суду.

Покончивъ съ вопросомъ объ ограниченіи высшей власти, шляхта спѣшила приступить къ самымъ выборамъ короля. Она торопилась съ этимъ дѣломъ и потому, что издержалась, хотя самымъ бѣднымъ „давали ѣсть изъ епископскихъ и господскихъ кухонь“, и потому, что французскій посоль не щадила обѣщаній, если выберутъ въ короли принца Генриха Валуа.

Его льстивыя рѣчи до такой степени ослѣпили мазовец-

*) «Власть немногихъ» въ буквальномъ переводѣ этого греческаго слова.

кую шляхту, которая въ политическомъ воспитаніи была совершеннымъ младенцемъ, что она готова была употребить насиліе противъ всѣхъ несогласныхъ съ нею. И, дѣйствительно, въ сенатъ, гдѣ происходили выборы, ворвались мазовецкіе шляхтичи и грозили, что они выберутъ короля и безъ сената, если онъ будетъ медлить. Страсти разгорѣлись до того, что враждующія партіи зарядили пушки и готовы были начать междуусобную войну. Наконецъ, состоялось примиреніе, Генрихъ былъ выбранъ. „Послѣ этого поле огласилось шумомъ, бряцаньемъ, звуками бубновъ и трубъ, пушечными выстрѣлами, и это продолжалось около часу. А затѣмъ всѣ вскочили на коней и помчались въ городъ; здѣсь они вошли въ костель св. Яна и пѣли *Te laudamus* *). Такъ рассказываетъ современный историкъ о выборахъ шляхты, гордившейся избраніемъ французскаго королевича и ожидавшей отъ него особаго блеска и славы.

Но ожиданія эти были совершенно легкомысленны. Ничто не заставляло надѣяться, что веселый принцъ, извѣстный своими похождениями въ Парижѣ, вдругъ перемѣнится и займется судьбами своей новой родины, о дѣлахъ которой онъ не имѣлъ никакого понятія. Случилось то, чего и надо было ожидать. Генрихъ велъ себя совсѣмъ не прилично, разгуливалъ по ночамъ съ пьяной компаніей по Кракову, дѣлами не занимался, видимо поддерживалъ одну изъ партій и прикрывалъ ея преступленія. Завершилось дѣло крупнымъ скандаломъ: въ темную осеннюю ночь король бѣжалъ изъ Польши, пробывъ въ ней менѣе года.

Опять выступилъ кандидатомъ императоръ Максимилианъ, опять находились приверженцы какого-нибудь Пяста, поклонники Ивана Грознаго, находившіе, что его царствованіе по своей

*) «Тебе, Бога, хвалимъ».

жестокости не превосходить того, что дѣлалось въ иныхъ европейскихъ государствахъ, наконецъ, сторонники французскаго короля. Впрочемъ, противъ нихъ было такое озлобленіе въ народѣ, что, когда на сеймикѣ они заикнулись было о Генрихѣ, ихъ едва не изрубили. Были и другіе кандидаты: напр., герцогъ Седмиградія (въ юго-восточной части Венгріи), Стефанъ Баторій, о которомъ сначала не хотѣли и слышать.

Однако вышло такъ, что именно его выбрали въ короли. Въ совѣщаніяхъ большихъ массъ народа очень трудно предвидѣть исходъ: случается, что какія-нибудь побочныя обстоятельства заставляютъ толпу принять рѣшеніе, котораго никто не предвидѣлъ. Эти обстоятельства оказались и здѣсь. Прежде всего, стало ясно, что долго медлить съ выборомъ короля невозможно: вѣдь Польшу окружали со всѣхъ сторонъ враги, и какъ разъ въ то время, какъ шляхта совѣщалась, дѣлилась на партіи и спорила, татары сдѣлали опустошительный набѣгъ на Подолію, увели въ плѣнъ 55,000 человекъ и захватили сотни тысячъ головъ скота.

Надо было наконецъ выбрать главу государства. Вельможи очень хлопотали за императорскаго сына, Эрнеста, и не видя въ шляхетской массѣ сочувствія къ этому кандидату, рѣшили было идти на проломъ. Неожиданно для большинства одинъ изъ сановниковъ провозгласилъ польскимъ королемъ императора Максимилиана II; въ знакъ торжества забили въ колокола, стали стрѣлять изъ пушекъ и служить молебны. Однако торжествовать было еще рано: шляхта страшно возмутилась, узнавъ о самовольномъ поступкѣ сенаторовъ, и готова была вступить съ ними въ рукопашный бой. Сенаторы испугались и готовы были идти на уступки. Тогда одинъ изъ нихъ предложилъ выбрать Баторія, котораго почти никто не зналъ, и къ которому, поэтому, почти всѣ относились одинаково. Извѣстно было только, что для владѣтеля

мелкаго герцогства выборъ на польскій престолъ будетъ большою честью и радостью. Шляхта охотно присоединилась къ этому проекту, согласилась выбрать Баторія, но съ условіемъ, что онъ женится на сестрѣ послѣдняго Ягеллона, 52-лѣтней Аннѣ. Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что этотъ бракъ принесетъ Польшѣ столько же счастья, сколько ей далъ бракъ Ядвиги съ Ягайло.

Баторій поспѣшилъ пріѣхать въ Польшу. Онъ заявилъ, что готовъ отдать ей все, что „у него есть самаго дорогаго и важнаго послѣ Бога: имѣніе, кровь и жизнь.“ Слова этого умнаго и энергичнаго князя были не пустой фразой: дѣйствительно, за тѣ десять лѣтъ, что онъ царствовалъ въ Польшѣ, онъ пожертвовалъ ей много труда и принесъ много пользы. А дѣла съ самаго начала предстояло много.

Прежде всего, Литва не хотѣла признавать Баторія своимъ королемъ, ссылаясь на то, что при выборѣ его не были соблюдены извѣстныя условія. Въ сущности, причины ея недоброжелательства лежали глубже и крылись въ проискахъ Ивана Грознаго: этотъ послѣдній уговаривалъ литовскихъ вельможъ устроить присоединеніе Литвы къ Московскому царству и обѣщалъ дать ей тѣ же права самостоятельнаго государства, какія она имѣла при Ягайлѣ. Однако, съ ними Баторій справился безъ особеннаго труда; онъ сумѣлъ обворожить главныхъ литовскихъ вельможъ, Глѣбовича и Ходкевича. Вотъ какъ первый изъ нихъ пишетъ о своей встрѣчѣ съ королемъ: „Въ совѣтѣ онъ мнѣ не слишкомъ понравился, но въ разговорѣ онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что, мнѣ кажется, я уже давно не говорилъ съ человѣкомъ болѣе умнымъ“.

Большаго труда стоило покорить другого врага, богатый торговый городъ Гданскъ (Данцигъ), который не хотѣлъ признать Баторія и, повидимому, стремился къ полной само-

стоятельности. Данцигскіе мѣщане были очень богаты, привыкли ссужать польскимъ королямъ деньги и смотрѣть на нихъ нѣсколько свысока. Къ тому же ихъ городъ представлялъ собою прекрасную крѣпость. Поэтому, они рѣшительно отказались признать короля Стефана, а въ отвѣтъ на его угрозы ограбили сосѣдній монастырь, наняли много войска и заперлись въ крѣпости. Почти два года Баторій воевалъ съ этимъ городомъ, постоянно разыскивая средствъ на войско. Однажды, на сеймѣ, у него вырвались даже злые слова: „Плохо же вы охраняете вашу свободу, я свою свободу то же буду охранять. Не желаю быть королемъ только на показъ и не позволю никому водить себя за носъ“. Эти слова показали шляхтѣ, что передъ нею не какой-нибудь Альбрехтъ, а настоящій король—воинъ. Въ концѣ концовъ городъ удалось взять и принудить его гордыхъ купцовъ признать Стефана королемъ и заставить его платить ежегодно подать. Миръ подоспѣлъ совсѣмъ кстати, потому что приходилось начинать новую войну: московскій царь, Иванъ Васильевичъ Грозный, все ближе подступалъ къ польскимъ предѣламъ, а въ Литвѣ бралъ одинъ городъ за другимъ. Этого не могла стерпѣть даже лѣнливая и распущенная шляхта, и она подержала короля въ намѣреніи его приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ русскаго врага.

Вообще, Стефанъ Баторій сумѣлъ показать шляхтѣ, что значить для блага государства умный и энергичный государь. Такъ, напр., онъ быстро и умѣло совершилъ дѣло, которое давно уже назрѣло, но къ которому какъ-то не умѣли приступить. Оно заключалось въ устройствѣ правильнаго суда. По средневѣковымъ понятіямъ, судить долженъ самъ король, а въ крайнемъ случаѣ люди, имъ самимъ на время и лишь для этого дѣла назначенные. Разумѣется, королю зачастую не было ни какой возможности самому судить, но многіе

не хотѣли подчиниться приговорамъ назначенныхъ судей и ѣхали къ королю. Издержавшись, напрасно прождавъ, они нерѣдко возвращались ни съ чѣмъ. И такъ ко времени вступленія Стефана Баторія на польскій престолъ накопили цѣлыя тысячи нерѣшенныхъ дѣлъ, а этотъ король все уладилъ, устройвъ *коронный трибуналъ* для разбирательства не только свѣтскихъ, но и духовныхъ судебныхъ дѣлъ.

Такъ же удачны были переговоры Стефана съ турецкимъ правительствомъ, очень раздраженнымъ нападеніями днѣпровскихъ казаковъ на владѣнія султана.

Освободившись отъ опасностей со стороны враговъ западныхъ и южныхъ, польскій король съ развязанными уже руками могъ двинуться на войска московскаго царя. Война оказалась болѣе легкой, чѣмъ можно было ожидать, а произошло это отъ того, что у русскихъ вождей не было живого интереса къ своему дѣлу, а былъ лишь страхъ передъ грознымъ царемъ.

Польское войско отбирало одинъ городъ за другимъ. Особеннаго труда стоило взять Полоцкъ, и осада его представляетъ рядъ любопытныхъ подробностей.

Въ Полоцкѣ было два замка, оба хорошо укрѣпленные: одинъ выше другого; они были соединены мостомъ и окружены высокой дубовой стѣной. Заполотье, какъ называлось селенье у замковъ, взять было не трудно: жители его укрылись въ замкахъ. Поляки придвинули къ стѣнамъ пушки и начали ихъ обстрѣливать, но снаряды причиняли мало вреда деревянному забору; тогда король пустилъ въ ходъ особаго рода пули, которыя должны были поджечь дерево; но и это не помогло; кое-гдѣ поднималось пламя, которое не трудно было потушить, тѣмъ болѣе, что шли дожди, доски размокли и не горѣли. Прошло нѣсколько недѣль; въ польскомъ войскѣ начиналъ чувствоваться недостатокъ, и шляхта уже готова

была, по своему обыкновенію, возроптать. Дороговизна въ лагерѣ была ужасная: по 10 золотыхъ платили за бочку овса. А взять замокъ приступомъ было трудно: онъ лежалъ на крутой горѣ. Тогда Баторій объявилъ великую награду тому, кто подожжетъ стѣны крѣпости. Множество народа бросилось съ зажженными факелами къ дубовому забору. Русское войско храбро оборонялось: лило кипяткомъ, валило громадные камни на осаждающихъ, бросалось тушить загорающіяся мѣста. Но наконецъ, какой-то котельщикъ изъ Львова принесъ съ собою котелъ раскаленныхъ углей и вязанку просмоленной лучины; онъ подобрался къ угольной башнѣ и здѣсь развелъ такой огонь, который ужъ трудно было погасить, да и погода, ясная и солнечная, помогла полякамъ. Долго сопротивляться оказалось не возможно, и Полоцкъ сдался.

Такимъ-же способомъ былъ взятъ другой сильно укрѣпленный городъ, Великіе Луки, теперь маленькій уѣздный городокъ. Тогда онъ прикрывалъ дорогу къ Пскову и представлялъ собой одну изъ самыхъ важныхъ русскихъ крѣпостей. Когда и онъ палъ, Иванъ Грозный сталъ серьезно подумывать о мирѣ съ поляками: онъ уже раньше отправилъ пышное посольство въ лагерь Баторія, но переговоры не клеились, и посламъ пришлось самолично видѣть, какъ защищались и геройски пали Великіе Луки.

Вслѣдъ за этимъ шли другія побѣды, и король бралъ города и крѣпости, занятые русскими войсками. Однако, эта удача продолжалась недолго: приходилось ѣхать на новый сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ осенью 1581 года. Казалось бы, что блестящія побѣды Баторія будутъ встрѣчены шляхтой восторженно, что она всѣми силами поддержитъ своего короля для новыхъ подвиговъ. Въ дѣйствительности, вышло совсѣмъ иначе.

Баторій не жалѣлъ собственныхъ средствъ на наемъ вой-

ска и лично разорился, чтобы только не отягощать народа поборами на войну. Тѣмъ не менѣе, шляхта уже давно тяготилась ею, ворчала на продолжительность и непріятность военныхъ дѣйствій, твердила, что король долженъ обратить все свое вниманіе на внутреннія дѣла. Нѣкоторые говорили это почти вслухъ передъ королемъ и подбирали партію недовольныхъ. Стефанъ Баторій рѣшилъ показать имъ сразу свое неблаговоленіе; когда на сеймѣ вельможи подходили къ его рукѣ, онъ подавалъ имъ руку для поцѣлуя и въ то же время снималъ шапку. Одному изъ недовольныхъ онъ не подалъ руки, и не снялъ передъ нимъ шапки.

Потомъ начались пренія о военныхъ дѣйствіяхъ. Сенаторы были на сторонѣ короля, простая шляхта волновалась и уклонялась. Тогда другъ Баторія, Замойскій, обратился къ ней съ громовой рѣчью: „чего же вы еще хотите отъ короля? Навѣрное, вы желаете, чтобы онъ содралъ съ себя кожу. Сдѣлалъ бы онъ и это, если бы нашли способъ ковать деньги изъ кожи“. Какъ бы то ни было, послѣ долгихъ споровъ и отступленій рѣшили, наконецъ, согласиться на усиленный налогъ еще на два года, а „послѣ ужъ“, говорила шляхта, „мы на это не согласимся никакимъ образомъ“. Значить, въ два эти года король, непременно, долженъ былъ кончить войну съ Иваномъ Грознымъ.

Теперь рѣшено было направить всѣ силы на взятіе Пскова. Это была далеко нелегкая по тогдашнему времени задача. Псковъ былъ великъ: значить, окружить его со всѣхъ сторонъ и отрѣзать отъ сношеній съ Россіей было трудно; подкопы наталкивались на скалистую почву; по рѣкѣ Великой осажденные нѣсколько разъ получали подкрѣпленія и провіантъ. Попытки взять крѣпость штурмомъ не удавались. Однако, положеніе Пскова было все-таки безнадежное, и весь вопросъ заключался лишь въ томъ, сколько времени онъ можетъ продержаться.

Приуныль Иванъ Васильевичъ Грозный и рѣшилъ наконецъ начать серьезные переговоры съ Баторіемъ, а для поддержки своихъ плановъ поспѣшилъ отправить посольство въ Римъ къ папѣ съ просьбой посодѣйствовать заключенію мира. Папа принялъ письмо царя за намекъ на возможность перехода его въ католичество (хотя о дѣлахъ вѣры Иванъ и не упоминалъ) и принялся усердно хлопотать передъ Баторіемъ. Папскій посолъ, Поссевинъ, поѣхалъ къ польскому королю, увѣрялъ его, что онъ очень пристрастно смотритъ на русскихъ, но, разумѣется, ничего не добился, только разсердилъ Баторія, который какъ разъ въ эту пору получилъ насмѣшливое и грубое письмо отъ Ивана Грознаго. Онъ продолжалъ готовиться къ осадѣ Пскова, расположилъ свое войско на зиму подъ стѣнами города, и царь сдался: заключилъ съ поляками миръ и отказался отъ всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній.

Баторій во-время заключилъ миръ съ Россіей: и его дѣла были далеко не въ блестящемъ состояніи: шляхта открыто волновалась. На сеймѣ, который состоялся вскорѣ послѣ заключенія мира, не нашлось человѣка, чтобы привѣтствовать короля. Тогда опять Замойскій повернулся къ нему и въ длинной рѣчи утѣшалъ его: „современемъ“, говорилъ онъ, „эта неблагодарность людей еще выше поставитъ славу короля“. Шляхта пристыдилась и выразила Баторію свое запоздалое поздравленіе.

Вообще, если сопоставить рядомъ съ фигурой мужественнаго и самоотверженнаго Стефана Баторія, который не щадилъ ничего для блага своей новой родины, польскую шляхту того времени, то картина получается очень печальная: какъ стадо овецъ за своимъ бараномъ бросается, куда попало, такъ и шляхта, собиравшаяся на сеймы, шла всего охотнѣе за какимъ-нибудь болтуномъ. Стоило ему закричать, что король

хочетъ умалить „шляхетскія вольности“, и шляхта теряла всякую способность разсуждать. Такъ случалось постоянно... Тоже произошло и теперь: сеймъ не сталъ говорить и о такомъ важномъ вопросѣ, какъ престолонаслѣдіе, и разѣхался, отказавъ въ новыхъ налогахъ.

Эта неудача Баторія была вызвана интригами, которыя вела противъ него одна часть шляхты подъ предводитель-

Сеймъ.

ствомъ жадныхъ и крикливыхъ честолюбцевъ, Зборовскихъ. Отношенія между ними и королемъ до такой степени обострились, что Баторій имѣлъ основаніе опасаться за свою жизнь, и, наконецъ, дѣло дошло до столкновенія, въ которомъ король одержалъ полную побѣду: одинъ изъ Зборовскихъ былъ казненъ, другой приговоренъ къ изгнанію изъ Польши. На этотъ разъ шляхта показала, что она умѣетъ цѣнить интересы государства выше происковъ партійной борьбы. Болѣе того, своимъ упорствомъ Баторій привлекъ на свою сто-

рону многихъ изъ шляхты, которые видѣли, къ чему ведетъ государство общая распущенность нравовъ.

Кто знаетъ, какого вліянія добилась бы Польша, если-бы жизнь короля продолжалась еще долго. И за тѣ десять лѣтъ, что онъ сидѣлъ на престолѣ, онъ добился громаднхъ результатовъ: довель границы Польши почти до самаго Финскаго залива, заставиль уважать свое имя и въ Западной Европѣ, которая начинала видѣть въ Польшѣ первостепенную силу, и въ самой Турціи; онъ ввелъ порядокъ въ запутанныя дѣла государства, устроиль правильный судъ, причиль шляхту слушаться королевскаго голоса. При немъ написаль свои лучшія вѣщи Кохановскій; была задумана реформа падавшаго Краковскаго университета. Во всѣ отрасли народной жизни проникаль ясный взглядъ Баторія, и казалось, Польшѣ предстоитъ время блестящаго развитія.

Незадолго до смерти своей Стефанъ Баторій задумаль широкій и важный планъ. Въ Московскомъ царствѣ наступала смутная пора: Иванъ Грозный внезапно скончался, его мѣсто заняль болѣзненный, слабоумный сынъ, Федоръ Ивановичъ. Всѣмъ было ясно, что долго онъ не проживеть, и что послѣ его смерти начнутся смуты, такъ какъ прямого наслѣдника послѣ Федора не было.

Баторій задумаль воспользоваться этой минутой и сталъ побуждать шляхту къ войнѣ съ Россіей. Одновременно онъ снеся съ римскимъ папой, и тотъ не только поддержаль планы польскаго короля, но и прислаль ему денегъ.

На сеймѣ 1587 года слѣдовало обсудить, какъ вести войну съ Москвой, отъ которой не ждали даже серьезнаго сопротивленія, а 12 декабря король скончался отъ удара. На этотъ разъ Москва была спасена, но не надолго: черезъ 25 лѣтъ польскій королевичъ Владиславъ былъ провозглашенъ Московскимъ царемъ. Ему не удалось ни поцарствовать, ни сохранить

свой титулъ московскаго царя. Не удалось бы это и мудрому, мужественному Баторію: въ русскомъ народѣ было такъ много силъ, такое стремленіе къ правильной государственной жизни подъ скипетромъ православнаго царя, что объ его неприязнь къ завоевателю разбилось бы все упорство Баторія. Да надо еще прибавить, что польская власть, руководимая прихотливой, корыстной и лѣнливой шляхтой, никогда не отличалась тѣмъ упорствомъ и выдержкой, которыя, наконецъ, подчиняютъ побѣжденных побѣдителямъ. Россія справилась съ татарскимъ игомъ, потомъ со смутнымъ - временемъ, со шведами при Петрѣ Великомъ и съ Наполеономъ; справилась бы она, конечно, и даже безъ особаго труда съ поляками.

Среди заслугъ Баторія есть одна, которую иные считаютъ великимъ дѣломъ, но которая была гибелью для Польни. Это было введеніе въ Польшу ордена іезуитовъ, который незадолго до того былъ основанъ испанцемъ Игнатіемъ Лойолой для борьбы съ ересями. Хитрые, на все готовые іезуиты, для которыхъ не существуетъ любви къ отечеству, а есть только безграничный фанатизмъ въ достиженіи ихъ главной цѣли — подчиненія всего міра главенству папы, — іезуиты внесли въ жизнь польскаго народа такія черты, которыхъ раньше у него не было. Польша славилась своей терпимостью къ разнымъ вѣрамъ, народамъ, культурамъ. Теперь іезуиты медленно, но настойчиво стали прививать ей вражду къ народамъ не католическимъ и не польскимъ: съ этого времени шляхта научилась презирать и преслѣдовать русскихъ православныхъ крестьянъ Украйны и Литвы. А отсюда борьба съ казачествомъ, ослабившая Польшу, присоединеніе Малороссіи къ Россіи, усилившее Московское государство; отсюда внутреннее разложеніе и слабость, погубившія Польскую республику.

Г Л А В А III.

Столѣтія упадка и гибель государства.

Неожиданная смерть Стефана Баторія пробудила много полузабытыхъ надеждъ, полуоставленныхъ счетовъ. На первый планъ естественнымъ образомъ выдвинулся энергичный сотрудникъ и другъ умершаго короля, умный и смѣлый Замойскій. Получивъ извѣстіе о кончинѣ Баторія, онъ написалъ одному изъ своихъ пріятелей слѣдующія замѣчательныя слова: „при такомъ положеніи государства намъ не пристойно избѣгать дѣла, но нужно поступать такъ, какъ надлежитъ добродѣтельнымъ и хорошимъ людямъ, любящимъ свою родину; нужно помогать другъ другу во всемъ, что можетъ быть полезно и на благо государству“.

За эти слова и за самоотверженную дѣятельность на пользу родины польская исторія съ благодарностью чтитъ память Замойскаго. Много честолюбцевъ, стремившихся во всю свою жизнь къ высшимъ почестямъ и знатности или стяжавшихъ большія богатства, забыты исторіей, если еще не хуже, — совсѣмъ осуждены ею, какъ враги своего народа. Только тѣ, поступками которыхъ руководила честная любовь къ людямъ, своему народу или исканію истины, только тѣ, кто ради

высшихъ цѣлей жертвовалъ своими личными выгодами, а иногда и жизнью, — становятся героями человѣчества, и люди передаютъ память о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, чтобы и мы, слѣдуя ихъ примѣру, любили больше всего на свѣтѣ правду.

Замойскій одинъ изъ героевъ польской исторіи; Зборовскіе, которые, выждавъ удобный случай, рѣшили мстить этому отважному человѣку, которому они приписывали гибель одного изъ нихъ, — Зборовскіе ея позоръ и стыдъ. Въ жаждѣ мести они взволновали весь край, раздѣлили его на два лагеря, изъ которыхъ одинъ стоялъ за нихъ, а другой за Замойскаго, чуть не раздули междоусобной войны. А между тѣмъ предстояло выбрать новаго короля, опять выдвинулись разные кандидаты, и на этотъ разъ очень силенъ былъ русскій, царь Федоръ Ивановичъ, котораго хотѣла Литва. Какъ нуженъ былъ внутренній миръ въ эту пору!

Благодаря стараніямъ королевы Анны, на престолъ былъ выбранъ ея племянникъ, сынъ шведскаго короля, Сигизмундъ III Ваза. Онъ заранѣе согласился на тѣ условія, при которыхъ ему предлагали корону, а условія были не малыя: между прочимъ, шведы обязывались уступить Польшѣ важныя для нихъ земли по берегу Балтійскаго моря. Согласіе королевича шведскаго на это условіе было пустой фразой; потомъ онъ очень ловко отдѣлался отъ его выполненія, сославшись на невозможность идти противъ желанія отца и народа. А отсюда возникли продолжительныя войны и ссоры между Швеціей и Польшей, которыя разорили оба государства и привели ихъ къ упадку.

Съ Сигизмундомъ III на польскій престолъ вступилъ со всѣмъ новый, еще невиданный въ Польшѣ человѣкъ, типъ, который никакъ не могъ понравиться польской шляхтѣ. Какъ ни роптали многіе на Баторія, но въ душѣ всѣ преклоня-

лись передъ его воинственностью, прямою, добродушіемъ, умѣніемъ принести себя въ жертву для дѣла, какимъ, вообще, отличаются крупные люди. Ничего подобнаго не было въ новомъ королѣ. Онъ былъ еще молодъ, а походилъ на какого-то старика: такъ остороженъ онъ былъ въ своихъ рѣчахъ, такъ благоразуменъ въ своихъ дѣлахъ. Онъ говорилъ тихимъ и мѣрнымъ голосомъ, отмалчивался даже тогда, когда на сеймѣ какой-нибудь буянь-шляхтичъ обращался со словомъ укоризны къ самому королю, а только записывалъ въ свою книжечку его имя. Военныхъ забавъ, шумныхъ потѣхъ онъ не любилъ, но за то тратилъ большія деньги на наемъ отличнаго итальянскаго оркестра, приглашалъ къ своему двору знаменитыхъ художниковъ, тогда какъ грубоватая шляхта презирала всякаго художника, какъ ремесленника. Самый внѣшній видъ короля не нравился шляхтѣ: онъ носилъ бородку клиномъ, какъ его современникъ, жестокой и подозрительный испанскій король Филиппъ, съ котораго Сигизмундъ во многомъ бралъ примѣръ; вмѣсто простого кафтана и высокихъ сапогъ, какіе носилъ Баторій, король одѣвался въ утонченныя западныя одежды, въ чулки и туфли. Не по вкусу Сигизмундъ былъ шляхтѣ и своей фанатической приверженностью къ католической церкви, и преслѣдованіемъ еретиковъ и покровительствомъ иезуитамъ. Отъ него и пошло то презрѣніе къ русской народности подолянъ, украинцевъ, казачества и т. д., то отвращеніе къ православной вѣрѣ, которое подняло на польскихъ помѣщиковъ русскій людъ Украйны и привело къ роковому для Польши шагу: присоединенію Малороссіи къ Московскому царству въ 1654 году.

Сигизмундъ пріѣхалъ въ Польшу съ готовымъ планомъ: онъ заключался ни болѣе, ни менѣе, какъ въ рѣшеніи обратиться въ католическую вѣру какъ протестантскую Швецію, такъ и православное Московское царство. Вообще, это была

пора, когда католическіе государи собирались съ силами, чтобы въ конецъ разбить всё государства, не принадлежавшія къ католической церкви; испанскій король строилъ громадный флотъ, „непобѣдимую армаду“, и хотѣлъ завоевать Англію. Сигизмундъ III отправилъ въ Римъ посольство, которое должно было извѣстить папу объ его планахъ. Нечего и говорить, какъ радушно приняли этого посла.

Сначала однако слѣдовало помирить Польшу съ Австріей. Дѣло въ томъ, что братъ австрійскаго императора, Максимилианъ, тоже претендовалъ на польскую корону и даже рѣшилъ добиваться его силою оружія, но потерпѣлъ полное поражение и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Хотя тогда дѣло кончилось примиреніемъ, но все-таки для Австріи это былъ большой позоръ, и она не хотѣла и слышать о Сигизмундѣ. Но то, что разрушила война, поправила свадьба. Молодой польскій король женился на австрійской принцессѣ. За свадьбой послѣдовалъ союзъ двухъ сильныхъ католическихъ государствъ, Польши и Австріи. Римъ былъ въ восторгѣ. „Въ тѣсномъ соединеніи вашихъ помысловъ мы видимъ гарантію всеобщаго мира“, писалъ папа. И какъ ему было не радоваться: вѣдь для него открывалась надежда подчинить себѣ и Англію, и Малороссію, да пожалуй и Москву. Однако, надежды сбылись не всё: флотъ короля испанскаго разбился во время тумана о подводныя скалы Англіи, съ Австріей все какъ-то не ладилось: вѣрнѣе, Сигизмундъ III держалъ себя нечестно передъ народомъ, позволивъ австрійскому императору отступить отъ условій, на которыхъ заключился миръ. Шляхта негодовала и волновалась.

Вообще, поступки и странныя рѣчи короля давали поводъ думать, не замышляетъ-ли и онъ, какъ Генрихъ Валуа, бѣжать на родину, а польскій престолъ передать кому-нибудь изъ австрійскихъ принцевъ. Къ довершенію бѣдъ татары

сдѣлали страшный набѣгъ на украинскія земли, а турки собирали войска съ явнымъ намѣреніемъ объявить Польшѣ войну. Не подлежало никакому сомнѣнію, что и Сигизмундъ, и отецъ его, шведскій король, сносягся съ австрійскими принцами и готовы отступить за хорошія деньги отъ всякихъ правъ на польскую корону.

При такихъ условіяхъ собрался сеймъ, очень бурный и встревоженный. Замойскій предложилъ исключить разъ навсегда австрійскую династію изъ числа претендентовъ на Польшу, но другіе отвѣчали, что только австрійцы и остались вѣрны католической церкви, и что принять такое рѣшеніе значитъ подвергнуть и Польшу всѣмъ соблазнамъ лютеранства, всѣмъ опасностямъ войны за вѣру. Въ концѣ концовъ было принято пустое, неважное рѣшеніе, исключить только одного принца, а не всю династію, а ссоры, раздоровъ сеймъ вызвалъ не мало. Шляхта раздробилась на партіи, которыя дошли до такого раздраженія, что стали собираться на съѣзды въ родѣ сеймовъ. Весь смыслъ того или иного съѣзда заключался въ борьбѣ съ какимъ-нибудь непріятнымъ для партіи лицомъ. А Польша все больше страдала отъ такихъ неурядиць.

Наконецъ, король задумалъ жениться и выбралъ себѣ австрійскую принцессу, которую за него охотно выдали замужъ. Этотъ бракъ еще увеличилъ подозрѣнія шляхты, а неискусный шагъ Сигизмунда, который назначилъ на важнѣйшія должности въ государствѣ своихъ сторонниковъ, вызвалъ такое броженіе, что кое-гдѣ стали поговаривать уже о перемѣнѣ государя. Сигизмундъ старался поправить отношенія, помириться съ канцлеромъ Замойскимъ, который все еще былъ очень вліятеленъ. Тѣмъ не менѣе, когда онъ поѣхалъ въ Швецію на похороны отца, даже главный сторонникъ его, одинъ епископъ, заявилъ: „пока король въ сво-

емъ государствѣ, я храню вѣрность ему“, и даже не хотѣлъ проститься съ уѣзжавшимъ Сигизмундомъ, чтобы не связать себѣ рукъ какимъ-нибудь обѣщаніемъ.

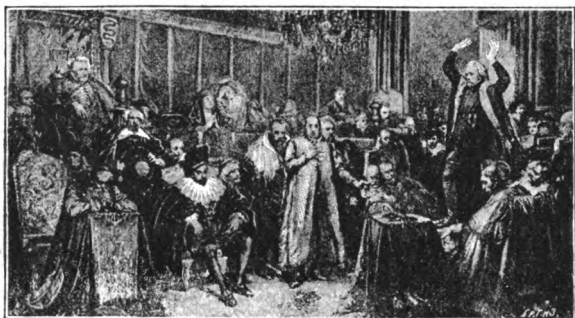
Впрочемъ, опасенія оказались напрасными: въ своей дорогой Швеція Сигизмундъ встрѣтилъ такое сопротивление, что ему нечего было и думать ни о шведскомъ тронѣ, хотя онъ и успѣлъ короноваться королемъ, ни о возвращеніи шведскаго народа въ лоно католической церкви. Ничего не добившись, король вернулся въ Польшу, гдѣ его ждали новыя затрудненія.

Первымъ изъ нихъ былъ бунтъ малорусскихъ казаковъ, которымъ становилось все болѣе невыносимо подъ владычествомъ польскихъ королей съ тѣхъ поръ, какъ на Люблинской уніи 1569 года украинскія земли были непосредственно подчинены Польшѣ, а не Литвѣ. Польская шляхта устремилась въ присоединенныя области, крѣпко засѣла на исконныхъ русскихъ земляхъ, а къ православному населенію стала питать презрѣніе, а порою и ненависть. вмѣстѣ съ польскими панами пришелъ и ихъ вѣрный спутникъ, еврей—арендаторъ, факторъ (т. е. устроитель мелкихъ торговыхъ сдѣлокъ), корчмарь. Изъ бѣднаго русскаго населенія стали выжимать всѣ соки.

Къ тому же король поднялъ руку и на свободное днѣпровское казачество. Онъ попробовалъ раздѣлить на полки, составить списки казаковъ, входящихъ въ такіе полки, а остальныхъ обратить въ простыхъ крестьянъ. Но казаки отвѣтили на это тѣмъ, что ушли за неприступные днѣпровскіе пороги, и за ними основали свободную казачью общину, Запорожскую Сѣчь. А другимъ отвѣтомъ ихъ были страшныя возстанія, во время которыхъ они заходили далеко въ глубь Литвы и Украйны, жгли польскія усадьбы и города; порою отъ нихъ доставалось и русскимъ людямъ, спокойно жив-

шимъ подъ властью польскихъ пановъ. Особенной удалью, да и жестокостью прославился походъ Наливайки, съ которымъ польскія войска сладили съ большимъ трудомъ, а на Украинѣ до сихъ поръ поютъ пѣсни о гайдамакахъ и Наливайкѣ.

Сигизмундъ задумалъ серьезно приняться за русскія земли. Правда, онъ очень озлобилъ противъ Польни ихъ население, но онъ же рѣшилъ и помириться съ нимъ, или, вѣрнѣе, подчинить себѣ и такія стороны его жизни, на которыя

Проповѣдь Скарги.

пока еще не распространилась власть польскихъ королей, пановъ и епископовъ. Это была православная церковь, которая подчинялась Москвѣ, ея митрополиту, и Константинопольскому патриарху.

Положеніе православнаго духовенства было тяжелое и унижительное; польскіе помѣщики обращались съ нимъ, какъ съ низшимъ, и естественно было, что люди, менѣе стойкіе въ своихъ убѣжденіяхъ, готовы были искать какого-нибудь выхода изъ этого положенія. Такимъ выходомъ представилась мысль, провозглашенная іезуитомъ проповѣдникомъ

Петромъ Скаргой. Этотъ замѣчательный ораторъ, предвидѣвшій съ поразительной ясностью, куда ведетъ Польшу политика шляхты, выступилъ съ сочиненіемъ „Объ единствѣ Церкви Божьей“.

Это единство было желательнымъ и для кое-кого изъ русскихъ епископовъ. Дѣло въ томъ, что Константинопольскій патріархъ установилъ за братствами, составлявшимися изъ прихожанъ, право наблюденія за поведеніемъ духовенства, даже право суда надъ епископами. Это было для нихъ ужъ очень обидно. Рядомъ, въ католической церкви, они видѣли богатое и роскошно живущее духовенство, которое отдавало отчетъ только папѣ Римскому, а они были принуждены считаться съ мнѣніями простыхъ мѣщанъ, лавочниковъ и мастеровъ. Естественнымъ образомъ, многіе изъ самыхъ распущенныхъ архіереевъ Южной Руси схватились за мысль о единствѣ церквей, какъ утопающій хватается за соломинку.

Къ королю Сигизмунду было отправлено посольство, которое сообщило ему тайно о замыслахъ части высшаго духовенства Руси. Дѣло было сдѣлано. Папа принялъ въ лоно католической церкви заблудшихся чадъ православной церкви, на которую смотрѣли, какъ на расколъ, схизму, и формально вся Юго-Западная Русь заключила съ Римомъ союзъ. По этому договору объ *уніи*, русская церковь сохраняла свои обряды и языкъ, но признавала главенство папы.

Въ Галиціи уніатская церковь сохранилась до сихъ поръ, и странное впечатлѣніе производитъ она. По срединѣ храма стоитъ католическій престоль, но на немъ не служатъ: богослуженіе совершается въ алтарѣ, отдѣленномъ отъ молящихся иконостасомъ, но царскія и другія врата въ немъ никогда не закрываются, и престоль тянется вдоль всего иконостаса, а за нимъ служитъ священникъ, бритый и похожій на католическаго ксендза. Кое-гдѣ бываютъ хоры пѣвчихъ, въ другихъ

органы, и во время богослуженія мальчикъ все звонить въ колокольчикъ, какъ въ католической церкви.

Однако унія привилась не вездѣ. Южная Русь рѣши-тельно отвергла ее на Соборѣ, происшедшемъ въ 1596 году. Отсюда пошелъ новый расколъ между польскимъ и русскимъ населеніемъ Рѣчи Посполитой, а вина его лежитъ на королѣ и на шляхтѣ, которая плохо понимала государственное дѣло.

Такъ же вредно для Польши по своимъ послѣдствіямъ была и другая сторона дѣятельности короля Сигизмунда Вазы. Мы уже видѣли, что Польши онъ не любилъ, а мечталъ вернуться въ свою Швецію. Болѣе того, послѣ смерти отца ему удалось короноваться шведскимъ королемъ, но удержаться на престолѣ у него не было силъ, и потому, оставивъ въ Швеціи правителемъ одного изъ своихъ родственниковъ, онъ вернулся въ Польшу.

Но мысль о Швеціи не давала ему покоя, и онъ задумалъ добиваться вооруженной рукой своихъ правъ на престолъ. И вотъ Польшѣ приходится вести тяжелую зимнюю войну въ Эстляндіи, въ мѣстности, непривычной для солдатъ. Сначала войска короля терпятъ пораженія, потомъ гетману Жолкевскому удается одержать блестящую побѣду.

Но все это, въ сущности, ни къ чему. Польшѣ не удалось закрѣпить свою побѣду. Послѣдствіемъ этой войны было лишь то, что на многіе десятки лѣтъ между государствами, не имѣвшими, въ сущности, поводовъ для раздоровъ, велись войны, раздоры и т. п.

При Сигизмундѣ въ Россіи появился самозванецъ, Лжедмитрій I, которому нѣкоторые польскіе магнаты помогали и деньгами, и солдатами. Самозванецъ принялъ католическую вѣру, и многіе думали, что весь русскій народъ перейдетъ вслѣдъ за нимъ въ католичество. А влѣдствіе этого

между Россіей и Польшей начинаются новыя войны, которыя продолжаются почти сто лѣтъ.

Такъ ошибочна была политика Сигизмунда Вазы. Но ему же принадлежит и очень мудрый шагъ, который, однако, не привелъ ни къ чему. По закону и обычаю польскаго сейма, всѣ дѣла въ немъ рѣшались не большинствомъ голосовъ, какъ это всегда бываетъ въ законодательныхъ собраніяхъ, а единогласіемъ. Стоило одному изъ участниковъ совѣщанія закричать: „запрещаю“, и вопросъ рѣшался отрицательно, хотя бы за него стояли всѣ остальные. А такъ какъ польская шляхта далеко не отличалась неподкупностью или независимостью, то понятное дѣло, какое сильное орудіе въ руки иностранцевъ давалъ этотъ законъ.

Многіе изъ умныхъ людей, какихъ въ польскомъ народѣ, талантливомъ и живомъ, было всегда не мало, отлично понимали, что этотъ законъ необходимо отмѣнить. Познанскій губернаторъ (каштелянъ) Остророгъ восклицалъ: „Хоть бы мы разбили себѣ головы, а все-таки, захоти кто-нибудь, со злости или по глупости, и всѣ наши совѣщанія обратятся въ ничто. Большая радость шляхтичу, что онъ можетъ затормозить цѣлое государство, но для самого-то государства большой позоръ, что, ради глупости или упрямства одного человѣка, оно можетъ погибнуть. Будемъ же Бога бояться, не будемъ губить себя такъ понапрасну“.

Однако, мудрыя рѣчи Остророга прозвучали даромъ; правда, кое-кто его поддержалъ, но остальные раскричались на любимую тему о правахъ и вольностяхъ шляхты и раздѣхались ни съ чѣмъ.

Такъ внѣшняя политика короля Сигизмунда запутала Польшу въ тяжелыя и долгія войны, а внутри кипѣли релігіозныя распри, бунтовали казаки, дробилась на партіи шляхта. А тутъ еще умеръ мудрый совѣтникъ Баторія, Замойскій, и дѣла пошли хуже.

Въ средѣ шляхты давно уже конилось неудовольствіе противъ короля, и теперь оно разразилось очень бурно. Во главѣ движенія сталъ человѣкъ, котораго Сигизмундъ приблизилъ къ себѣ, осыпалъ милостями, щедро одарилъ имѣніями. Это былъ Зебжыдовскій. Послѣ смерти Замоискаго онъ счелъ себя обязаннымъ продолжать его образъ дѣйствій, недоброжелательный по отношенію къ королю, который все больше тянулъ къ австрійскому императору. Замоискій же былъ убѣжденъ, что Польша должна стать во главѣ славянскихъ государствъ, для Польши мысль перенялъ у него Зебжыдовскій. Это была хорошая для Польши мысль, но худо было, что за ней магнаты скрывалъ честолюбивыя намѣренія, клонившіяся къ его собственному возвышенію.

Дѣло въ томъ, что король Сигизмундъ рѣшилъ, наконецъ, настаивать, чтобы сеймъ измѣнилъ способъ разрѣшенія дѣлъ; онъ хотѣлъ ввести обычай, по которому бы и въ Польшѣ, какъ въ Западной Европѣ, вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ, а не единогласно. Зебжыдовскій воспользовался случаемъ, чтобы поднять шляхту противъ короля: его обвиняли въ намѣреніи уничтожить шляхетскую свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали переговоры съ венгерскимъ полководцемъ Бочкаемъ, родственникомъ Баторія. Бочкай въ это время поднялъ бунтъ въ Венгріи, завладѣлъ нѣсколькими ея областями и назвалъ себя венгерскимъ королемъ. Съ нимъ-то и завели сношенія польскіе мятежники.

Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ въ Польшѣ кипѣла междоусобная вражда. Нѣсколко разъ другъ противъ друга становились два войска,—вѣрное королю и шайка мятежныхъ вельможъ. Нѣсколко разъ удавалось ихъ развести безъ кровопролитія, но, наконецъ, произошло большое сраженіе. Толпы бунтовщиковъ были разбиты, и ихъ главари принесли королю повинную.

Ужасно для правильнаго развитія Польши было это возстаніе, но въ немъ была и хорошая сторона. Хотя самъ Зебжыдовскій былъ очень усерднымъ католикомъ и даже поклонникомъ и воспитанникомъ іезуитовъ, однако, въ рядахъ его приверженцевъ было не мало православныхъ, которые потребовали, чтобы имущество православной церкви продавалось только дворянамъ православной вѣры, повинующимся не папѣ, а константинопольскому патріарху. Этимъ сильно ослаблялось значеніе уніи. По другому же пункту ограничивались права іезуитовъ, которые сдѣлали столько вреда народу.

Но послѣ двухлѣтней борьбы возстаніе было подавлено, и все осталось попрежнему. Между тѣмъ, положеніе сосѣдей такъ измѣнилось, что Польша могла бы сдѣлать большія приобрѣтенія, если бы только ея не раздирали на части раздоры. Швеція переживала смутную пору, и побѣда Ходкевича могла бы отдать въ руки Польши все побережье Балтійскаго моря. Въ Москвѣ смѣняли другъ друга самозванцы, Шуйскій, кипѣла борьба, и часть бояръ выбрала на престолъ сына короля Сигизмунда, королевича Владислава. Московскій кремль былъ занятъ поляками. Смоленскъ и многіе другіе города пали и достались во власть Польши.

Но и при такомъ положеніи Польша не добилаь никакихъ прочныхъ завоеваній. Смутное время на Руси показало народу, что ему нечего рассчитывать на своихъ бояръ. Народная масса, о которой польскіе историки иногда до сихъ поръ говорятъ, почти какъ о дикаряхъ, спасла русское государство. Безмолвно смотрѣли польскіе крестьяне на то, какъ гибнетъ въ постоянныхъ раздорахъ шляхты ихъ государство, а въ Московскомъ царствѣ созрѣвало великое преобразование. Мясникъ Мининъ вдохновилъ нижегородскихъ гражданъ на подвигъ: они снесли свои сокровища, собрали войско, долго отстаивали Москву, а потомъ, когда прогнали поляковъ изъ

кремля, выбрали новаго царя, изъ не очень родовитыхъ дворянъ, Михаила Романова. Старикъ Сусанинъ, простой крестьянинъ, пожертвовалъ своею жизнью, чтобы спасти молодого царя. Такъ Москва возвышалась единствомъ, а Польша падала все ниже, вслѣдствіе раздоровъ шляхты.

Когда Михаилъ Федоровичъ Романовъ вступилъ на престолъ, большая часть Россіи была въ рукахъ поляковъ, а черезъ сорокъ лѣтъ Россія взяла у Польши свои старыя области, Кіевъ и Малороссію, лѣтъ же черезъ тридцать былъ заключенъ „вѣчный миръ“ между славянскими сосѣдями. Не прошло и ста лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Романовыхъ, какъ они уже вліяютъ на дѣла въ Польшѣ (Петръ Великій). Близорукая политика Сигизмунда, отсутствіе настоящаго патріотизма у шляхты, равнодушіе крестьянъ къ судьбамъ той земли, на которой ихъ такъ тѣснили ихъ господа-шляхта, — вотъ что вызвало паденіе Польши. Окруженная сильными сосѣдями, она быстрыми шагами шла къ своей гибели.

Особенно ярко это обнаружилось во вторую половину царствованія Сигизмунда. Онъ совершенно не умѣлъ воспользоваться тѣми выгодами, которыя ему давала слабость Москвы, связь со Швеціей, внутреннія броженія въ Турціи. Судьба дала ему въ помощники замѣчательныхъ полководцевъ, — Жолкевскаго и Ходкевича, такого государственнаго дѣятеля, какъ Замойскій. А онъ подорвалъ могущество Польши, созданное Баторіемъ. Сначала Сигизмундъ спалъ и видѣлъ, какъ бы вернуться въ свою любимую Швецію, но ему не удалось не только сдѣлаться шведскимъ королемъ, но и отстоять завоеванія, совершенныя Жолкевскимъ. Въ Швеции же выдвинулся гениальный полководецъ, король Густавъ Адольфъ. Когда онъ пошелъ на войну въ Германію, на защиту протестантской вѣры, врагомъ которой явилась династія австрій-

скихъ императоровъ, Габсбурговъ, Сигизмундъ не сумѣлъ заключить съ нимъ выгодный для Польши миръ и былъ. вынужденъ отдать Швеціи побережье Балтійскаго моря. Войны съ Турціей оказались неудачны, потому что вести войну польскій король и не могъ, въ сущности, при той зависимости отъ скупой и невѣжественной шляхты, въ какой онъ находился. Наконецъ, Сигизмундъ крѣпко держался союза съ Австріей, который народу былъ противенъ. И самъ онъ оставался чужимъ и далекимъ своему народу.

Зато при Сигизмундѣ особенно большую силу приобрѣли вельможи, магнаты. При ихъ дворахъ собиралась небогатая шляхта, которая составляла своего рода рать богача. Съ нею магнаты могъ затѣять какіе угодно безпорядки въ королевствѣ: напимѣръ, пойти противъ королевской воли, отказать ей въ послушаніи, устроить съѣздъ, мятежь. Королевская власть теряла послѣднюю тѣнь своей силы. И все указывало на быстрое разложеніе Рѣчи Посполитой.

Люди, болѣе вдумчивые и проникательные, давно уже предвидѣли ту опасность, которою грозило Польшѣ ея невозможное государственное устройство. Уже въ началѣ царствованія короля Сигизмунда появился знаменитый ораторъ, іезуитскій священникъ Петръ Скарга. Онъ произнесъ на сеймахъ рядъ рѣчей, которыя ярко рисуютъ намъ жалкое внутреннее состояніе тогдашней Польши.

Особенно же онъ возмущался тѣмъ, что на сеймы шляхта съѣзжается не какъ на важное, святое дѣло работы для отечества, а какъ на войну. „И это несогласіе приведетъ на насъ неволю, въ которой утонуть ваши свободы и обратятся въ забаву“, такъ говорилъ Скарга. И въ какомъ-то предвидѣніи онъ пророчествовалъ: „и не только вы будете лишены государя, избраннаго изъ вашего народа, но и родины и королевства: вы всюду станете жалкими и презираемыми из-

гнанниками, убогими странниками, которыхъ будутъ толкать ногой тамъ, гдѣ раньше васъ почитали. Гдѣ-же вы найдете другую такую родину, гдѣ вы будете имѣть такую славу, достатокъ, деньги, казну, и украшенія, и радости? Уродится ли еще для васъ и сыновей вашихъ другая такая мать? Если вы потеряете ее, то нечего будетъ и думать о другой“.

Но мудрыя слова Скарги прозвучали напрасно: Часто ихъ повторяютъ теперешніе поляки, горько сѣтуя на нерадѣніе и неразуміе своихъ предковъ.

Со смерти Сигизмунда Вазы Польша быстро пошла къ упадку, и виною этого были, какъ воспитаніе, которое давалось шляхтѣ, такъ и форма правленія. Каждый шляхтичъ считалъ себя равнымъ любому вельможѣ, но такъ было лишь на словахъ: на самомъ же дѣлѣ, около всякаго богатаго вельможи роилась шляхта, питавшаяся при его столѣ и готовая по его приказу кричать на сеймахъ. Что касается воспитанія, то оно всецѣло перешло въ руки монаховъ, особенно же іезуитовъ. Дѣтей заставляли зубрить латинскія слова, упражняться въ составленіи латинскихъ рѣчей, учили ихъ защищать, съ помощью сочиненій разныхъ богослововъ, запутанные вопросы вѣры, но настоящаго, живого знанія, пригоднаго для жизни, не давали. вмѣстѣ съ тѣмъ и литература утратила свою недавнюю прелесть; въ моду вошло особое смѣшеніе латинскихъ словъ съ польскими, странный полулатинскій-полупольскій слогъ, надъ которымъ въ свое время весело подшучивалъ Кохановскій. Между тѣмъ, при всей приверженности шляхты къ католической церкви, настоящей чистоты вѣры не было: въ народѣ ходило множество самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій. Въ своей сытой, обеспеченной, свободной жизни высшіе классы польскаго народа потеряли чувство долга передъ отечествомъ, любили повторять, что „Польша стоитъ безпорядковъ“, и вели государство прямо къ гибели.

Эта печальная, однообразная картина продолжается болѣе вѣка; въ эту пору въ Польшѣ смѣняется много королей, нѣсколько династій; послѣ смерти короля поднимается, обыкновенно, цѣлая буря передъ выборомъ новаго; отдѣльныя партіи, отдѣльные честолюбцы вступаютъ въ борьбу между собой, расхищая государственное имущество, прибѣгая за помощью къ исконнымъ врагамъ Польши.

Скучно, да и грустно писать подробную исторію этого упадка государства, въ которомъ жило умное и даровитое славянское племя, сдѣлавшее большую ошибку: оно вышло изъ общаго теченія исторіи, совершавшагося въ Европѣ.

Вездѣ усиливалась самодержавная власть государей, вездѣ заводилось постоянное войско,—вездѣ, кромѣ Польши. Здѣсь, наоборотъ, всякая попытка усилить королевскую власть встрѣчается съ воплями шляхты, будто бы ее обижаютъ, будто бы у нея отнимаютъ ея права. Только передъ самой гибелью государства, уже въ концѣ 18 вѣка, польская шляхта создала новый строй, который могъ бы поднять упадавшую республику, но было уже поздно: три могучихъ сосѣда обхватили желѣзнымъ кольцомъ слабое тѣло государства.

Еще при Сигизмундѣ Вазѣ Московское государство пережило смутное время самозванцевъ и неурядицъ; казалось, что гибель приходитъ Россіи, но она поднялась и, подѣ скипетромъ новой династіи, достигла небывалаго могущества. Еще при первомъ царѣ изъ этой династіи, Михаилѣ Федоровичѣ, Польша представляется Россіи очень опаснымъ и сильнымъ врагомъ, съ которымъ она не можетъ и справиться. При сынѣ его, Алексѣѣ Михайловичѣ, Россія отнимаетъ у Польши очень важную часть, нынѣшнюю Малороссію съ Кіевомъ и Полтавой. При внукахъ, царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ и потомъ при Петрѣ Великомъ, Польша уже такъ слаба по сравненію съ Россіей, что въ началѣ 18 вѣка нѣмцы подаютъ нашему

Царю-Преобразователю мысль раздѣлить Польшу между тремя сосѣдями. Но Петрѣ рѣшительно отклоняетъ это предложеніе, которое повторяютъ и при его внукѣ, Петрѣ II. Но и тогда русское правительство не видитъ надобности уничтожить государственное существованіе славянскаго сосѣда. И только въ самомъ концѣ 18 вѣка обстоятельства сложились такъ, что раздѣлы Польши сдѣлались почти неизбежны. Но русское вліяніе на дѣла Польши было сильно уже при Петрѣ Великомъ, а послѣдній польскій король, Станиславъ Понятовскій, былъ посаженъ на престолъ прямо-таки по желанію русской императрицы, Екатерины II. Въ исторіи рѣдко бывали примѣры такого быстраго и полнаго упадка государствъ, какой мы видимъ въ судьбахъ Польши: въ половинѣ 17 вѣка она простирается „отъ моря до моря“, а черезъ сто лѣтъ ее уже начинаютъ дѣлить по частямъ.

Между тѣмъ, и послѣ Сигизмунда Вазы въ Польшѣ бывали славныя минуты и не мало великихъ людей. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Послѣ короткаго царствованія одного сына Сигизмунда Вазы, Владислава IV, на престолъ былъ выбранъ другой сынъ, Янъ Казимиръ, при которомъ Малороссія отошла подъ власть Московскихъ царей. И внутри Польши его царствованіе сопровождалось большими несчастіями. Причиной ихъ были притязанія польскихъ королевъ со времени Сигизмунда Вазы на титулъ шведскихъ королевъ. Когда въ 1654 году въ Швеціи вступилъ на престолъ новый король, онъ потребовалъ, чтобы Янъ Казимиръ отказался отъ этого титула. Но тотъ не согласился, и вотъ шведы ворвались съ большимъ войскомъ въ предѣлы Великопольши. Великопольская шляхта сдалась и признала Карла Августа, шведскаго короля, польскимъ королемъ; ея примѣру послѣдовала Литва, а Яну Казимиру пришлось бѣжать и скрыться въ Силезіи. Казалось,

для него все было кончено; но короля спасло положеніе, которое занялъ чтимый народомъ Ченстоховскій монастырь.

Какъ наша Троицко-Сергіевская Лавра отстаивала независимость Россіи въ тяжелые годы смутнаго времени, такъ и маленькая монастырская крѣпость, которую шведскій король называлъ курятникомъ, спасла самостоятельность Польши. Здѣсь засѣлъ отличный полководецъ, Стефанъ Чарнецкій. Изъ монастыря шли грамоты въ народъ, призывающія его къ возстанію противъ шведовъ. И тѣ не устояли. Уже въ слѣдующемъ году Чарнецкій на голову разбилъ шведскія войска и потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, одерживалъ одну за другою блестящія побѣды. Народъ пробудился отъ своей спячки и въ патріотическомъ воодушевленіи подкрѣплялъ войска любимаго вождя припасами, оружіемъ и рекрутами. Польша могла бы возродиться къ новой жизни, какъ послѣ смутнаго времени возродилось Московское царство. Но этого не случилось: шляхта не воспользовалась минутой, чтобы слиться съ народомъ и пожертвовать своими гибельными для родины привиллегіями. Король далъ торжественную присягу позаботиться объ улучшеніи участи крестьянъ, если Богъ освободитъ Польшу отъ шведовъ. Богъ освободилъ: Янъ Казимиръ отказался отъ титула шведскаго короля, и тотъ сразу пошелъ на уступки. Немного спустя, былъ заключенъ миръ. Но Казимиръ оказался плохимъ патріотомъ: онъ задался мыслью уничтожить законъ, по которому власть переходила къ королю не по наслѣдству, а по избранію; онъ хотѣлъ добиться необходимаго для Польши усиленія королевской власти. Но какимъ же путемъ онъ пошелъ къ этой цѣли? Самымъ худшимъ, какой можно было выбрать. Французскій принцъ, котораго король просилъ на польскій престолъ, долженъ былъ явиться въ Польшу съ сильнымъ войскомъ и попросту завоевать ее. Слухъ объ этомъ дошелъ до

народа, который былъ глубоко оскорбленъ измѣнническими намѣреніями короля. И вотъ поднимается новое возстаніе, направленное на этотъ разъ уже противъ Яна Казимира; его заставляютъ отречься отъ своихъ плановъ.

Такъ внутренніе раздоры кипѣли въ Польшѣ въ то время, когда границы ея подвергались постояннымъ нападеніямъ со стороны турокъ и казаковъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ велъ съ нею войну изъ-за Малороссіи, а турецкій султанъ со стотысячнымъ войскомъ шелъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой. И снова въ Польшѣ выдвинулся замѣчательный полководецъ, Янъ Собѣскій.

Между тѣмъ, Янъ Казимиръ, желая, чтобы еще при жизни его совершилось избраніе новаго короля, французскаго принца, отказался отъ престола. Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. Шляхта была до такой степени раздражена противъ короля, что рѣшила выбрать на тронъ непременно кого-нибудь изъ природныхъ поляковъ и остановилась на безцвѣтномъ, болѣзненнымъ князѣ Вишневецкомъ. Онъ царствовалъ очень не долго, и за него правилъ государствомъ, собственно, Собѣскій. Этотъ послѣдній одержалъ нѣсколько крупныхъ побѣдъ надъ турецкими войсками, которыя значительно превосходили численностью польскія, и потому, послѣ смерти короля Михаила Вишневецкаго, именно его выбрали королемъ.

При немъ Польша продолжала вести исконную войну съ Турціей. Собѣскій разбилъ турецкія войска подъ Вѣной, и этимъ положилъ конецъ могуществу Оттоманской имперіи. Но съ Россіей онъ заключилъ вѣчный миръ, по которому Кіевъ навсегда переходилъ къ Россіи. За это Россія должна была помочь ему въ великомъ дѣлѣ, затѣянномъ Собѣскимъ.

Мысль Собѣскаго заключалась въ изгнаніи турокъ изъ Европы, съ Балканскаго полуострова: онъ искалъ союзниковъ

вездѣ, но въ Западной Европѣ оказалось мало охотниковъ пускаться въ эти затѣи. Европейскія государства заняты были каждое своимъ дѣломъ, многія изъ нихъ торговали черезъ Турцію съ восточными землями, а судьба славянъ, сербовъ и болгаръ, томившихся подъ турецкимъ гнетомъ, ни мало не занимала ихъ. Честь и слава Собѣсскому, что онъ принялъ близко къ сердцу участь своихъ соплеменниковъ, православныхъ славянъ. Правда, ему не удалось выполнить свой планъ, но онъ оставилъ его въ наслѣдство Петру Великому, который, продолжая политику польскаго короля, искалъ въ Европѣ союзниковъ для того же замысла. И Петръ не нашелъ помощи въ Европѣ; но свою мысль онъ передалъ потомкамъ, и одинъ изъ его потомковъ, Александръ II, Царь-Освободитель, помогъ болгарамъ, возстановилъ болгарское княжество и одержалъ полную побѣду надъ турками. Въ освобожденіи другого славянскаго племени, сербовъ, которые возстали противъ турецкаго владычества въ 1804 году, русскіе государи приняли, къ сожалѣнію, довольно мало участія.

Янъ Собѣсскій былъ послѣдній замѣчательный король Польши, да и вообще одинъ изъ послѣднихъ крупныхъ людей въ Рѣчи Посполитой. Она быстро шла къ своему упадку. А какъ мало шляхта цѣнила своихъ великихъ людей, видно изъ скандала, устроеннаго на сеймѣ, вскорѣ послѣ освобожденія Вѣны. Король посадилъ около себя старшаго сына; но нашлись голоса, кричавшіе, что это беззаконіе, что сынъ короля вовсе не членъ сейма, да и не королевичъ, потому что тронъ въ Польшѣ не наслѣдственный. Шляхта больше всего на свѣтѣ опасалась усиленія королевской власти, кричала о „золотой свободѣ“, которую она утратитъ, если король будетъ наслѣдственнымъ, и этимъ подкопала послѣднюю опору, на которой держалось государство. вмѣстѣ съ тѣмъ, Польша все больше отставала отъ европейскаго просвѣщенія; писа-

телей было очень немного, да и тѣмъ не для кого было писать, и ихъ сочиненія оставались въ рукописи. Образование молодежи находилось въ самомъ плачевномъ состояніи. Промышленность была плохо развита; Польша торговала только хлѣбомъ и за него получала за дорогія цѣны предметы европейской роскоши.

Избраніе королей сопровождалось всегда чуть не междоусобными войнами, выборъ бывалъ случайный, нерѣдко въ зависимости отъ того, кто изъ иностранныхъ государей оказывалъ въ это время наибольшее вліяніе на Польшу. Король-иностранецъ, какимъ былъ саксонскій курфюрстъ, Августъ II, всего менѣе думалъ о благѣ чужого народа, а заботился лишь объ упроченіи своей династіи на престолѣ. А отсюда новые свары и раздоры.

Такъ дѣло тянулось до половины 18-го вѣка. Изъ-за одного короля, который попалъ на польскій престолъ, благодаря содѣйствію покровительствовавшей ему Франціи, разгорѣлась даже война между Польшей и Россіей, находившейся въ ту пору во враждѣ съ Франціей. Дѣло кончилось, разумѣется, полнымъ пораженіемъ поляковъ, которыхъ уже совсѣмъ не брали въ расчетъ дипломаты при обсужденіи положенія вещей въ Европѣ: такъ были слабы поляки теперь, а вѣдь всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ польскіе короли могли затѣвать великія предпріятія, удивлять всю Европу своими подвигами. Это страшный урокъ. И мы должны помнить, что отъ могущества государства до его упадка вовсе не далеко, если въ народѣ не хранится то чувство патриотизма, которое заставляетъ людей жертвовать своими интересами ради общаго блага, велитъ подданнымъ повиноваться разумно и сознательно законамъ, которые сохраняютъ единство и силу государства. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, развивается безначаліе, анархія: люди ставятъ свои себялюбивые инте-

ресы выше народныхъ; тѣ, кто въ силѣ, пользуются случаемъ, чтобы поживиться народнымъ достояніемъ; такъ гибнетъ народное имущество, слава народа, честь и сила государства. Будемъ помнить, что умѣніе разумно подчинять свои желанія благу народа, умѣніе повиноваться — это великая добродѣтель истиннаго гражданина.

Мы довели исторію Польши до той печальной эпохи, когда начинаются ея раздѣлы. Чѣмъ они были вызваны? Тѣмъ, что русское правительство, уже при императрицѣ Екатерины II, потребовало для православнаго населенія Рѣчи Посполитой равноправія. На это шляхта отвѣтила движеніемъ, которое приняло враждебный Россіи характеръ. Произошла война. Россіи досталась Бѣлоруссія, — съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Послѣ этого Польша пользовалась въ продолженіе 20 лѣтъ внутреннимъ спокойствіемъ, подъ покровительствомъ Россіи, и произвела у себя чрезвычайно важный переворотъ. Знаменитая конституція 3 мая 1791 года установила престолонаслѣдіе, замѣнявшее гибельный законъ объ избраніи короля каждый разъ заново; она уничтожила законъ, согласно которому одинъ человекъ, несогласный съ рѣшеніемъ сейма, разрушалъ его постановленія, крикнувъ: „не позволяю“; она открыла мѣщанскому сословію доступъ къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, рѣшила увеличить численность постоянного войска, и т. п. Нѣсколько раньше подверглось реформѣ школьное образованіе, которое перешло отъ духовенства въ свѣтскія руки.

Будь эти реформы произведены на сто лѣтъ раньше, когда Россія и Пруссія еще не достигли того развитія, какое онѣ получили въ концѣ 18 вѣка, и Польша была бы спасена: избалованная шляхта привыкла бы къ новому строю, мѣщанство обогатило бы своими силами и средствами госу-

дарственную жизнь. Но было уже поздно. По тайнымъ про-
искамъ прусскаго короля, который подстрекалъ противъ
Россіи Польшу, эта послѣдняя обнаружила враждебность по
отношенію къ Екатеринѣ II. Когда же русская императрица
не на шутку разгнѣвалась, прусскій король предложилъ ей
произвести второй раздѣлъ Польши, по которому Россіи доста-
лась Волынь и Подолія.

Подъ предводительствомъ молодого патріота, Костюшки,
польская шляхта рѣшила бороться; но массы крестьянства
не пошли за ней, а тѣ, кто примкнулъ, не могъ противопо-
ставить серьезной силы соединеннымъ русскимъ и прусскимъ
войскамъ. Такъ Польша пала, и ея независимость была унич-
тожена. Послѣдній польскій король, Станиславъ Августъ,
дожилъ свои послѣдніе годы въ Петербургѣ.

Началась пора надеждъ на возстановленіе государства.
Поляки связывали ихъ то съ Наполеономъ, то съ его врагомъ
Александромъ I, отъ котораго они получили большія уступ-
ки, — сеймъ, университетъ, и т. п. Но среди молодежи на-
рѣвались новыя движенія. Польша еще сохранила свои вой-
ска, и въ ноябрѣ 1830 года вспыхнуло возстаніе, которое
Россія подавила съ большимъ трудомъ. Спустя тридцать лѣтъ
слишкомъ, произошло новое возстаніе, или, вѣрнѣе говоря,
попытка возстанія: у польскаго народа уже не было войскъ.

Книгоиздательство Д. И. Тихомирова.

Москва, Б. Молчановка, д. № 24.

Самородки—пѣвцы народной жизни. А. В. Кольцовъ, И. С. Никитинъ, Т. Г. Шевченко. Сборникъ избранныхъ стихотвореній съ біографіями для семьи и школы, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 40 к. *Допущена* въ учеб. библ. высш. учл. и въ безпл. библ. и чит.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. Первый сборникъ рассказовъ для семьи и школы, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.—Ильясъ.—Чѣмъ люди живы.—Большая Медвѣдица.—За что? Ц. 20 к.

— **Второй сборникъ рассказовъ.** Упустишь огонь, не потушишь.—Два старика.—Много ли человѣку земли нужно.—Зерно съ куриное яйцо.—Крестникъ.—Камни.—Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ.—Суратская кофейная. Ц. 25 к.

УАЛЬДЪ, ОСКАРЪ. Принцъ-Счастливецъ. Сказка въ пересказѣ Ел. Буланиной. Ц. 5 к.

— **Дитя-звѣздочка.** Сказка въ пересказѣ Ел. Буланиной. Ц. 5 к.

— **Юный король.—День рожденія Испанской принцессы.** Сказки въ пересказѣ Ел. Буланиной. Ц. 10 к.

ШАПИРЪ, ОЛЬГА. Чужой. Повѣсть. Съ рисунками худ. В. Спаскаго и Н. Богатова. Ц. 35 к.

— **Сонниа клятва.** Съ рисун. худ. К. Фридрихберга. Ц. 30 к.

ШМЕЛЕВЪ, Ив. Въ новую жизнь. Повѣсть. Съ рисунками худ. Н. Богатова. Ц. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

АЛТАЕВЪ, Ал. Троцновскій панъ. Повѣсть изъ временъ гуситскихъ войнъ. Съ рисунками худ. К. Фридрихберга.

БЕРЛИНЪ, Я. А. Образы минувшаго. Съ рисунками.

ПОСПѢЛОВЪ, С. Отъ тюрьмы до короны Историческая повѣсть.

СКВОРЦОВЪ, Н. А. Какъ животныя добываютъ себѣ пищу. Съ рисунками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Провс. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ завед. и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложений.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Провс. разрѣшилъ для учительскихъ бібліотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:	«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:
Безъ доставки на годъ 4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ 5 р. — к.
Съ достав. и пересылк. на годъ . . 5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ . . . 6 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года 3 » 50 »	Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года 3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . 3 » 75 »	Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . 4 » 50 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года . . 2 » 25 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года . . 2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . 2 » 50 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . 3 » — »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года . . 1 » 15 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года . . 1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . 1 » 25 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . 1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „Юной Россіи“) **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналы: 1 стран.—40 руб., $\frac{1}{2}$ стран.—20 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ. домъ № 24—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

Princeton University Library

32101 074391523

